АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

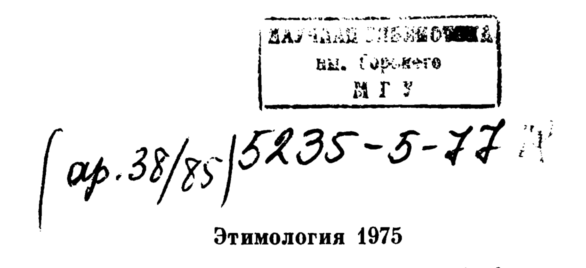
ЭТИМОЛОГИЯ
1975

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА
1977

Очередной том ежегодника включает работы советских и некоторых зарубежных авторов в области этимологии. В связи с анализом конкретного лексического материала, которому посвящены все статьи, в ряде исследований освещаются вопросы межъязыковых контактов (на различных хронологических уровнях и относительно разных языков). Критико-библиографический отдел содержит рецензии на исследования в области этимологии, вышедшие в последнее время.

18

Этимология 1975

Утверждено к печати Институтом русского языка Академии наук СССР

Редактор издательства *Т. М. Скрипова* Художественный редактор *Т. П. Поленова*
Технические редакторы *И. Н. Жмуркина*, *Е. Н. Евтянова*
Корректор *М. В. Борткова*

Сдано в набор 5/VIII 1976 г. Подписано к печати 14/III 1977 г. Формат 60×90 1/16.
Бумага типографская № 1. Усл. печ. л. 12. Уч.-изд. л. 14. Тираж 3000.
Тип. зак. 1448. Цена 1 р. 54 к.

Издательство «Наука». 103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

1-я типография издательства «Наука», 199034, Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

Э $\frac{70101-100}{042(02)-77}$ 399-77

СТАТЬИ

О. Н. Трубачев

СЛАВЯНСКИЕ И БАЛТИЙСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ

Обращаясь к такой теме как славянские и балтийские этимологии, исследователь чувствует себя обязанным дать некоторые разъяснения насчет того, как он понимает балто-славянские языковые отношения, как толкует факты близости балтийского и славянского языкового материала, какое место им отводит в общей картине этих отношений. Близость славянских и балтийских языков, конечно, велика и, как нам кажется, еще не полностью выявлена, если говорить только о задачах лексико-этимологической идентификации; правда, уже давно замечено, что между этими языками также много несходств и различий, видеть которые нам до известной степени мешает действительно впечатляющая масса накопившихся сходств. Изучение балто-славянских языковых (в частности — лексических) отношений закономерно приводит к концепции, которую можно кратко изложить в следующих словах: не будучи особо тесно связаны начиная с самой ранней праиндоевропейской эпохи (ср. показательное отсутствие ряда общих балто-славянских архаизмов и заметные лакуны балто-славянских соответствий разной природы в культурно-исторически важных разделах словаря, охватывающих производственную лексику, социальные отношения и окружающий ландшафт), балтийские и славянские языки никогда не переживали стадии балто-славянского единства, но в ходе исторических передвижений сблизились территориально и, развившись уже к этому моменту в совершенно оригинальные и самостоятельные диалектные группы, начали то длительное и необыкновенно плодотворное языковое взаимодействие, которое не прекращается и в наши дни.

Из сказанного следует, что мы близки к той концепции славяно-балтийских языковых отношений Я. Эндзелина, которая представлена в его «Славяно-балтийских этюдах». Теория балто-славянского единства может объяснить лишь часть фактов, известных нам, кроме того, она приводит к обеднению вероятной реальной картины отношений, как бы налагая запрет на положительное решение вопросов близости или общности, например, славянского

с латинским и, возможно, с другими членами индоевропейской семьи.

Иными словами, мы стремимся взглянуть на славянско-индоевропейские связи шире, рассматривая балто-славянские отношения как один из эпизодов (или аспектов) диалектных и ареальных связей внутри индоевропейского. Тема «Славянские и балтийские этимологии» не означает, таким образом, в нашем понимании исключительности этих связей, ее следует понимать лишь как рабочую постановку проблемы (в общем ряду таких как славянские и германские этимологии, славянские и латинские, славянские и иранские и т. п.). Изложенные выше мысли основываются на убеждении, что славянский (как, впрочем, и балтийский) представляет собой преобразованное продолжение своей оригинальной диалектной модели индоевропейского.

Хотелось бы подчеркнуть, что концепция балто-славянских языковых отношений не делается от этого менее плодотворной. Предстоит еще проделать огромную работу по изучению того, какие именно балтийские факты в состоянии прояснить темные элементы славянской лексики, слово- и формообразования и — наоборот. Ниже этимологизируются примеры того и другого рода, включая один случай заимствования-кальки.

Слав. ***xlębъ** 'затвор, запор, сточное отверстие' ~ балт. ***sklemb-** 'скользить'

В церковнославянских памятниках русского извода встречается известное слово *хлѧбь*, значения которого толкуются в литературе так: *хлѧбь* 'водопад, стремнина': Бездьна бездьноу призываѥть и въ гла҇с *хлѧбии* твоихъ вса высоты твоꙗ и вълны твоꙗ по мнѣ преидоша (εἰς φωνὴν τῶν καταῤῥακτῶν). Псалт. Симон. д. 1280 г. пс. XLI. 8. Ни Ниловъ *хлѧбии* оудрьжати хытрость какаѧ же (οὔτε τοὺς Νειλῴους καταράκτας ἐπισχεῖν μηχανή τις). Гр. Наз. XI в. 282. Аще *хлѧби* с'творить Бг҃ (καταράκτας). Георг. Ам. (Увар.) л. 119; 'поток': *Хлѧби* нбсныꙗ (οἱ καταῤῥάκται τοῦ οὐρανοῦ). Быт. VII. 11 по сп. XIV в. . . . В образных выражениях: Твои бл҃жныи ꙗзыкъ *хлѧбии* повелѣниї истачаꙗ, ѥретичьскоую льсть крѣпъко потаплѧꙗть (καταράκτας δογμάτων). Мин. 1097 г. л. 76. *Хлꙗби* ѿврьзи глѫбинѣ словесьнѣи. Мин. Пут. XI в. 35. Аще затвориши нбо, кто отъврьзеть, и аще отврьзеши *хлѧби*, кто оудрьжить (καταῤῥάκτης). Гр. Наз. XI в. 314. И азъ ѿверзу вамъ *хлѧбі* нб҇сныꙗ. Пов. вр. л. 6576 г.[1] В словаре Даля приводится слово *хлябь* ж. р. 'простор, пустота, глубь, глубина; пропасть, бездна, с понятием о подвижности жидкой среды, в коей она заключена' [2] и диал.

[1] Срезневский III, стлб. 1376.
[2] Даль[2] IV, стр. 554.

(зап.) *хля́ба* ж. р. 'дождь с мокрым снегом'. Второе из них — слово экспрессивное, звукоподражательное, как и соответствующий глагол *хля́бать* 'качаться, шататься, стучать, брянчать, от неплотной пригонки вещи' (Даль), их форма и возникновение тесно связаны с близкими по употреблению словами *хлопать*, *ляпать* и к рассматриваемому нами здесь слову не относятся, как мы это постараемся далее показать. Собственно говоря, что касается современного русского языка, правильнее будет сказать, что в нем нет слова *хлябь*, а есть лишь цельная образная цитата из церковнославянского текста Святого писания — *разверзлись (отверзлись) хляби небесные*. К ее значению и толкованию мы еще вернемся. Вообще слово, по-видимому, не является восточнославянским (укр. *хляби* 'отвір', приводимое у Г. Петерссона, ниже, нуждается в проверке). Западнославянские соответствия нам неизвестны (о семантических эквивалентах в польских библейских текстах мы еще будем говорить в дальнейшем). Из южнославянских сюда относятся ст.-слав. (др.-болг.) хлаба καταρράκτης (Синайская псалтырь и Супрасльская рукопись) и сербохорв. стар. *hleb* ж. р., также *hlêp* м. р. 'cataracta', 'плотина, запруда, шлюз', 'водопад', *hleb* ж. р., с примером из псалтыри XVIII в.: bezdno bezdna priziva u glasu *hlebih* tvojih[3].

Остается неясной народнодиалектная основа этой, по-видимому, первоначально южнославянской лексемы, поскольку перед нами — исключительно книжные случаи с библейской семантикой. Книжный характер, тем не менее, не мешает нам видеть здесь реальное слово древнего происхождения. Правда, круг значений как бы замкнут и задан библейской тематикой переводного греческого или латинского текста Ветхого завета, более того, основные наиболее известные контексты словоупотребления рано фразеологизированы и вошли в систему религиозной символики. Однако внимательное изучение тех же контекстов с привлечением некоторых дополнительных, оставшихся, так сказать, в тени, а также греческих и некоторых прочих семантических эквивалентов в духе типологии реалий и значений позволяет выйти из этого замкнутого круга и провести правдоподобную реконструкцию первоначального значения с одновременной этимологизацией слова.

Но сначала — о существующих в литературе этимологических объяснениях. В свое время Г. Петерссон предложил для объяснения происхождения ст.-слав. хлаба catarrhacta, fores этимологическую альтернативу: 1) с первоначальным значением 'отверстие, жерло' — к ц.-слав. склабити ся 'открывать рот, скалиться' < праслав. **skolb-*, ср. норв. диал. *skolp* 'выдолбленная, полая

---

[3] RJA XI, стр. 633, 634. — Ср. еще J. Schütz. Die geographische Terminologie des Serbokroatischen. Berlin, 1957, стр. 72: *hleb* 'водопад; отверстие, бездна, глубина'.

чурка' < и.-е. **sqelb-* 'раскалывать', причем в хлѧбѧ представлена назализация; 2) с первоначальным значением 'течь, лить(ся)' родственно ср.-в.-нем. *slamp* 'кутеж, попойка', нидерл. *slemp* 'лакомая еда', англ. *slump* 'падать, шлепаться в сырость или грязь' [4]. Строго говоря, нас не удовлетворяет ни первая, ни вторая возможность, но справедливость требует признать, что при первом предположении автор исходил из объективных семантических предпосылок. Прежде чем мы займемся доказательством этого положения с помощью новых аргументов, которые, как нам кажется, должны дать единственно приемлемую убедительную новую этимологию, укажем на то, что все последующие этимологические комментаторы слова хлѧбѧ как раз развивали и поддерживали в основном вторую альтернативу, изложенную у Г. Петерссона. Так, очень близко к нему подходит уже Бернекер: *chlębъ*. . . «Можно было бы вспомнить о ср.-в.-нем. *slamp* 'пьянство', н.-в.-нем. *schlampen* 'хлебать', нж.-нем. *slempe* 'помои', нидерл. *slempen* 'пировать'. Или славянское слово основывается на самостоятельном звукоподражании?» [5]. Та же исходная идея влаги, сырости, топи заложена в этимологии А. Брюкнера, предположившего родство хлѧбѧ с лит. *klampà* 'топь, болотистое место', *klim̃pti*, *klimpstù* 'вязнуть' [6]. Ср., далее, этимологию В. Махека, который возводил хлѧбѧ к **glęb-*/**glǫb-*, сюда же слав. **glǫbokъ* 'глубокий' [7].

Для исследования особенностей ст.-слав. хлѧбѧ интереснее всего обратиться к соответствующим местам в русской церковнославянской литературе разных эпох, где можно найти богатый и поучительный материал, во-первых, недостаточно отраженный и неточно истолкованный в известном словаре Срезневского, а во-вторых, позволяющий многое фактически добавить к семантической истории ст.-слав. хлѧбѧ, которая оставалась бы скудной и неполной без привлечения данных русской письменности. Ниже для этой цели специально выписаны цитаты из Картотеки Словаря русского языка XI — XVII вв., Института русского языка АН СССР: гь бъ ѿвръзе *хлѧ́бїи* нбⷭ҇ные (Dominus Deus aperuit catarrhactas coelestes. Кн. Енохова, 1. XIII в. (XV в.); . . . и҃ прольꙗсѧ на землю дожⷣь ѿ нбсъ и҃ *хлѧби* нбⷭ҇ныѧ́ ѿврьзошасѧ и҃ безⷣны и҃спꙋщаахоу во́ды мно́гы зѣло (Палея Ист. XV (XII) в.); *хляби* небеснии — облацы дождевнии (Алф. 446, XVII в.). А гдѣ съ вышшаго мѣста къ нижшеи дна части вода стекаетъ, аще велика

[4] H. Petersson. Studien über slav. *ch*. — AfslPh XXXV, 1914, стр. 378—379.
[5] Berneker I, стр. 388.
[6] A. Brückner. — KZ LI, стр. 229.
[7] V. Machek. Untersuchungen zum Problem des anlautenden *ch-* im Slavischen. «Slavia» XVI, 1939, стр. 199—200. — Подробную литературу см. Фасмер IV, стр. 248—249 (точка зрения автора близка к Бернекеру); см. также G. Shevelov. A prehistory of Slavic, Heidelberg, 1964, стр. 135.

будетъ низкость, глаголется то мѣсто *хляби* или врата водяные, гдѣ со стремленіемъ и быстриною рѣка въ низъ рѣется (Геог. Ген. 212).

Центральный вопрос настоящего исследования — что такое *хляби*? Вопрос этот актуален не только в этимологическом плане, но и в реально-семантическом (какая реалия имелась в виду?), с последнего мы и начнем. Имя *хлѧбь*, *хлѧби* управляется в церковнославянских текстах глаголом *отъвръсти* / *отъвръсти* 'открыть, отворить', ср. еще выражения *отъвръсти раку*, *двери*, *оуста* = 'открыть гроб, двери, рот (т. е. нечто первоначально закрытое, замкнутое)'. В переводных текстах словом *хлѧбь* передавалось греч. καταρράκτης (соответствующее место в латинской библии просто содержит заимствованное catarrhacta и не помогает разъяснению вопроса). Греческое слово имело значения 'водопад' и 'опускная дверь или решетка', 'опускная или подъемная дверь', ср. еще καταρρακτὴ θύρα 'опускная или подъемная дверь'. Сразу отметим, что оба значения греческого слова гораздо ближе друг к другу, чем кажутся, если представить себе, что в основу понятия водопада мог лечь такой признак как 'преграда', общий и для понятия 'дверь, решетка' (этимологической связи с καταράσσω 'низвергать' здесь не касаемся). Весьма вероятно, далее, что значение имени рано фразеологизировалось и абстрагировалось уже в самом греческом, откуда объясняется в общем смутное представление о реальном семантическом содержании выражения οἱ καταρράκται τοῦ οὐρανοῦ. Тем не менее, этой естественной тенденции забвения древнего конкретного смысла, с другой стороны, противостояла своеобразная (весьма смутная) традиция сохранения каких-то реликтов этого значения. Во всяком случае первое явление мы наблюдаем в словаре Срезневского, где *хлѧби* нбсныя οἱ καταρράκται τοῦ οὐρανοῦ толкуется как 'поток' (см. выше), а второе живет в переводческой традиции на разных языках и каким-то образом дожило до наших дней. Ср. русский перевод Библии синодального издания 1912 г., где соответствующее место книги Бытия (VII, 11) звучит следующим образом: ...в сей день разверзлись все источники бездны, и окна небесные отворились (описание потопа).

Любопытно в связи с этим отметить, что например, в польских переводах библии соответствующие места передаются с последовательной конкретностью и при этом — весьма отлично от русских переводов. Так, то, что в русско-церковнославянских переводах передано с помощью слова *хлѧби* (а у Срезневского, далее, получило толкование 'водопад, стремнина' и даже 'поток'!), переводилось по-польски словом *upusty*, мн. ч. от *upust* 'сток', 'шлюз', 'плотина'. Бытие VII, 11: przerwały się źrzódła przepaści, i upusty niebieskie otworzone są. Wuj [8]. Псалом XLI, 8: (греч.) εἰς φωνὴν τῶν καταρρακτῶν; (ц.-слав.) бездьна бездьну при-

---

[8] Варшавский словарь VII, стр. 341.

зываеть и въ г л а҇ х л ѧ б и и твоихъ. . .; (русск. Библия синод. изд. 1912 г.) бездна бездну призывает г о л о с о м в о д о п а д о в твоих; (сербохорв. псалтырь XVIII в.) bezdno bezdna priziva u g l a s u h l e b i h tvojih (см. выше); (польск. стар.) przepaść przepaści wzywa w h u c z e n i u p r z e d c h l i n (a b o u p u s t ó w) Twoich. Biblia Leopolity [9]. Леополит дает, как видим, даже два варианта перевода, не оставляя у нас никаких сомнений в том, что здесь речь идет о п р о п у с к н ы х о т в е р с т и я х и л и с т о к а х, а не о водопадах и стремнинах, ср. и отмеченные в словарях значения стар. сербохорв. *hl̥eb*, *hl̥ěp* 'плотина, запруда, шлюз', о чем как-то забывают. Предпримем несколько дополнительных уточнений. Выше приведен пример из Палеи, почерпнутый из Картотеки Словаря русского языка XI—XVII вв., представляющий, в наших глазах, большой интерес наглядным различением значений и функций слов *хлѧби*, *бездна*, *вода* в пределах одной и той же фразы: . . . и̃ х л ѧ б и нб҇ныѧ̀ ѿврьзошасѧ и̂ б е з҇ н ы и̂спѹщаа͡хоу в о̀ д ы мно́гы зѣло. Другой, взятый нами на выбор, пример относится к сравнительно позднему времени на рубеже XVII—XVIII вв. (из «Географии генеральной» 1718 г.), но позднее время фиксации с лихвой возмещается здесь самобытными моментами лексико-семантической характеристики и той редкой свободой от библейского фразеологического штампа, которая выдвигает этот пример на одно из первых мест по важности среди наших аргументов: . . . глаголется то мѣсто х л я б и и л и в р а т а в о д я н ы е. . . (полностью цитата приведена выше). Комбинация показаний всех этих контекстов неумолимо ведет к заключению, что *хлѧбь* первоначально обозначало затвор, (регулируемый) сток. Такого рода простейшие затворы для воды с древности известны в ирригационных сооружениях, распространены они и при водяных мельницах, и последнее, наверное, ближе подходит к условиям жизни древних славян. Видимо, из этой производственной сферы позаимствована была лексика, а с нею и символика для передачи лексики и символики библейских текстов. «Водяной с п у с к, — читаем у Даля (IV, 301), — труба или желоб, спускающий воду на мельничное колесо». Русск. *спуск* очень близко к польск. *upust* 'сток; шлюз; плотина' (см. выше), ср. в польском переводе библии: . . . i upusty niebieskie otworzone są. По-русски мы сказали бы: открылись с п у с к и небесные. Следовательно, принятый церковью современный русский перевод (. . . и о к н а небесные отворились; см. выше) очень приблизителен, как, впрочем, и русский перевод слов псалма XLI, 8: бездна бездну призывает голосом в о д о п а д о в твоих. Характер и качество перевода свидетельствует нам о забвении того факта (языка, культуры и истории), что хляби — это врата водяные, а не природные водопады и уж тем более не «простор,

---

[9] Варшавский словарь VII, стр. 341.

пустота, глубь, глубина; пропасть, бездна, с понятием о подвижности жидкой среды, в коей она заключена. . .»

После того как «простор» неуловимого значения слова *хлябь* удалось путем семантической реконструкции заменить конкретным '(водяной) затвор, запираемый спуск', можно попытаться ограничить и простор для этимологических решений, и б о т о л ь к о к р и т е р и и, о г р а н и ч и в а ю щ и е в ы б о р э т и м о л о г и и, о б е с п е ч и в а ю т е й н а и б о л ь ш е е в е р о я т и е. Связь с водой здесь не изначальна, ср. хотя бы любопытное «сухопутное» употребление корня *хляб-* в русск. диал. *перехля́бина* 'перехват (преимущественно на носу)': *нос с перехлябиной* [10], где явственно проступает, так сказать, семантический момент 'запор'. Господствующая этимология слав. **xlębь*, основанная на идее сырости и влаги (см. выше), должна быть оставлена по семантическим причинам. Но она не удовлетворяет нас и по фонетическим причинам, так как не может сколько-нибудь убедительно объяснить наличие славянского *x-*: для происхождения *x-* < *s-* здесь как будто не было фонетических условий (требуется предшествование *i*, *u*, *r*, *k*), для перехода *x-* < *k-* отсутствовали условия семантико-стилистические, так как такой переход спорадически осуществлялся в экспрессивной лексике (*хлопотать* < **klopotati*), а **xlębь*, *хлябь* не было экспрессивной лексемой. Остается такой источник для слав. *x-* как *sk-* (через стадию *ks-* > *x-*, как известно) [11].

Подобно тому как слав. **xlędnǫti* 'лишиться сил' признано родственным лит. *sklę̃sti*, *sklendžiù* 'скользнуть в сторону', а слав. **xlǫdъ* 'прут, жердь' — лит. sklañdas 'жердь, кол в заборе', точно так же слав. **xlębь* 'затвор, запор' через стадию **sklemb-* родственно лит. *sklem̃bti*, *sklembstù*, *sklembaũ* 'соскользнуть в сторону'. Этимологически тождественное лит. *sklem̃bti*, *sklembiù*, *sklembiaũ* 'срезать наискось, заострять', 'стесывать' [12] представляет собой семантическое развитие более древнего значения, представленного в *sklem̃bti*, *sklembstù* 'соскользнуть'. Обратим внимание на то, что и в другом вышеупомянутом литовском глаголе — *sklę̃sti*, *sklendžiù* представлено значение 'скользнуть в сторону' (непереходное); этот же глагол в переходном употреблении имеет значение 'задвигать (засов, задвижку)', 'запирать (дверь)'. Здесь, в синхронном употреблении, как бы уже дана схема семантической эволюции, потому что значение 'запирать, задвигать (засов)' явно развилось из значения 'скользить', ср. параллельные в какой-то мере русск.

---

[10] И. С м и р н о в. Кашинский словарь. — Сб. ОРЯС LXX, № 5, стр. 128.

[11] Об источниках слав. *x-* писалось много, ср., например, в недавнее время: В. М. И л л и ч - С в и т ы ч. Один из источников начального *x-* в праславянском. — ВЯ 1961, № 4, стр. 94. — Кажется, нет серьезных оснований возводить слав. *x-* к и.-е. *x-*, как делают отдельные ученые, см. W. M e r l i n g e n. Idg. *x*. «Die Sprache». IV, 1958.

[12] M. N i e d e r m a n n, A. S e n n, F. B r e n d e r, A. S a l y s. Wörterbuch litauischer Schriftsprache, III. Heidelberg, 1957, стр. 698.

совать: *засов*. Лит. *sklem̃bti* родственно этимологически лит. *sklęsti*, *sklendžiù*[13] и представляет собой, собственно говоря, вариант основы, расширенный другим суффиксом-детерминативом (**sklen-b-*: **sklen-d-*). Примерно такие же суффиксальные вариации наблюдаем в слав. **xlębь*: **xlęd-* / **xlǫdъ* (значения см. выше), которые восходят к старшим **sklen-b-* : **sklen-d-*. Конечно, в славянском наблюдаются свои отличия, например, обнаруживаются следы значения 'запор', которое, насколько мне известно, не развилось в балтийском, зато в балтийском представлен глагол с подходящим отправным значением, не обнаруживаемый сколько-нибудь убедительно в славянском материале. В этом примере славянский и балтийский взаимно проясняют состояние и стадии эволюции своих форм, но для нас очевидно, что эти стадии различны, а эволюция в обоих группах самобытна.

Слав. * *bergt'i* ~ лит. *gerbti* *

Славянское слово, представленное в заглавии этой заметки праславянской формой **bergt'i*, широко распространено только в восточнославянских языках. Сюда относятся др.-русск. *берегѹ*, *беречи* 'беречь'[14], русск. *бере́чь* 'охранять; сохранять, предохранять', диал. *бере́чь* 'угощать, ухаживать'[15], ст.-укр. *берегти*[16], укр. *берегти́* 'беречь, хранить'[17], блр. *берагчы́* 'беречь'. Из других славянских языков можно назвать только цслав. брѣшти, брѣгѹ μέλειν curae esse[18] и сербохорв. стар. (XIII—XVII вв.) *brijèći* 'беречь, хранить, соблюдать'[19].

Праславянский глагол **bergǫ*, **bergt'i* с его характерным для индоевропейских глагольных основ *-e-* вокализмом носит характер древнего образования, на что в свое время обратил внимание А. Мейе[20]. Лексическое глагольно-именное гнездо **berg-*/**borgъ*/**bьrg-* сохраняет очевидные следы также в тех славянских языках, которые, например, утратили глагол **bergt'i*, но обнаруживают производное от глагола имя с классическим гласным *-o-* в корне (**borgъ*), как например в западнославянских языках, где это имя обозначает 'кладь сена'. Продемонстрированное богатство корневой апофонии может говорить только об исконнославянском происхождении глагола **bergt'i*, который считается, далее, род-

[13] Fraenkel II, стр. 810.

* Краткая версия излагаемой ниже этимологии уже опубликована в составе «Этимологического словаря славянских языков» (вып. 1. М., 1974, стр. 189—190).

[14] Срезневский I, стлб. 69.

[15] Говоры Прибалтики, стр. 28.

[16] Тимченко I, стр. 83.

[17] Гринченко I, стр. 51.

[18] Miklosich LP s. v.

[19] RJA I, стр. 64.

[20] A. Meillet. — MSL 14, 1907, стр. 384; А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951, стр. 174.

ственным германскому глаголу с близким значением: гот. *bairgan*, др.-в.-нем. *bërgan*. Таков главный итог этимологической славистики и индоевропеистики [21]. Более углубленные поиски истоков самого глагола в индоевропейском, попытки осмыслить его как некое производное от имени и.-е. **bherĝh-* 'гора, убежище' [22] мы здесь оставляем в стороне как не имеющие прямого отношения к нашей теме. Если верить современной этимологической литературе, балтийские соответствия славянскому в данном случае на редкость скудны: указывают только на родство с лит. *bìrginti* 'беречь, скупиться' [23]. Но уже характер литовского глагола и его огласовки свидетельствует красноречиво о том, что перед нами — реликт развитых апофонических отношений (ступень редукции) и что для какого-то более раннего времени можно предполагать наличие апофонического ряда. Трансформируя славянские отношения в балтийское состояние, мы получим **berg-/*barg-*. Но глагол **bergti* неизвестен, например, в литовском, нет там и имени типа **bargas*, **barga* или **bargė*. Что произошло в языке? Были ли вообще когда-нибудь такие образования в балтийском? О том, что они на самом деле существовали, говорит нам не только апофонический реликт лит. *bìrginti*. Еще более убедительно говорит о том же забытое как славистами, так и балтистами блестящее этимологическое сближение, выдвинутое добрых сто двадцать лет тому назад С. Микуцким [24]: русск. *берегу*, *беречь* и лит. *gerbti* 'чтить, почитать, уважать, ценить'. Сразу становится ясным, что упомянутая глагольно-именная основа в балтийском претерпела в своих основных апофонических формах метатезу, т. е. лит. *gerbti* < **bergti*, ср. и дальнейшее, акцентуационное соответствие славянского и балтийского циркумфлекса: русск. *берегу́*, *бере́чь*, сербохорв. *brijèći* и лит. *gerbti*. Точно так же лит. *garbė̃* 'честь' — метатеза первоначального **bargė* с вокализмом *-o-*; сюда примыкает глагол с вторичным, именным вокализмом — лтш. *gārbêt* 'хорошо обращаться, беречь', *gārbît* 'беречь, щадить' из **bargît*, **bargêt*. Тождество значений славянских и балтийских слов при этом не требует доказательств, но их словообразовательно-морфологическая эволюция, как видим, глубоко оригинальна. Существующие этимологии литовских и латышских слов [25] нас не убеждают.

---

[21] Miklosich, стр. 10; Berneker I, стр. 49; Trautmann BSW, стр. 31; Фасмер I, стр. 153; Sadnik-Aitzetmüller. Lief. 4, стр. 271.

[22] Pokorny I, стр. 141.

[23] Fraenkel I, стр. 44.

[24] С. Микуцкий. — Изв. ОРЯС, т. IV, СПб., 1855, стр. 409.

[25] Fraenkel I, стр. 147: *gerbti* относит ряд ученых к лит. *gìrti* 'хвалить, прославлять'; сам автор говорит о родстве лит. *gerbti* 'чтить' с лтш. *g'ȅrbt* 'ухаживать, украшать, наряжать', далее — с др.-прусск. *gīrbin* 'число', ст.-слав. жрѣбии, причем развитие значений якобы шло от 'зарубка', 'число' через 'считать' к 'чтить'. Но давно указано на заимствование лтш. *g'ȅrbt* из нем. *gerben* 'готовить, наряжать', 'дубить' (Кипарский у Френкеля), а др.-прусск. *gīrbin* и ст.-слав. жрѣбии также не имеют сюда отношения.

Лит. *petrẽlė* 'божья коровка' — словообразовательно-семантическая калька блр. *пэтрык* / *пятрок* / *пятрук* / *пятрусь* 'божья коровка'

Необычайно богатое словообразовательными вариантами название божьей коровки в белорусских говорах — *пэтрык*, *пятрок*, *пятрук*, *пятрусь* и т. д. — несет на себе печать вторичного осмысления в связи с именами людей и святых, ср. такую крайнюю стадию как *петра-паўла* в значении 'божья коровка' [26]. Эти формы никак нельзя отрывать от блр. *бедрык* и *бедарка* в значении 'божья коровка', далее — от близких форм других славянских языков — укр. *бедрак*, *бéдрик* [27], польск. *biedronka*, *biedrzonka* 'божья коровка' [28], чеш. *bedruňka* 'божья коровка', диал. *bedrunka* то же [29], слвц. *bedrunka* [30].

Это древнее славянское название насекомого, в этимологию которого, подробно анализируемую нами в «Этимологическом словаре славянских языков» (вып. 1, s. v.), мы здесь не будем вдаваться. В данном случае нас интересует природа связи преобразованных упомянутым образом блр. *пэтрык* и др. (выше) и лит. *petrẽlė* 'божья коровка'. На связь этих слов указал уже Махек, но похоже, что он трактовал их отношения в духе обычных для него корреляций по звонкости / глухости, в остальном считая неясным всю группу [31]. Между тем литовское слово (кстати, пропущенное в словаре Френкеля), в сущности прозрачно по структуре и калькирует белорусское название, повторяя его внутреннюю форму, модель: 'маленький Петр'.

---

26 Л. Ф. Шаталава. Назва «божай кароўкі» (Coccinella septempunctata) у беларускіх гаворках. «З жыцця роднага слова». Мінск, 1968, стр. 166 и след.
27 Гринченко I, стр. 36, 37.
28 Варшавский словарь I, стр. 148.
29 Bartoš, стр. 14.
30 Kálal, стр. 20, 909.
31 Machek², стр. 50.

Л. В. Куркина

СЛАВЯНСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ. IV

(словен. *škȑt*, с.-хорв. *pȑtiti*, слав. **strukъ* / **strǫkъ*)

Словен. *škȑt*

Словен. *škȑt*, род. п. *škŕta* м. р. 'царапина' [1] не имеет определенной этимологии. Изучение этого слова показывает, что оно принадлежит к древнейшей части праславянского словаря и является, по всей видимости, одним из отражений и.-е. корня **(s)ker-* 'резать' [2]. Этот корень в сочетании с расширителями *-t* и *-d* продолжают многочисленные славянские образования, среди которых для примера укажем русск. ц.-слав. *чрьтѫ*, *чрѣсти* 'резать', русск. *черта* [3], *короткий* < **ker-t-*/**kor-t-* [4] и русск. диал. *скорода* 'борона', *оскорд* 'большой топор, секира', чеш. *oškrd* 'точило' < **skor-d-*/**skъr-d-* [5]. Словен. *škȑt* интересно тем, что дает основание для реконструкции основы **(s)krot-*/**(s)krъt-*, отражающей состояние так называемой II базы и.-е. корня **(s)ker-t-*. Предположение о наличии в праславянском основы **(s)krot-*/**(s)krъt-* позволяет понять и связать родством отдельные разрозненные лексемы славянских языков. Шире всего лексемы этого типа представляют словенский и чешский, отдельные реликтовые образования удается обнаружить в сербохорватском, болгарском и македонском, т. е. языках, территориально близких и расположенных на юго-западе.

В словенском *škȑt* входит в довольно обширную семью родственных слов, отношения которых еще мотивированы в языке. У Плетершника находим *škŕta* ж. р. 'зазубрина, зарубка, насечка', прил. *škȓt*, *škŕta* 'скупой', отыменный глагол *škŕtati*, *-am* 'мелко резать, делать зарубки, насечки; глодать; скупиться' [6]. Отношение *kŕtati* = *škŕtati* [7] как будто бы указывает на *s*-mobile (ср. с развитием *s* > *š* в начале слова словен. *škrípati* 'скрипеть', *škropiti* 'брызгать, кропить', *škŕba* 'щербина, зазубрина' [8]). Основа *škrt* входит в состав глагольных образований с различными пристав-

---

[1] Pleteršnik II, стр. 637.
[2] Pokorny, стр. 941—942.
[3] Фасмер IV, стр. 348; «Этимологический словарь славянских языков (Праславянский лексический фонд)», вып. 4.
[4] Фасмер IV, стр. 336.
[5] Фасмер III, стр. 160—161. Из последних работ см.: В. А. Меркулова. Украинские этимологии. — «Этимология 1973». М., 1975.
[6] Pleteršnik II, стр. 637.
[7] Pleteršnik I, стр. 480.
[8] Pleteršnik II, стр. 634, 637.

ками (*ot-*, *od-*, *na-*): ср. *oškŕtati*, *-am* сов. в. 'оцарапать', *oškŕniti*, *škrnêm* сов. в. 'отломить', 'раздавить (напр. между дверями)', *oškrnjen* 'обглоданный' [9], *odškŕtniti*, *škŕtnem* 'с шумом разорвать, вывинтить' [10], *naškŕtati*, *-am* сов. в. 'обглодать, сделать насечки', *naškŕniti*, *škŕnem* сов. в. 'надломить' [11]. Отглагольного происхождения основы типа *odškȓt*, род. п. *škŕta* м. р. < **otъskrъtъ*, уменьш. *odškrc* м. р. < **otъskrъtьcь* 'отрезанное место, клочок земли' [12], их фонетическими вариантами являются *áškrt* м. р., уменьш. *áškrc* 'кусок ткани, полотна, кожи' [13]. Не исключено, что к этому же этимологическому гнезду принадлежит и лексема *krtíce* ж. р. мн. ч. 'das Raffholz, выкорчеванные корни' и, возможно, *krtíči* ж. р. мн. ч. 'вид саней с толстыми короткими полозьями, на которые кладется толстый конец длинных перекладин' [14]. В пользу такого сближения гл. *kŕtati*, синонимичный *škrtáti*, и типологическая вероятность семантического развития 'резать' → 'обрезок, кусок дерева', ср. русск. *сечь* и диал. *насека* 'нарезка, зарубка', дон. 'трость, булава, жезл', 'тонкое деревце, назначенное для трости', *отсек* 'чурбан, обрубок' [15].

Наиболее точные лексико-словообразовательные соответствия находим в чешском языке, где представлена разветвленная система глагольных и именных образований с корнем **(s)krъt-*: ср. *krtati-škrtati* 'царапать, скрести, писать неразборчиво, пачкать, марать, зачеркивать' [16], 'ковырять в зубах' [17], *krtiti* 'скрести, подрывать; плохо, небрежно пахать' [18], *škrtiti* 'жадничать' [19], *škrtúšiti koho*, *škrtiti* [20], *nakrtiti* 'нагребать, наскребывать', 'рыть, копать' [21]. К этому ряду образований не относится гл. *škrtati* 'скрипеть, скрежетать (зубами), хрустеть', который является омонимом и, по всей видимости, восходит к слав. **skrъžetati* [22]. Обозревая в своем словаре чешские глаголы *škrtati*, *škrtiti*, Махек объясняет их как интенсивы на *-t* от слав. **skrebti*, что фонетически вполне допустимо [23]. Но чешские лексемы, взятые не сами по себе, а в кругу родственных слов и славянских соответствий получают, как нам представляется, более надежное истолкование на основе слав. **(s)krъt-* как одно из закономерных его отражений. В другом месте словаря Махек рассматривает ст.-чеш. *krtit* 'рвать', 'in vomitu', родствен-

---

[9] Pleteršnik II, стр. 687.
[10] Там же, стр. 789.
[11] Pleteršnik I, стр. 672.
[12] Pleteršnik II, стр. 789.
[13] Pleteršnik I, стр. 7.
[14] Там же, стр. 480.
[15] Даль² II, стр. 480, 760.
[16] Kott, I Dodatky, стр. 753; Kott II, стр. 900.
[17] Kott VII, II Dodatky, стр. 855.
[18] Kott I, стр. 828.
[19] Kott III, стр. 900.
[20] Kott VII, II Dodatky, стр. 855.
[21] Kott, I Dodatky, стр. 1091.
[22] Miklosich, стр. 303.
[23] Machek², стр. 614.

ный слвц. *krcat*, *ukrcat' sa*, *grcat'* с тем же значением, предполагая, видимо, корень **krъt-* с последующим фонетическим изменением конца слова *-d-jati* > *-t-jati* > *-cati* [24]. Верно намеченное соотношение лексем, к сожалению, не получает у Махека дальнейшей разработки, и слова типа *krtiti*, *škrtati*, *-iti* оказываются в словаре разобщенными, никак не связанными между собой.

В состав данного этимологического гнезда входят именные основы: *škrt* м. р. 'царапина, щель', 'черта', производные от глагола *škrtač*, *škrtoun* м. р. 'изодранная метла, изодранный веник', *škrtil* м. р., *škrtoň* м. р. 'скряга, скупой' [25], *křtalec* м. р. 'нечто, сделанное плотником' [26], *zákrtek* м. р. 'Schlendrian; яйцо без зародыша' [27]. Указанным выше словен. *krtíce*, *krtíče* семантически близки чеш. *škrtle* ж. р. мн. ч. 'дерево у колодца, к которому прикреплена жердь, на которой висит ведро', *škrtnice* ж. р. 'судовая мельница, с помощью которой осуществляется торможение', *škrtník* 'затычка' [28]. В словаре Котта приводятся лексемы *krcek* 'маленький орех', *krcatý* 'маленький, толстый', *krcak* 'der Stock' [29], которые можно объяснить как сочетание слав. **krъt-* с суффиксом *-ьсь*.

Общее семантическое содержание приведенных выше лексем определяет значение 'резать неровно, так, чтобы оставались зарубки, насечки', из него, естественно, развились значения 'царапать, скрести' и 'зазубрина, царапина, насечка'. Последнее, видимо, послужило основой для обозначения процесса письма: 'царапать' → 'писать неразборчиво'. Значение 'черта', характеризующее чеш. *škrta*, развилось из значения 'резать', ср. семантически русск. *черта* < **ker-t-* 'резать' [30]. Другое значение 'скупой' также соотносимо с исходным 'резать', что в какой-то степени подтверждается такой параллелью, как нем. *Knicker* 'скряга, скупец' и 'складной нож'. Что касается значения 'рыть, подрывать' (ср. чеш. *krtiti*, *nakrtiti*), то уместно вспомнить русск. диал. *дерябать*, которое значит 'скрести, царапать' и 'рвать, разрывать' [31]. В том наборе значений, который характеризует изучаемые лексемы, несколько особняком стоит чеш. *zakrtek* 'яйцо без зародыша'. Его место в семантическом ряду 'резать' — 'царапать, скрести' — 'рвать' помогает понять типологически близкое русск. диал. *выпороток* 'недоносок', которое связывается некоторыми исследователями с гл. *пороть* [32].

Словенский и территориально близкий ему чешский наиболее полно представляют этимологическое гнездо с корнем **(s)krъt-*.

---

[24] Там же, стр. 296—297.
[25] Kott III, стр. 900.
[26] Kott I, стр. 828.
[27] Kott VII, II Dodatky, стр. 1111.
[28] Kott III, стр. 900.
[29] Kott I, стр. 809.
[30] Фасмер IV, стр. 348.
[31] Филин 8, стр. 30.
[32] Фасмер I, стр. 369.

Южнославянские языки сохраняют лишь отдельные звенья этой разветвленной группы родственных слов, в этих языках интересующие нас лексемы носят изолированный характер, лишены каких бы то ни было связей. В словаре Скока приводится с.-хорв. шток. *škȑt* прил. 'скупой' с производными *škrtac* м. р., *škrtica* м. и ж. р., *škrtariti* 'скряжничать, скупиться', они определяются как родственные рум. *cruța* 'беречь, щадить' < *scurt* 'короткий', др.- в.-нем. *skurz*, англ. *short* и, следовательно, возводятся к и.-е. **(s)kъrt-*[33]. От с.-хорв. *škȑt* неотделимо прил. *ȍškrt* 'скупой' (Лика), ср. Vukelić je dobar čoek, samo što je *oškrt*[34]. С этими лексемами отношением родства связано, видимо, *ȍškȓt*, род. п. *ȍškȓti* ж. р. 'резец, молоток каменотеса' (Черногория), которое в словаре Югославянской Академии дается с пометой «темное»[35]. В македонском им соответствуют *шкрт*, *шкртав* 'скупой'[36] и, возможно, *скрт* 'голая поверхность без растительности'[37]. В болгарском к этому этимологическому гнезду принадлежат, видимо, *къртя* 'выкорчевывать', 'выламывать', 'разбивать'[38], *шкарт* 'нечто разрушенное'[39], *кръту лек* 'косо отрезанное дерево'[40].

Изучаемые нами славянские лексемы дают одинаковые основания для реконструкции исходной основы **(s)kъrt-* и **(s)krъt-*, но некоторые общие соображения, о которых речь пойдет ниже, побуждают нас принять реконструкцию **(s)krъt-*. Таким образом, мы отделяем от этой группы слов русск. *кортеть* 'хотеть, сильно желать', с.-хорв. *кртити* 'мучить', для которых Славский справедливо предполагает и.-е. **(s)kert-* с иным семантическим развитием[41].

Есть основания думать, что слав. **(s)krъt-* отражает ступень редукции в корне по отношению к полной ступени, представляемой славянской основой **krot-*. Чрезвычайно важным в этом отношении является свидетельство словенского языка — *króca* ж. р. 'мотыга с железным концом для разбивания камней' (< **krotica*), отмеченное только одним диалектным словарем Ф. Лужара[42]. Заманчиво было бы видеть близкое ему структурно-семантическое соответствие в русск. диал. *крóтик* м. р. 'небольшой однолемешный плуг'[43], хотя последнее могло сложиться и на базе **krъtъ* 'крот'.

---

33 Skok III, стр. 403—404.
34 RJA IX, 40, 323.
35 Там же, со ссылкой на Вука.
36 И-С, стр. 535.
37 Б. Видоески. Кумановскиот говор. Скопје, 1962, стр. 250.
38 С. Б. Бернштейн. Болгарско-русский словарь. Изд. 2-е. М., 1975, стр. 288.
39 Н. Колев. По-особени думи в говора на с. Страхилово, Свищовско. — БД III, стр. 314.
40 М. Младенов. Говорът на Ново село Видинско. София, 1969, стр. 240.
41 Sławski II, стр. 71.
42 F. Lužar. Narodni izrazi. — «Zbornik znanstvenih in poučnih spisov». II. Slovenska Matica. Ljubljana, 1900, стр. 36.
43 Иркутский областной словарь. I. Иркутск, 1973, стр. 228.

Однако не исключено, что словен. *króca* и русск. *крóтик* представляют пример сохранения архаичных основ на крайней периферии славянского мира. В плане семантики вполне естественно использование основы со значением 'резать' для обозначения режущего орудия, ср. семантически словен. *ręzník* 'нож для обрезания веток', русск. *чертéц* м. р. и *чертало* 'косульный или сошный отрез, нож, чересло' [44]. Реконструируемая для праславянского основа **krot-* 'резать' позволяет объяснить и ст.-чеш. *krot* со значением 'прут, розга, ботва, листья; заповедник' [45]. Для понимания взаимосвязи этих значений важно иметь в виду такие семантические параллели, как русск. *сечь* 'рубить, резать', *сечка* 'пенька из конопли, у которой семенная верхушка срезана', *засека* 'заказник, заповедник', 'целиком срубленные деревья, которыми загораживают дорогу, заваливают пространство перед крепостью' [46].

Принимаемое, таким образом, для праславянского отношение основ **krot-* : **(s)krъt-* служит в известной степени аргументом в пользу поддерживаемого некоторыми исследователями (Бернекер, Младенов, Славский [47]) этимологического объяснения и слав. **krotъkъ*, **krotiti* из и.-е. **(s)ker-* 'резать'. Фасмер считает это истолкование неубедительным на том основании, что славянскими языками не засвидетельствовано для этой основы первоначальное значение 'кастрировать', которое позволило бы говорить о родстве с греч. κροτέω 'стучу, бью, кую' [48]. Если верно наше предположение, что словен. *króca*, русск. *крóтик*, чеш. *krot* продолжают праслав. **krot-/*(s)krъt-*, то налицо свидетельство сохранения этой основой первоначального значения, правда, в несколько преобразованном виде. Другим подтверждением того, что слав. **krotъkъ* могло первоначально значить 'кастрированный', является н.-луж. *krośiś* 'оскопить, кастрировать' [49]. Семантическое развитие шло, по всей видимости, в направлении 'оскопить, кастрировать' → 'укрощенный, прирученный' → 'спокойный, покорный, тихий, кроткий' [50]. Семантическую характеристику слав. **krotъkъ*, **krotiti* дополняют русск. диал. *кроти́ть* 'убивать пойманную рыбу, убивать ударом палки по голове' [51], *кроти́ло* 'деревянный в 15—20 фунтов молот для битья морского зверя' [52], а также словен. *krotiti* 'сбивать, напр. яблоки' [53]. Связь значений

---

[44] Д а л ь³ IV, стлб. 1323.
[45] G e b a u e r II, стр. 157.
[46] Д а л ь³ III, стлб. 700; Д а л ь³ I, стлб. 1610.
[47] B e r n e k e r I, стр. 624—625; М л а д е н о в, стр. 258; S ł a w s k i III, 2, стр. 143—144.
[48] Ф а с м е р II, стр. 383.
[49] M u k a I, стр. 700.
[50] S ł a w s k i III, 2, стр. 144.
[51] Д а л ь³ II, стлб. 509; Опыт, стр. 93; К у л и к о в с к и й, стр. 43.
[52] П о д в ы с о ц к и й, стр. 75.
[53] P l e t e r š n i k I, стр. 477.

'резать' — 'бить, ударять' подтверждают русск. *резать* — *разить*.

Очерчивая круг возможных продолжений и.-е. *(s)ker-t- 'резать', мы не ставим перед собой задачи с исчерпывающей полнотой охарактеризовать данное этимологическое гнездо. Славянский материал интересен сохранением древнего соотношения I и II базы этого корня. Продолжением I базы является праслав. **kortъ* (русск. *короткий*) [54], в рассмотренных выше лексемах мы видим отражение II базы — **krot-/*(s)krъt-*. Таким образом, в рамках изучаемого этимологического гнезда разные линии структурно-семантического развития представляют слав. **kortъ*, **krotiti*, **krot-/(s)krъt-*, **čert-*.

В заключение остановимся на слав. **krъtъ* 'крот' как одном из вероятных продолжений данного этимологического гнезда. В этимологической литературе для слав. **krъtъ* (ср. русск. *крот*, болг. *кръm*, с.-хорв. *k̏rt*, словен. *k̀rt* и т. д.) наиболее достоверным признается сопоставление с лит. *krutùs* 'подвижный', *krutù*, *krutěti* 'двигаться' [55]. Оставляя в стороне другие менее правдоподобные объяснения, основанные на сближении с лит. *kurmis* 'крот' или *turkù*, *tur̃kti* 'копать, рыть' [56], мы хотим вернуться к старому истолкованию слав. **krъtъ* как образования, родственного лит. *kertùs* 'землеройка' < и.-е. **(s)ker-t-*. В пользу этой этимологии некоторые общие выводы, вытекающие из систематического обозрения славянских лексем с предполагаемой исходной основой **krot-/*(s)krъt-*, а также структурно-семантическое тождество двух сложений. Одно из них представляет русск. ц.-слав. *кръторыꙗ* 'крот', а другое — серия гидронимов: *Чертория* (бассейн Припяти), *Черторой*, *Черторыя* (рукав Десны), *Черторый* (р-н Новгорода), польск. *Czartoryja* [57], а также апелл. *черторой* м. р. 'овраг, рытвина от воды' [58]. Обращает на себя внимание разительная близость этих двух славянских сложений довольно старого вида — **krъto-ryja* и **čьrto-ryja*. Очевидно, мы имеем дело не с случайным сходством, а с фактом близкого родства двух сложных слов с исторически тождественной первой частью *кръm-/черm-* < **krъt-/*čьrt-* [59]. Возможность соотнесения слав. **krъtъ* с праслав. **krot-/*krъt-* 'резать, царапать, рыть' как будто бы подтверждает одно из диалектных названий крота — ярослав. *ры́тик* [60].

---

[54] Фасмер II, стр. 336.

[55] Обзор существующих этимологий см.: Berneker I, стр. 631—632; Младенов, стр. 259; Фасмер II, стр. 383; Sławski III, 1, стр. 92—93.

[56] Machek², стр. 296.

[57] M. Vasmer. Wörterbuch der russischen Gewässernamen. Lfg. 13. Berlin—Wiesbaden, 1969, стр. 170; О. Н. Трубачев. Названия рек правобережной Украины. М., 1968, стр. 241.

[58] Даль³ IV, стлб. 1324.

[59] Фасмер IV, стр. 348—349.

[60] Фасмер II, стр. 383.

В словаре Скока с.-хорв. *pȑtiti*, *pȑtîm* 'грузить, обременять', 'поднимать груз на спину', 'нести, тащить, тянуть', 'трудиться, мучиться' (с XVI в.) соотносится с именными основами *pȑten* 'льняной, конопляный' и *pratež* 'товар, багаж', для которых восстанавливается и.-е. корень **per-* 'ударять' с расширителем *-t* [61]. Суждения об этой основе во всей полноте ее славянских продолжений затрудняет, по мысли Скока, совпадение двух омонимов, один из которых представляет с.-хорв. *pȑtiti*, а другой *pȑten*, словен. *pȓt* 'полотно', и т. д. Таким образом, Скок различает для славянских языков *prt*¹ и *prt*². В общем принимая это разграничение Скока, мы обращаемся к рассмотрению с.-хорв. *pȑtiti* и родственных ему слов, чтобы внести некоторые уточнения в состав изучаемого гнезда слов, его морфонологических связей, сферы распространения. Исходя из структурно-семантических особенностей данной группы лексики попытаемся обосновать возможность соотнесения ее с общеслав. **portja* 'праща'.

В сербохорватском в семью слов, родственных *pȑtiti*, входят следующие образования: *prtalo* 'ремень, на котором висит сумка через плечо', *pȑtilica* 'веревка (из шерсти), на которой носят дрова или воду', 'сумка', *pȑtļag*, род. п. *prtļága* м. р. 'багаж' [62], далее *nàprtiti*, *nàprtîm* 'нагрузить, навалить' [63], *ȕprtiti* то же [64] с производными от них именами *naprtak*, *-tka* м. р. 'бремя, груз' [65], *ȕnpma* 'наплечный ремень, перевязь на сумке; сумка (через плечо), ранец' и наречием *ȕnpт̑*, ср. *на упрт* 'на закорках, на закорки' [66]; *ȍprta* 'вязанка дров, которую крестьянин несет в город продавать', 'большой шнур (из шерсти), которым перевязывают узелок', 'Tragband', *oprteš*, род. п. *ȍprteši* ж. р. 'fascia cocularia' (только в словаре Неманича) [67].

Сходные структурно-семантические образования находим в словенском: ср. *opŕtati*, *-am* нес. 'носить на ремне, на веревке', 'носить на спине (вообще)', *opŕtiti*, *-pȓtim* сов. 'взять на себя (неприятные последствия чего-либо)', 'связывать, соединять веревкой, цепью' и *opȓt*, род. п. *opŕta* м. р. 'ремень' (ср. *na oprtu nositi* 'носить на спине груз, поддерживая его ремнем, веревкой'), 'перевязь для руки', 'помочи на брюках', *opŕta* ж. р. 'чересседельный ремень, лямка', *opŕtnik* 'наспинный короб', *opŕtnica* ж. р. 'лямка, подвесной ремень', 'помочи, подтяжки' [68], 'перевитые легкие ветки для поддержания корзины на спине', ср. также *oprten koš*, *opŕtav*

---

61 Skok III, стр. 58.
62 RJA XII, 53, стр. 510—517.
63 RJA VII, 32, стр. 536—537.
64 Iveković-Broz II, стр. 656.
65 RJA VII, 32, стр. 536.
66 И. Толстой², стр. 1010.
67 RJA IX, 39, стр. 122.
68 Pleteršnik I, стр. 844—845.

koš[69], *opŕtna* = *oprtica* 'заплечный ремень, веревка, поддерживающая мешок'[70]; *napŕtiti*, *-pŕtim* сов. 'взвалить груз на плечи' и *napŕtek* 'взваленный на кого-то груз'[71]; *spŕtati*, *-am* 'снять груз', 'разгрузить, освободить', *zapŕtiti*, *-pŕtim* 'помочь кому-нибудь слезть'[72]. С.-хорв. *pȑtiti* точно соответствует словен. *pŕtiti* 'привязывать скот на пастбище', 'взваливать ношу на спину, а точнее привязывать её к спине', 'трудиться, напрягаться', 'неловко, неуклюже лезть, тащиться'[73]. Сюда же, несомненно, принадлежит и словен. зильск. *pŕča* 'Weidestrick', ср. kravo na *prči* pasti[74].

Общее семантическое содержание сопоставляемых основ составляют следующие взаимосвязанные значения: 'веревка, шнур, ремень' → 'груз, ноша, сумка на ремне, веревке' → 'тянуть, тащить'. Предполагая в качестве исходной основу **pъrtъ* в значении 'веревка, шнур, ремень', мы принимаем этимологическое сближение этой основы с лит. *spartas* 'Band', греч. σπάρτον 'канат, трос' < и.-е. **sper-* 'вертеть, мотать'[75]. Такое направление этимологических поисков требует критического отношения к предложенному Скоком объединению в одно гнездо родственных слов с.-хорв. *pȑtiti* и *pratež* в значении 'товар, груз, бремя, багаж' (с XV в.) О. Н. Трубачев обратил мое внимание на необходимость выделения в кругу перечисленных Скоком лексем образований, производных от гл. **portiti* 'нести, слать', ограниченного в своем распространении ю.-слав. языками: ср. с.-хорв. *пра̏тити* 'сопровождать', словен. *prátiti* то же, *prátiti se* 'собираться в путь', болг. *пра̀щам* 'посылать, отправлять'. Слав. **portiti* точно соответствует лат. *portare* 'носить' и является скорее всего балканороманским заимствованием. С.-хорв. *pratež* 'багаж, товар' и словен. *prâtež* 'одежда, багаж', по всей видимости, заимствованное из хорватского, отражают результат семантической эволюции 'слать, посылать' → 'то, что посылается', 'ноша, товар'. Южнославянский глагол, возможно, проник в западнославянские языки и дал именную основу с семантической эволюцией 'посылать' → 'труд, дело' : ср. чеш. *práce* 'работа, дело', польск. *praca* то же, н.-луж. *proca* 'труд, усилие'[76]. Семантической аналогией служит с.-хорв. *по̀слати* и *по̀сао*, род. п. *-ла* 'работа, дело'.

Четко отграничивая от слав. **portiti* 'нести, слать' изучаемые лексемы с.-хорв. *pȑtiti*, словен. *pŕtiti*, мы не исключаем для них

---

[69] J. Barlè. Iz národne zakladnice. — LMS, 1893, стр. 24; K. Štrekelj. Iz besednega zaklada narodovega. — LMS, 1892, стр. 24.

[70] D. A. Slovarski doneski iz brežiškega okraja. «Časopis za zgodovino in narodopisje» XI. Maribor, 1914, стр. 163.

[71] Pleteršnik I, стр. 660.

[72] Pleteršnik II, стр. 556, 869.

[73] Там же, стр. 357.

[74] Там же, стр. 216.

[75] F. Bezlaj. Etyma slovenica. Razprave. Slovenska akademija znanosti in umetnosti. Razred za filološke in literarne vede. Ljubljana, 1970, стр. 173; Он же. Arhaizmi v koroških narečjih. «Koroški kulturni dnevi» I. Maribor, 1973, стр. 74.

[76] Фасмер III, стр. 355—356; Brückner, стр. 434.

возможности морфонологических вариантов, в частности варианта с корневым *о*. При чередовании **pъrt-* : **port-* основа с корневым *о* фонетически тождественна производным от гл. **portiti*, ср. с.-хорв. *pratež*. Тем не менее представляется возможным и необходимым вычленить продолжения слав. **port-/*pъrt-* среди сербохорватских лексем, рассматриваемых Скоком в одном ряду со словом *pratež* 'товар, багаж'. В основу выделения этих лексем положен чисто семантический признак, а именно значение 'веревка, ремень', являющееся для них основным и определяющим. При этом мы учитываем тот факт, что в плане семантических изменений значение 'веревка, ремень' не соотносимо со значениями 'нести, посылать', 'труд, дело'. Конкретное значение 'веревка' имеют с.-хорв. *praća* (< **portja* с суффиксальным *-ja*) 'кожаный пояс, в котором моряки носят деньги' (о. Хвар), *prȁća*=*prȁćica* 'стремя, веревка для упора ног всадника' (только у Вука), 'веревка, которой перевязывают мешок вокруг седла' (Герцеговина), уменьш. *praćka* 'перевязка обожженного места на теле' (Черногория) [77]. Есть все основания думать, что названные сербохорватские лексемы содержат праслав. основу **portja*, родственную слав. **pъrt-*, ср. с.-хорв. *pȑtiti*.

Следы основы **port-/*pъrt-* можно обнаружить и в других славянских языках. Опубликованные материалы по болгарским диалектам указывают на распространение этой основы в восточной части южнославянских языков: ср. родоп. *пра̀шта*, ум. *пра̀шка* 'приспособление из двух веревок для перевозки груза на лошадях', 'шнуровка крестьянской обуви' [78], 'корда на чекрък' [79], плевенск. *пра̀штъ* 'завязка, шнурок для сумки, чулка, фартука' [80], диал. *пра̀штило* ср. р. 'веревка, на которой висит сумка' [81], *пръшти̂лу* ср. р. 'шнурок на заплечной сумке' [82].

Предположение для праславянского основы **pъrt-/*port-* со значением 'веревка, шнур' позволяет по-новому осмыслить происхождение отдельных западнославянских лексем. Здесь уместно вспомнить ст.-чеш. *oprat(a)*, чеш. *oprat'*, слвц. *oprata*, ум. *oprátka* 'поводья, возжи', 'веревка', ю.-чеш. *voprato* 'лямка, постромка' [83], прил. *pratní*, *opratní* 'Leitseil-' [84]. Эти лексемы, поставленные в широкий ряд славянских соответствий, получают вполне определенное и убедительное истолкование, которое ставит

---

77 RJA XI, 48, стр. 352—353; Skok III, стр. 58.
78 Т. Стойчев. Родопски речник. — БД II, стр. 247.
79 Т. Стойчев. Родопски речник. — БД V, стр. 201.
80 Д. Евстатиева. Лексиката на говора с. Тръстеник, Плевенско. — БД VI, стр. 212.
81 М. Младенов. Лексиката на ихтиманския говор. — БД III, стр. 144, З. Божкова. Принос към речника на софийския говор. — БД I. стр. 262; Л. Гълъбов. Говорът на с. Доброславци, Софийско. — БД II, стр. 99.
82 Ст. Ковачев. Троянският говор. — БД IV, стр. 220.
83 Machek², стр. 416.
84 Kott II, стр. 890.

под сомнение этимологическое объяснение Махека, основанное на идее фонетического преобразования **obrъt-* (ср. русск. *обротъ* 'недоуздок', 'конская узда без удил', др.-русск. *обротъ*, укр. *обротъ* то же, ц.-слав. *обръштити* 'накинуть недоуздок'). Из чешского заимствовано польск. *oprotek*, *-tka* 'веревка у невода' [85].

От рассматриваемых лексем неотделимо, как нам представляется, слав. **portja* [86], продолжением которого являются ст.-слав. *прашта* σφενδόνη (Супр.), болг. *пращва*, *пра̀шка* 'праща, рогатка', с.-хорв. *prȁća* то же, русск. ц.-слав. *пра́ща*, *пра́щица* 'сложенный петлей ремень, вервь, иногда донцем, куда кладется камень, который мечут с большой силой, закрутив пращу' [87], словен. *práča* 'праща', макед. *пра́ќа* то же и 'рогатка', 'стременной ремень' [88], польск. *proca* 'устройство для метания снарядов', 'ремень для крепления хомута', 'вид хирургической повязки, накладываемой на голову, нижнюю челюсть или пятку (funda capitis, maxillae, calcis)' [89]. Как видно из приведенных значений, основную часть этого устройства составляет веревка или ремень, сложенный петлей. Внутреннюю форму слав. **portja* 'праща' проясняют и те немногие дополнительные значения, которые фиксируются для этой основы словарями: 'стременной ремень', 'ремень для крепления хомута', 'вид хирургической повязки', хотя последнее могло явиться результатом метафорического употребления. В этой связи интерес представляет с.-хорв. уменьш. *prȁćica*, отмеченное в одном примере в значении 'западня, силок': Pa je Stojan Simić isti dan. . . *zapleo* Milošu *praćicu* s ostalim knezovim [90]. Мысль о первичном основном значении 'веревка, ремень' подтверждает и представленное в данном контексте сочетание изучаемой основы с гл. *zaplesti* (*zapleo*).

Некоторые трудности вызывает установление этимона всей совокупности изучаемых лексем. Фасмер производит слав. **portja* от и.-е. **per-* 'бить' (ср. *Перун*, *пратъ*) и указывает на возможность родства с *порок* 'осадная машина для проламывания стен', последнее содержит тот же корень с расширителем *-k* [91]. Сближение с слав. **perti* 'бить' кажется приемлемым для слав. **porkъ* [92], но в отношении слав. **portja* представляется более плодотворным и убедительным истолкование на основе чередования с **pъrtъ*. Апофонические варианты **port-/*pъrt-* органически входят в этимологическое гнездо с корнем **sper-* 'вертеть, мотать' [93]. И возвращаясь к уже отмеченным выше индоевропейским соответствиям,

---

85 Варшавский словарь III, стр. 814.
86 Фасмер III, стр. 356.
87 Даль² III, стр. 382.
88 И-С, стр. 387.
89 Варшавский словарь IV, стр. 1004.
90 RJA XI, 48, стр. 353.
91 Фасмер III, стр. 356.
92 Там же, стр. 331.
93 Pokorny, стр. 991—992; Frisk 18, стр. 758—759.

мы хотим подчеркнуть особую близость др.-лит. *spartas* 'Band' < и.-е. **sportos* и слав. **portja*. Нельзя пройти мимо и большой семантической общности слав. *portja* и греческих для него соответствий: ср. греч. σπεῖρα 'изгиб, спираль, все сплетенное, переплетенное (напр. о сети, тросе)', σπάρτος м. р. 'трос, веревка, шнур', 'куст, из веток которого плетутся веревки', σπάρτον, σπάρτη 'крученая или плетеная веревка', σπυρίς 'плетеный короб'. Структурное и семантическое сходство, которое наблюдается у слав. **portja/*pъrt-* и его соответствий в греческом и литовском, ясно и определенно говорит о сохранении на славянской почве этимологического гнезда с и.-е. корнем **sper-*.

В особом рассмотрении нуждается вопрос об отношении к реконструируемому гнезду родственных слов некоторых русских диалектизмов. Речь идет здесь о русск. олон. *по́ро́чка* 'туесок', яросл. 'плетенка, корзина, кузовок' [94], яросл. *опо́рочка* 'вьюха, вьюшка, лубочная обечайка или веко на оси, на колу для новой пряжи' [95], 'корзина из бересты' [96], 'особо устроенная корзина для черпанья воды из колодца', *порочка* 'корзина' [97], 'корзина, сплетенная из березовых лык' (новг., олон., твер.) [98], 'отделка на юбке' [99]. Можно предположить, что все эти лексемы содержат слав. **portja* с уменьшительным суффиксом *-ъka*. Обозначая нечто сплетенное из прутьев, лыка, бересты, они и семантически примыкают к слав. **port-/*pъrt-*. Нельзя пройти мимо того факта, что в этих же диалектах для лексем *порочка*, *опорочка* отмечено другое значение — 'большая катушка, на которую сматывают нитки с веретен' (калинин.) [100], 'вал в ткацком станке для наматывания основы' [101], 'труба, на которую вьют пряжу' [102], 'вьюшка, вокруг которой вьют пряжу' [103], т. е. то, что обвивается, оплетается, обматывается. Ср. семантически *плете́нь* 'корзина из ивовых прутьев или сосновой дранки' и 'щит, сплетенный из прутьев или сделанный из соломы' [104].

Слав. **strukъ / *strǫkъ*

Слав. **strukъ/*strǫkъ* с общим значением 'стручок, стебель' продолжают русск. *струк*, *стручок*, укр. *струк*, с.-хорв. *стру̑к*, чеш., слвц. *struk*, в.-луж. *truk*, н.-луж. *tšuk* и болг. *стрък*, словен.

---

[94] Даль² III, стр. 322.
[95] Даль² II, стр. 682.
[96] М. Герасимов. О говоре крестьян южной части Череповецкого уезда Новгородской губ. — ЖСт., год третий, вып. 2. СПб., 1893, стр. 384.
[97] Мельниченко, стр. 159.
[98] Опыт, стр. 171.
[99] Опыт словаря говоров Калининской области. Калинин, 1972, стр. 201.
[100] Там же.
[101] Словарь говоров Подмосковья. М., 1969, стр. 401.
[102] Мельниченко, стр. 137.
[103] Опыт, стр. 142.
[104] Опыт словаря говоров Калининской области, стр. 181.

strok, польск. *strąk* [105]. Три последние формы дают основание для реконструкции исходной основы с носовым в корне. Фасмер признает, что существуют лишь недостоверные этимологии этого слова. По мнению Брюкнера, эта форма с носовым инфиксом от **strek-/*strok-* (ср. русск. *строка*), к этой же группе он ошибочно причисляет польск. *strukać* 'о резком крике журавля' [106]. Другие исследователи (Потебня, Горяев, Преображенский) считали славянские лексемы родственными нов.-в.-нем. *Strunk* 'кочерыжка', ср.-в.-нем. *Strunc*, лит. *strungas* 'подпертый', ср.-в.-нем. *strûch* 'куст' [107]. Исходя из тех же соответствий, Младенов определял слав. **strǫkъ* как расширение и.-е. **ster-* 'твердый, неподвижный' с назальным инфиксом — **stron-k-*, Славский предполагал чередование **strukъ* : **strǫkъ* [108]; у Махека находим сближения слав. **strukъ* и **strǫkъ* с лит. *runkù*, *rùkti* 'морщиться, ежиться', он восстанавливал для них корень **roukos* с *s*-mobile. Форму с носовым он выводил из **strъkъ*, предполагая удвоение *kk* > *nk* [109]. Скок предполагал общеслав. и праслав. **strǫkъ* [110]. Несмотря на большую этимологическую литературу, слово остается трудным, потому что отсутствуют близкие образования в славянских языках, а индоевропейские соответствия остаются во многом проблематичными. Чтобы оценить вероятность и степень надежности предлагаемых этимологических решений, необходимо тщательно изучить все те внутренние возможности, которыми располагают славянские языки. И если для слав. **strukъ/*strǫkъ*, стоящего вне апофонического ряда, трудно изыскать новые данные структурно-словообразовательного характера, то в плане семантики возможности для внутренней реконструкции еще не полностью исчерпаны. Диалектные и исторические данные славянских языков свидетельствуют о том, что слав. **strukъ/*strǫkъ* характеризует широкий и разнообразный круг значений. Полное систематическое изучение славянского материала, отражающего разные направления семантической реализации слав. **strukъ/*strǫkъ*, раздвигает в плане семантики границы данной группы родственных слов и позволяет до некоторой степени внести семантические ограничения при выборе возможного этимона.

В восточно- и западнославянских языках основным стержневым значением является значение 'стручок', 'шелуха, оболочка'.

Русск. *стручок* 'долгий двустворчатый семянник некоторых растений: гороха, бобов и др.', *струк* влад. 'головной бабий убор, род кики, кички', *струковина* 'шелуха, кожура стручьев; остатки

---

[105] Фасмер III, стр. 783.
[106] Brückner, стр. 518; Он же. *N*-und *U*-Doubletten im Slavischen. — KZ XLII, 1909, стр. 365.
[107] Фасмер III, стр. 783.
[108] Младенов, стр. 614; F. Sławski. Oboczność *ǫ* : *u* w językach słowiańskich — SOc 18, 1947, стр. 284—285.
[109] Machek², стр. 583.
[110] Skok III, стр. 350.

при молотьбе гороха, фасоли' [111]. Особое значение имело др.-русск. *стручецъ*, которое, судя по контексту, обозначало предмет церковной утвари, возможно, палочку с желобообразным выступом: ср.. . . *промѣсить* (камедь) *стручцемъ* или лопаткою (Сим. обих. книгоп. XVII, 203); Сего ноября 12 дня отъ вашего превосходительства при письмахъ двухъ получено: по первому — чертежи грановитой палаты, персидскихъ креселъ, сосуда миропомазанія и *стручецъ*, да скипетръ и держава, посохъ оборъмаршальскій. . . (Мат. ист. Ан. I, 1730) [112]. Далее укр. *стручок* 'стручок', 'завиток шерсти на овчине' [113], *струк*, *-ка́* 'головка чеснока' [114], блр. *струк*, род. п. *струка́* м. р. 'боб, стручок' [115].

Польск. *strąk* 'стручок', 'шелуха, оболочка, покров, заключающий в себе плод', *strąki na głowie* 'лохмы, патлы' [116], помор. *strąk*, *-a* 'стручок, стручок гороха' [117], чеш. *struk* 'стручок', 'долька чеснока, лука, зубок (чеснока)', 'сосок у зверей', *stroušek*, *struček* народ. 'веточка, стручок', *stručný* 'краткий, сжатый, основной' [118], *stroky*, *struky* 'горох, стручок, сосок и даже вымя у коровы' [119], слвц. *struk* м. р. 'плод некоторых растений (фасоли, гороха)', 'сосок' [120], н.-луж. *tšuk* 'шелуха', 'пустая слива', 'шелуха сливы', 'стручок' [121], в.-луж. *truk* 'стручок' [122].

Широкий круг значений обнаруживает основа **strukъ/*strǫkъ* в южнославянских языках.

Болг. *струкъ* м. р. 'стручок, стебель', *стрѫкы* мн. ч. (от *стрѫка*) 'вертикальные жерди в ткацком станке', 'ряд' [123], *стрѫки́* мн. ч. 'оглобли' [124], видинск. *струк* м. р. 'стебель растения' (с регулярным *у* на месте *ǫ* в этом диалекте), *стру̂ка* ж. р., обычно во мн. ч. *стру̂к'е* 'оглобли' [125], ихтиман. *страк* м. р. 'стебель, отросток' [126], странджск. *стрък* м. р. 'корень цветов, овощей', банат. *стрък*, *стрѫкъ* м. р. 'побег, росток', 'стебель' [127], *стрѫкве* мн. ч. 'часть

---

[111] Д а л ь² IV, стр. 343.
[112] Картотека ДРС.
[113] Г р и н ч е н к о IV, стр. 220.
[114] А. С. Л ы с е н к о. Словарь диалектной лексики северной Житомирщины. «Славянская лексикология и лексикография». М., 1966, стр. 53.
[115] Беларуска-рускі слоўнік. Пад рэд. К. Крапівы. М., 1962, стр. 893.
[116] Варшавский словарь VI, стр. 451.
[117] L o r e n t z II, 2, стр. 378.
[118] PSJČ V, стр. 807.
[119] A. K o n í ř. Příspěvek k dialektickému slovníku moravskému. Μνῆμα. Sborník vydaný na pamět' čtyřicítiletého učitelského působení prof. Josefa Zubatého na Universitě Karlově 1885—1925. Praha, 1926, стр. 297.
[120] SSJ IV, стр. 307—308.
[121] M u k a II, стр. 790.
[122] P f u h l, стр. 755.
[123] Г е р о в V, стр. 273.
[124] БТР, стр. 975.
[125] М. М л а д е н о в. Говорът на Ново Село, Видинско. София, 1969, стр. 282.
[126] М. М л а д е н о в. Лексиката на ихтиманския говор. — БД III, стр. 173.
[127] Г. Г о р о в. Странджанският говор. — БД, I, стр. 141.

узды, длинные ремни для управления железными удилами'[128], плевенск. *стрѣкъ* ж. р., *стрѣки* мн. ч. 'две жерди впереди телеги, между которыми впрягается лошадь; оглобли'[129], севлиевск. *стъркъ* ж. р. то же, *стърчйикъ* ж. р. 'жердь, соединяющая переднюю и заднюю части повозки'[130], родоп. *стрък* м. р. 'вертикальные жерди в домашнем станке'[131], *стрôк* м. р. 'моток пряжи', 'корень со стебельком', 'росток, побег, стебель'[132], диал. *струк* 'перхоть, лишаи на голове'[133]. Как видим, болгарскую лексему характеризуют значения 'росток; стебель, стручок', 'жердь, оглобли', 'ремень', 'корень', 'моток', 'перхоть'.

С.-хорв. *strȕka* ж. р. 'нить, нитки', 'одежда из грубых ниток; кожух, накидка' (Босния, Герцеговина), 'полоса; линия; нитка (бус); ряд', 'мера длины пряжи', 'род, вид, сорт', 'происхождение', 'специальность, отрасль науки, труда', *struke* ж. р. мн. ч. 'то, что нанизано, поставлено в ряд' (только у Белостенца), 'основа для плетения бахромы' (Хорватия), 'вид боснийского ковра, расписного, из овечьей шерсти'[134], *стру́чак* 'бахрома'[135], *стрȗк* 'стан, корпус; талия', 'стебель', *стрȕка* ж. р. 'шаль, плед', 'прядь (веревки, шнура)'[136], *struk* 'шнур', ср. tri *struka* gjingjuh ili koralja oko vrata, *strukovi* мн. ч. 'веревка, на которую нанизывается много крючков для ловли рыбы' (Хорватия) 'крючок на удочке'. Известны случаи употребления struk для усиления отрицания: ср. *ni strȗk* 'ни мало', *sve do strȗk* 'все до последнего'[137].

Макед. *струк* 'стебель, ость, корпус', 'пенек срезанной виноградной лозы', 'полотно из шерсти'[138].

Словен. *stròk*, род. п. *stróka* м. р. 'стручок', 'кукурузный початок', 'долька чеснока', 'der Halszapfen dei den Schweinen', 'порода, вид'[139], *stroček*, *-čka* 'очищенный колос'[140], *stročina* ж. р. 'шелуха, сухое оплодье у растения'[141].

В языках южнославянской группы находим очень разнообразные значения, причем исключительную принадлежность их составляют значения 'веревка', 'жердь, оглобли', 'ость, корпус'. Это позволяет говорить об определенном географическом распре-

---

[128] С. Стойков. Лексиката на банатския говор. София, 1968, стр. 224.
[129] Д. Евстатиева. Лексиката на говора в с. Тръстеник, Плевенско. — БД VI, стр. 229.
[130] Ник. Ковачев. Речник на говора на с. Кръвеник, Севлиевско. — БД V, стр. 41.
[131] Т. Стойчев. Родопски речник. — БД V, стр. 210.
[132] Т. Стойчев. Родопски речник. — БД II, стр. 273.
[133] З. Собаджиев. Материал за български рѣчник. — СбНУ X, стр. 190.
[134] Караџиħ, стр. 744; RJA XVI, стр. 780—782.
[135] И. Толстой[2], стр. 918.
[136] Обзор значений с.-хорв. *struk* см.: Fr. Kurelac. Silva. — «Rad» XII, 1870, стр. 34—35.
[137] Skok III, стр. 350.
[138] Конески II, стр. 341.
[139] Pleteršnik II, стр. 593.
[140] Slovarski doneski iz brežiškega okraja, стр. 167.
[141] Lužar, стр. 46.

делении некоторых значений, известной семантической противопоставленности языков северной и южной групп. При реконструкции первичного значения для слав. **strukъ/*strǫkъ* О. Н. Трубачев придает решающее значение связанному употреблению типа болг. *тристрък*, с.-хорв. *дво̀струк* 'двойной, двукратный', *тро̀струк* 'тройной' [142], где семантика близка **sǫ-gubъ*, **trъ-gubъ*. При таком подходе исходным, стержневым, определившим последующее семантическое многообразие следует признать значение 'складка', 'покрытие, имеющее выпуклую, желобообразную поверхность'. Из него развилось и характерное для слав. **strukъ/*strǫkъ* значение 'стручок', далее 'долька (чеснока, лука)', 'утолщение', 'нечто изогнутое'. В южнославянских языках находим семантическое развитие в направлении 'стручок', 'утолщение' → 'стебель, жердь, палка'. Типологическую вероятность такой взаимозависимости подтверждают русск. диал. *воло́дка* (< **voltъka*) 1. 'стебелек злачного растения' и 2. 'одна луковица с перьями' [143], *волоть* 'верхняя часть снопа' [144] и 'стебель хлебного растения' [145], болг. диал. *дрък* 'стебель кукурузы' и с.-хорв. *друк* 'довольно толстый кол' [146], лит. *stíebas* 'столб, ствол, стебель' и словен. *stéblǫ* 'стебель, ствол дерева' [147]. Результатом метафорического переосмысления стало ю.-слав. **strukъ/*strǫkъ* 'сорт, вид', 'отрасль науки, специальность', 'происхождение'. Значение 'мера длины пряжи' стоит, видимо, в одном ряду 'стан, корпус' → 'вертикальный стояк в ткацком станке' → 'расстояние между двумя стояками'. Величина тканых и плетеных изделий (ковра, пледа, шали) определялась размерами ткацкого станка. Как видим, в наибольшей степени претерпела эта лексема семантические изменения в южнославянских языках.

Исходя из первичного значения 'нечто выпуклое; складка', мы предполагаем, что слав. **strukъ/*strǫkъ* в конечном счете восходит к и.-е. **sreu-* 'течь' и является одним из его расширений, т. е. **strukъ* < **srukъ* < **sreu-* + *-k-*. По мнению некоторых исследователей [148] продолжением и.-е. **sreu-+-p-* является слав. **strupъ* 'струп', ср. русск. диал. *струп* 'сухая кора на подсохшем нарыве, перхоть' [149]. На славянской почве основы **strukъ/*strǫkъ* и **strupъ*, развившиеся из и.-е. **sreu-* 'течь', могли поначалу обо-

---

[142] Miklosich, стр. 326.
[143] Васнецов, стр. 35.
[144] А. Ф. Манаенкова. Лексика русских говоров Белоруссии. Минск, 1973, стр. 30.
[145] Куликовский, стр. 11.
[146] «Этимологический словарь славянских языков (Праславянский лексический фонд)», вып. 5.
[147] Фасмер III, стр. 750.
[148] St. Mladenov. Die labiale Tenuis als wortbildendes Element im slavischen. — AfslPh XXXVI, 1916, стр. 128—129.
[149] О других этимологиях см.: Фасмер III, стр. 784—785; В. А. Меркулова. Народные названия болезней. II. «Этимология 1970». М., 1972, стр. 189—192.

значать такую поверхность, которая обтягивает какое-то образование, окружает, обтекает его со всех сторон. Производные от и.-е. **sreu-* выступают и в значении 'желоб, канава', ср. чеш. *strouha* 'желоб, канава' [150]. Интересно отметить, что в русских диалектах представлено слово *струк* в значении 'водосточная труба, желоб на крыше' [151]. Семантически показательно в какой-то степени и русск. диал. *струй* — 'нанос снега, имеющий волнистую поверхность' [152] и 'железный стержень' [153].

Уже на уровне праславянского основа **strukъ* имела дублетную форму с носовым в корне. Однако рассматривая эту основу в контексте и.-е. **srou-*, мы должны признать вторичное развитие назального элемента, возможно, по аналогии с какими-то дублетными формами типа слав. **guzъ*/**gǫzъ* [154].

---

150 Фасмер III, стр. 783.

151 Мельниченко, стр. 195.

152 Соликам. словарь, стр. 613.

153 А. И. Иванова, М. А. Кустарева, Б. А. Моисеев. Материалы для «Смоленского областного словаря». «Уч. записки Смоленского ГПИ», вып. IX. Кафедра русского языка. Смоленск, 1958, стр. 151.

154 G. Shevelov. A Prehistory of Slavic. Heidelberg, 1964, стр. 316, 318—322.

Пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить Г. П. Клепикову и Н. В. Чурмаеву за замечания и советы по статье.

Ж. Ж. Варбот

К РЕКОНСТРУКЦИИ И ЭТИМОЛОГИИ НЕКОТОРЫХ ПРАСЛАВЯНСКИХ ГЛАГОЛЬНЫХ ОСНОВ И ОТГЛАГОЛЬНЫХ ИМЕН. V*

(*pručiti и *prǫčь; *sъrtati; *ružiti, *ružъ и *rǫžь; *sojiti; *(sъ)klenь и *s(ъ)klenъ)

*pručiti

В говорах чешского языка довольно широко распространены глагол *pručiti* и производные от него: *prúčat sa* 'изгибаться' (о скоте: kráva sa *prúčá* = prohýbá se)[1], *vyprúčiť sa* 'прогнуться, покоробиться (о стенах домов, о дне или дужках сосудов)'[2], *vyprúčit* 'выпучиться, надуться'[3], *vyprúčať sa* 'противиться'[4], *sprúčať sa* то же[5]. Есть соответствующий глагол и в словацком языке: *pručit'* 'сгибать'[6]. Еще Шафарик истолковал чеш.-слвц. *pručiti* как тождественное по происхождению с *pučiti*; к его мнению присоединился во втором издании своего словаря В. Махек[7]. При этой этимологизации звук *r* в *pručiti* рассматривается как вставной усилительный элемент. Вставное *r*, однако, встречается редко, функции его неясны. Поэтому обращение к нему правомерно, когда родство соответствующих лексем не вызывает сомнений, а все прочие этимологии маловероятны. В случае же *pručiti* представляются возможными иные (вне *pučiti*) этимологические сопоставления.

Очень близкие по значениям к приведенным чешским глаголам лексемы обнаруживаются в украинском языке: *пручáтися* 'артачиться, упрямиться, сопротивляться'[8], *вúпручати* '1. освободить, вырвать (руку); 2. вытащить (из плетня палку, хворостину)'[9], полесск. *прýчатис'* 'силиться, тужиться, напрягаться' (*Прý-*

---

* Предшествующие статьи этой серии см.: «Этимология 1971», «Этимология 1972», «Этимология 1973», «Этимология 1974».

[1] I. Malina. Slovník nářečí mistřického. Praha, 1946 (=Archiv pro lexikografii a dialektologii, č. 10), стр. 95.

[2] F. Bartoš. Dialektický slovník moravský. Praha, 1906 (=Archiv pro lexikografii a dialektologii, č. 6).

[3] F. Št. Kott. Dodatky k Bartošovu Dialektickému slovníku moravskému. Praha, 1910 (=Archiv pro lexikografii a dialektologii, č. 8), стр. 143.

[4] F. Svěrák. Karlovické nářečí. Praha, 1957 (= Sborník vědeckých prací Vyšší pedagogické školy v Brně, sv. 2), стр. 141.

[5] Там же, стр. 134.

[6] M. Kálal. Slovenský slovník z literatury aj nářečí. Banská Bystrica, 1924, стр. 553.

[7] Machek², стр. 487—488.

[8] Гринченко III, стр. 494.

[9] Гринченко, I, стр. 180.

чајицʼцʼа, хо́чэ вы́рватыс') [10]. Несколько обособлено по значению укр. *пручну́тися* 'рвануться, броситься' [11], однако оно сопоставимо с *ви́пручати* 'освободить, вырвать, вытащить'. В русских говорах значение формально тождественного глагола *опручить* — 'ударить чем-нибудь тупым и нанести синяк' [12]. Этими украинскими и русскими материалами исчерпываются наиболее надежные соответствия для чеш. *pručiti*, слвц. *pručit'*. Однако уже их наличие свидетельствует о древности рассматриваемого глагола и подтверждает правомерность сомнений относительно его родства с *pučiti*.

Следующие сближения проблематичны, но необходимы для расширения перспективы исследования. Укр. житом. *сприча́цця* 'сопротивляться' [13] семантически тождественно приведенному выше укр. *пруча́тися*, но отличается вокализмом корня. Возможно, это родственный глагол с исконным корневым **у*. В таком случае уясняется и происхождение корневого *и* в современных чешских, словацких и т. д. формах: это должно быть праслав. **и*, чередующееся с **у* (ср. отношения слав. **lutati* : **lytati*). Однако при рассмотрении глагола *спричацця* приходится считаться с возможностью контаминаций (с исконной или заимствованной лексикой): ср. *опріч* и польск. *sprzyczny* 'сварливый'.

К русск. *опручить* 'ударить' (см. выше) близки по значениям кашуб. *prëčkovac* 'бить' и *бprëčka*, мн. *-k'i* 'побои' [14]. Форма корня в кашубских словах генетически двусмысленна: *ë* может восходить и к **и*, и к **у* [15], так что корень *prëč-* допускает реконструкцию и **pruč-*, и **pryč-*. Семантическая близость *prëč-* к русск. *опручить* побуждает признать их родство, тем более, что этому не противоречит ни одна из двух возможных праформ *prëč-*. Но признание этого родства уже означает принятие определенного этимологического решения относительно всей группы чеш. *pručiti* и т. д.: так как кашуб. *ë* может быть рефлексом **и* или **у*, но не носового гласного, то из двух праформ, возможных для чеш. *pručiti*, слвц. *pručit'*, укр. *пру́ча́тися* и русск. *-пручить*, — **pručiti* и **prǫčiti* — остается приемлемой лишь **pručiti*.

Набор значений, обнаруживаемых продолжениями этого реконструированного праслав. **pručiti* ('изгибаться', 'надуваться', 'напрягаться', 'противиться', 'вырывать, вытаскивать', 'ударять'), близок к семантике славянских глаголов с корнем **pryg-*, если не ограничиваться лишь глаголами со значением 'springen' (**prygati*/**prъgnǫti*, ср. серб.-ц.-слав. *испрългнѫти* 'выступить,

---

[10] Ф. Д. Климчук. Специфическая лексика Дрогичинского Полесья. «Лексика Полесья». М., 1968, стр. 63.
[11] Гринченко III, стр. 494.
[12] Богораз, стр. 98.
[13] П. С. Лысенко. Словарь диалектной лексики северной Житомирщины. «Славянская лексикография и лексикология». М., 1966, стр. 52; П. С. Лисенко. Словник поліських говорів. Київ, 1974, стр. 202.
[14] Sychta III, стр. 327.
[15] Sychta I, стр. XXII.

выпрыгнуть'), но присоединить сюда также русские *прыжить* 'набухать, надувать' [16], *напрыжить* 'напрячь' и вят. *опрыжить* 'сильно ударить чем-либо гибким' [17], кашуб. *prëgnǫc* 'ударить' [18]. Эта семантическая близость гнезд **pručiti* и **prygati*, во-первых, подтверждает возможность таких семантических связей, которые предполагаются внутри каждого из этих гнезд. Во-вторых, при существенном материальном сходстве праслав. **pruč- < *pruk-* и **pryg-* (генетически значимым является лишь различие в конечных задненебных согласных) их семантическая близость может служить основанием для гипотезы об их отдаленном родстве, а именно: праслав. **pručiti* должно восходить в конечном счете к и.-е. основе **(s)preuk-*, связанной отношениями вариантности с и.-е. основой **(s)preug-*, к которой восходит праслав. **prygati*. Ближайшими родственными для **prygati* считаются лтш. *sprugas* 'тиски' и лтш. *sprukt*, *spruku* 'ускользнуть' [19], но в последнем корень оканчивается глухим задненебным, то есть генетически тождествен не праслав. **pryg-*, а праслав. **pruk-*. Таким образом, этимологические связи праслав. **pruk-* и **pryg-* имеют аналогию в балтийских языках: лтш. *sprukt*, *spruku* и *sprugas*.

В этимологической литературе неоднократно высказывалась мысль о возможности родства на индоевропейском уровне между праслав. **pryg-* и праслав. **pręg-/*prǫg-* [20], то есть предположение о родстве вариантных индоевропейских основ **(s)preug-* и **(s)preng-*. Не следует ли допустить подобную вариантность (основа с суффиксальным *u* / основа с суффиксальным носовым) также для родственной основы и.-е. **(s)preuk-*, давшей праслав. **pručiti*? Дело в том, что среди продолжений индоевропейских основ **(s)preuk-*, **(s)preug-* и **(s)preng-* нередки имена, обозначающие упругое соединение, силок, сеть: например, н.-в.-нем. *spriegel*, *sprügel*, *sprugel*, *sprogel* 'гибкая дужка, силок' [21], н.-в.-нем. *Sprenkel* 'силок' [22], праслав. **prǫglo* 'силок, сеть', др.-русск. *пругъ* 'сеть'. К этим именам семантически близки два редких восточнославянских диалектизма: русск. *пруч* 'составная часть веревки' [23] и блр. *прячык* 'толстые конопляные нитки, из которых вьют веревки' [24]. Если эти две лексемы родственны друг другу, то они предполагают праслав. **pręčь / *prǫčь* (*< *pręk- / *prǫk-*), которое соотносится с **pručiti* так же, как **pręg- / *prǫg-* с **pryg-*.

---

[16] Фасмер III, стр. 391 (без этимологии).
[17] Даль² II, стр. 456 (*напруживать*), 686.
[18] Sychta IV, стр. 166.
[19] Фасмер III, стр. 390—391.
[20] E. Zupitza — KZ 36, стр. 65; F. Sławski. Oboczność *ǫ* : *u* w językach słowiańskich. SOc 18, 1947, стр. 285.
[21] Pokorny I, стр. 995.
[22] Там же, стр. 997.
[23] Картотека Псковского областного словаря (ЛГУ, Межкафедральный словарный кабинет).
[24] Бяльковіч. Магіл, стр. 357.

**sъrtati*

Эта глагольная основа может быть реконструирована для праславянского языка на базе следующих славянских глаголов: с.-хорв. *sȑtati*, *sȑćem* 'идти, ходить, как слепой, бродить', 'нестись, стремиться', 'нападать', *s. k. zemli*, *s. nica* 'быстро опускать глаза в землю'[25], болг. диал. ихтим. *сръта* 'вглядываться, всматриваться' и самоков. *присрътам* 'медленно и тщательно делать что-либо'[26], макед. *сртам* 'вглядываться, ожидать'[27], польск. диал. *siertać się* 'метаться, кидаться'[28], русск. олон. *се́ртать* 'ждать'[29], твер. *серта́ть* 'переступать с ноги на ногу от продолжительного стояния'[30], зап. *сёртать* 'метаться, шляться взад и вперед без дела'[31]. Наряду с основами на *-ati*, в некоторых славянских языках представлены другие типы глагольных основ: на *-nǫti* — с.-хорв. *srnuti* 'броситься, напасть', 'нестись', 'стремиться' и кашуб. *sårnǫc* 'убежать'[32], на *-ěti* — с.-хорв. *srtjeti*, *srtim* 'гнать', 'бродить', 'стремиться', 'вырываться', 'нападать', *s. k. zemli* 'опускать глаза в землю'[33], на *-iti* — болг. соф. *ср̥ти̂м* 'тяжело, трудно работать'[34]. Есть и явно вторичные глаголы с тем же корнем, например с.-хорв. *sȑljati* 'нестись, стремиться'[35]. Ни одна из этих глагольных основ, однако, не представлена по славянским языкам так широко, как основа на *-ati*. Именные производные от всех этих глаголов немногочисленны, образованы по актуальным для отдельных славянских языков словообразовательным моделям и обнаруживают отчетливую семантическую связь с соответствующими глаголами, например: с.-хорв. *srtan* 'неосторожный, порывистый'[36] (ср. *sȑtati* 'стремиться'), болг. ихтим. *сrътн'аф* 'кропотливый'[37], ботевград., самоков. *сръткаф* 'медленный, кропотливый'[38], пирдоп. *ср̥тѐш*, *ср̥тн'а̀* 'напряжение при работе, которая требует небольшую силу, но много времени и внимания'[39] (ср. *ср̥ти̂м* 'тяжело, трудно работать').

---

[25] RJA XVI, стр. 324; Iveković-Broz II, стр. 462.

[26] Максим Сл. Младенов. Лексиката на ихтиманския говор. — БД III, 1967, стр. 171; Иван К. Шапкарев, Любомир Близнев. Речник на самоковския градски говор. — Там же, стр. 266.

[27] Бл. Ристовски. Зборови од Тиквешко. MJ III, 1—2, 1952, стр. 48.

[28] Варшавский словарь VI, стр. 109.

[29] Куликовский, стр. 106.

[30] Опыт, стр. 202.

[31] Даль² IV, стр. 178.

[32] RJA XVI, стр. 314, Sychta V, стр. 18.

[33] RJA XVI, стр. 325.

[34] Лука Гълъбов. Говорът на с. Доброславци, Софийско. — БД II, 1965, стр. 106.

[35] RJA XVI, стр. 310.

[36] Там же, стр. 324.

[37] Младенов — БД III, стр. 171.

[38] Ст. Илчев. Към ботевградската лексика. — БД I, 1962, стр. 202; Иван К. Шапкарев и Любомир Близнев. Речник на самоковския градски говор. — БД III, стр. 277.

[39] Иван Кънчев. Говорът на село Смолско, Пирдопско. — БД IV, 1968, стр. 144.

В этимологическом словаре Брюкнера польск. *siertać się* не упоминается; в словаре Миклошича приводятся с.-хорв. *-srtati*, *-srnuti* и словен. *srtiti se*, а у Скока с.-хорв. *sȑtati*, *srnuti*, *sȑljati*, но без этимологического анализа; Фасмер охарактеризовал русск. олон. *сéртать* 'ждать' как неясное [40].

Объединение всех приведенных выше глаголов в одно этимологическое гнездо может показаться на первый взгляд весьма проблематичным с точки зрения семантики: ср. значения 'нестись, стремиться', 'вглядываться', 'ждать', 'тяжело работать'. Эти сомнения, однако, разрешаются, если учесть праславянскую древность исходных основ (во всяком случае **sьrtati* — см. ниже) и возможности семантического развития глаголов движения. Представляется, что древнейшим для данного гнезда было именно значение движения и ближе всего к нему семантика с.-хорв. *sȑtati* 'бродить, нестись, стремиться', польск. *siertać się* 'метаться', русск. *сёртать* 'мотаться взад и вперед'. В различных языковых ситуациях и контекстах произошли разнонаправленные изменения исходного значения: 'двигаться взад и вперед' → 'топтаться на месте' → 'ждать' (русск. олонецк. *сéртать*), 'двигаться взад и вперед' → 'хлопотать' → 'тяжело работать' (болг. *сртйм*, ср. семантическую модель в русск. *возиться* 'хлопотать' — от *возить*, русск. *мыкаться* 'много работать, мучиться' — от *мыкать*), 'стремиться' → 'устремлять взгляд' → 'вглядываться' (с.-хорв. *sȑtati nica*, болг. *сръта*, ср. русск. *впериться* 'пристально смотреть' < < *вперить* взгляд, родственное слав. **perti*).

Из четырех родственных глагольных основ с корнем **sьrt-*, представленных в славянских языках: **sьrtati*, **sьrtnǫti*, **sьrtěti*, **sьrtiti* — основа на *-iti* должна быть более поздней. Корневой вокализм в ступени редукции, нехарактерный для девербативов на *-iti*, позволяет предполагать здесь более древнюю основу на *-ěti*, соотносительную с настоящим временем на *-i-*. Результатом обобщения этого показателя настоящего времени и является инфинитив на *-iti*. Составители Загребского словаря считали, что инфинитив на *-iti* мог функционировать и в сербохорватском языке (в соответствии с настоящим временем на *-i-*, вместо инфинитива на *-ěti* [41]).

Для основ на *-ati*, *-nǫti* и *-ěti* корневой вокализм в ступени редукции равно закономерен. Возможно, для праславянского следует реконструировать все три соотносительные основы инфинитива. Наиболее вероятна праславянская древность для инфинитивов на *-ěti* и *-ati*. Об этом свидетельствует их сочетаемость с основами настоящего времени, специфическая для праславянских глаголов. Основа на *-ěti* сочетается с настоящим временем на *-i-* (с.-хорв. *srtjeti*, *-im*). Основа инфинитива на *-ati* в большинстве

---

[40] Miklosich, стр. 294; Skok III, стр. 321; Фасмер III, стр. 610. — Упоминаемое Миклошичем словен. *srtiti se* 'топорщить (шерсть, перья)' вряд ли можно связать с с.-хорв. *srtati*.
[41] RJA XVI, стр. 325 (*srtjeti*).

славянских языков, где она представлена, соотносится с настоящим временем на *-aje-* (русск. *сёртает*[42] и т. д.), что является результатом вторичного обобщения показателя основы инфинитива *-a-* для настоящего времени, но в сербохорватском языке сохранилось старое сочетание основ: инфинитиву на *-ati* соответствует настоящее время на *-je-* — *sȑtati*, *sȑćem*. Именно такое сочетание основ — **sьrtati*, **sьrtjǫ* — должно быть реконструировано для праславянского состояния.

Этимологическим источником праслав. **sьrtati* представляется гнездо и.-е. **ser-*, давшее, например, др.-инд. *sísarti*, *sárati* 'течь, спешить, стремиться', греч. гомер. ῥώομαι 'быстро двигаться, спешить, кружиться', греч. ὁρμάω 'возбуждать; стремиться, нападать', ср.-ирл. *sirid* 'бродить, нападать, грабить', лит. *apsìrti* 'окружать', лтш. *sirt* 'бродить, делать набеги, грабить'[43]. В славянских языках хорошо известны рефлексы индоевропейской базы **sreu-*, принадлежащей к этому гнезду: это праслав. **struja*, **struga* 'течение, русло', **strumy*, *-ene* 'ручей, поток', **ostrovъ*. Значения всех этих образований связаны с передачей движения жидкости, течения и близки, следовательно, к значению др.-инд. *sísarti*, *sárati* 'течь'. Реконструированная выше праславянская основа **sьrt-* является производным с расширением *-t-* от того же индоевропейского корня **ser-*. Значение 'течь' встречается у рефлексов **sьrt-* редко: ср. с.-хорв. *posŕnuti* 'потечь, устремиться (о воде, людях, животных)'[44]. Другие рефлексы основы **sьrt-* в славянских языках отражают иной, чем **struja* и др., аспект значения данного гнезда, который также находит соответствия среди родственных индоевропейских образований: ср. с.-хорв. *sȑtati*, *sȑćem* 'бродить, нестись, стремиться', 'нападать', польск. *siertać się* 'метаться, кидаться', русск. зап. *сёртать* 'мотаться, шляться' — греч. ὁρμάω 'стремиться, нападать', ср.-ирл. *sirid* 'бродить, нападать', лтш. *sirt* 'бродить, делать набеги'.

**ružiti, *ružь* и **rǫžь*

Словенское гнездо *rûž*, *î* f., *ružína* 'зеленая ореховая скорлупа', *ružine* мн. 'пустые стручки стручковых растений', *rúžiti* 'чистить, снимать кожуру, шелуху, лущить'[45] неоднократно рассматривалось в работах Ф. Безлая как родственное русск. *ружь* 'внешность', представляющее специфическое семантическое развитие в направлении конкретизации понятия ('обнаружить' → 'очистить от шелухи')[46]. Но в связи с этимологизацией словен.

---

[42] Даль² IV, стр. 178.
[43] Pokorny I, стр. 909—910; Fraenkel, стр. 787.
[44] RJA XI, стр. 19.
[45] Pleteršnik II, стр. 446.
[46] Ф. Безлай. Опыт работы над словенским этимологическим словарем. — ВЯ 1967, № 4, стр. 52; F. Bezlaj. Eseji o slovenskem jeziku. Ljubljana, 1967, стр. 137.

růžiti, *rûž* можно обратиться и к другому русскому слову — к олон. *рýжа* 'хворост, ветка высохшего дерева'. Этот русский диалектизм Калима считал вепсским заимствованием, но Фасмер отметил, что равным образом возможно заимствование вепс. *ružu* из русского [47]. В чешском языке есть диалектизм *karužina* 'прут' [48], семантически и материально близкий словен. *rûž*, *růžiti* и русск. *ружа*. Сопоставимость всех этих лексем увеличивает вероятность исконно славянского происхождения для русского слова и побуждает искать иные этимологические источники всей этой группы, вне связи с русск. *ружь* 'внешность'.

К русск. *ружа* 'хворост' и чеш. *karužina* 'прут' семантически близко также польск. *suchoręż* 'засохшее дерево, сухостой; хворост' [49], второй компонент которого также мог бы быть родственным русской и чешской лексемам. Но польский материал не согласуется со словенским, так как они не сводимы к единой праформе: словенский предполагает праслав. **ruž-*, польский — праслав. **rǫž-*. Русск. *ружа* и чеш. *karužina* в отношении возможности реконструкции праславянского вокализма двусмысленны. Не следует ли предполагать здесь корень с вариантным вокализмом **ruž-/*rǫž-*?

В славянских языках довольно широко представлен параллелизм корней с соотношением вокализма (на уровне праславянской реконструкции) *u* : *ǫ*. Однако исследования убеждают, что в большинстве случаев этот параллелизм объясняется вторичным преобразованием вокализма на славянской почве — назализацией *u* или деназализацией *ǫ*. Лишь для немногих славянских корней с параллелизмом *u* : *ǫ* признается происхождение от родственных параллельных индоевропейских основ [50]. Очевидно, что в каждом случае параллелизма хронологическая оценка вариантов зависит от этимологического истолкования их.

В рассматриваемом случае семантика лексем с корнями **ruž-* и **rǫž-* — 'скорлупа, шелуха, стручки', 'хворост, прут', 'шелушить' — позволяет искать этимологический источник среди гнезд со значением 'драть, рвать': ср. семантические модели слав. **(s)korupa* — к **čerti* 'драть', **luska* / **luskъ* — родственно лит. *lùskis* 'оборванец', чеш. диал. *drápelí* 'хворост' — к **drapiti*, **drapati* 'драть, рвать'. Поэтому представляется вероятным происхождение вариантной пары **ruž-/*rǫž-* от и.-е. **reu-* 'разрывать, рвать, драть' (> праслав. **ryti*, **rъvati*, **runo* и т. д.). Принятие этой этимологии означает признание первичности формы слав. **ruž-* и вторичности слав. **rǫž-*.

---

[47] Фасмер III, стр. 513—514.

[48] A. Konίř. Přispěvek k dialektickému Slovníku moravskému. Μνῆμα. Sborník vydaný na pamět' čtyřicítiletého učitelského působení prof. Josefa Zubatého na Universitě Karlově 1885—1925. Praha, 1926, стр. 289.

[49] Варшавский словарь VI, стр. 502.

[50] F. Sławski. Oboczność *ǫ* : *u* w językach słowiańskich. SOc t. 18, 1947, стр. 246—290,

Праслав. **ruž-*, будучи родственным и.-е. **reu-*, может восходить к и.-е. **reug-/*roug-*. Эту основу Покорный предполагал для лат. *rūga* 'морщина, складка' [51]. К параллельной родственной основе с глухим расширением — **reuk-* — возводят греч. ὀρύσσω 'рыть, выкапывать' и др.-инд. *luñcati* 'драть, обрывать, шелушить', лат. *runco* 'рвать, вырывать, полоть' [52]. Эти два последние глагола показывают, что назализация вокализма в производных от и.-е. **reuk-* развивалась, возможно, еще на индоевропейской почве. Польск. *suchoręż* представляет аналогичную назализацию основы и.-е. **reug-* > слав. **rug-*, однако определение хронологии этого изменения вокализма затруднительно.

С точки зрения семантического обоснования принадлежности слав. **ruž-* к гнезду и.-е. **reu-* 'разрывать, рвать' существенно, что близкие к слав. **ruž-* значения представлены у германских лексем, продолжающих и.-е. **reus-* (также расширение и.-е. **reu-*): норв. диал. *ros*, *rys* 'рыбья чешуя', *rus* 'тонкая кожица', *rosa* 'счищать кожу', исл. *rosm* 'отходы' [53]. Ср. также продолжение и.-е. **reuk-* — др.-инд. *luñcati* 'обрывать, шелушить'.

В славянских языках есть рефлексы различных индоевропейских баз, образованных от и.-е. **reu-* 'драть, рвать': например, к и.-е. **reup-* восходит праслав. **rypati*, к и.-е. **reus-* — праслав. **rušiti*, **rъxnǫti*, к и.-е. **reuk-* — праслав. **ruknǫti*, **ryčati* 'рвать; течь' (болг. диал. *ри́чам* 'колоть, кусать, ударять', *ру́кна* 'устремиться, потечь', чеш. диал. *ryčat'* 'течь') [54]. Реконструированное выше слав. **ruž-*, очевидно, по исходной форме (с конечным задненебным основы) ближе всего к группе слав. **ruknǫti*, **ryčati*, однако семантически они далеко разошлись.

**sojiti*

Польский диалектизм *soić* 'кормить грудью младенца' [55] в этимологической литературе, кажется, до сих пор не рассматривался. Это слово не имеет соответствий в других славянских языках и представляется совершенно изолированным в славянской лексике: его невозможно возвести ни к одному из трех известных славянских этимологических гнезд, базирующихся на корнях с исходной структурой **sei-*, ср. **si-/*soj-* 'блестеть' (**sinǫti*, **soja* и др.), **si-/*sě-* 'связывать' (**sidlo*, **sětь*, **sila* и др.), **si-/*sě-* 'сеять' (**sěti*, **sito* и т. д.) [56]. Лексемы, близкие

---

[51] Pokorny I, стр. 870.
[52] Там же, стр. 869.
[53] Там же, стр. 870—871.
[54] St. Szober. Kilka etymologij. — PF XIV, 1929, стр. 601—602; Ж. Ж. Варбот. О возможностях диахронического истолкования морфонологической вариантности в славянских отглагольных именах. «Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации». М., 1973, стр. 99.
[55] Варшавский словарь VI, стр. 260.
[56] Miklosich, стр. 295—296.

к польск. *soić* материально и семантически, можно, однако, обнаружить в литовском языке: это *sývas* 'сок', стар. и диал. 'сироп, свежий мед' и *séile* 'слюна', которые возводятся к и.-е. **sēi-* 'капать, течь' [57]. Рефлексами этого гнезда в других индоевропейских языках признаются кимр. *hufen* 'сливки' (**soimen-*), др.-в.-нем., н.-в.-нем. *seim* 'медовая патока', др.-исл. *seimr* 'соты', вестфальск. *siəmern* 'сочиться' [58]. Польск *soić* может быть с полным основанием отнесено к этому индоевропейскому этимологическому гнезду. Интересно, что все прочие образования данного гнезда представляют корень с различными расширениями, тогда как польск. *soić* содержит чистый корень, без расширений.

Таким образом, польск. диал. *soić* является основанием для реконструкции праслав. **sojiti*, которое рассматривается как реликт индоевропейского гнезда **sēi-* 'капать, течь'. Если принять это толкование, то можно указать отдаленно родственные с **sojiti* образования и в славянских языках: это гнездо праслав. **sьcati*. Праслав. **sьcati* вместе с др.-инд. *siñcati* 'выливать', др.-в.-нем. *sīhan* 'цедить', греч. ион. ἰκμάς 'влажность', лат. *siat* 'οὐρεῖ' и др. восходит к индоевропейской базе, образованной корнем **sēi-* и расширением *-k̯ᵘ-* [59]. Следовательно, праслав. **sьcati* находится по отношению к **sojiti* в такой же степени родства, как и лит. *sývas*, *séilė*, кимр. *hufen*, др.-исл. *seimr* (см. выше).

*(sъ)klenь и *(sъ)klenъ

Во многих русских говорах известно наречие *всклень* 'очень полно, доверха, вровень с краями (наливать, наполнять и т. п.)' — пенз., тамб., сарат., куйбыш., ряз., псков.[60] Его вариантами с иным вокализмом являются пенз. *всклинь*, тамб., псков., ряз. *всклянь*, с иным типом основы — твер. *всклен*, с иным консонантизмом — тамб., твер. *вскрень* [61], без начального *в-* — сиб., сев. *склень* [62]. Есть также варианты, отличающиеся от *всклень* по нескольким признакам одновременно: псков. *склянь*, новг., волог., перм., влад., твер. *скля́но* [63], и производное прилагательное олон. *склённой*, *скля́ннэй*, олон., новг., волог., перм., влад., твер. *скля́ный* 'полный, налитый, насыпанный до края' [64]. Судя по приведенным материалам, основа *всклен-* представлена (в различных вариантах) и в северно-, и в средне-, и в южно-великорусских говорах.

---

[57] Fraenkel, стр. 790.
[58] Pokorny I, стр. 889. — Френкель относит к этому гнезду также более далекие семантически лтш. *sīvs* 'горький, жгучий, едкий' и лат. *saevus* 'свирепый, неистовый', см. Fraenkel, стр. 790.
[59] Pokorny I, стр. 893—894.
[60] Филин 5, стр. 201; Деулинский словарь, стр. 96.
[61] Филин 5, стр. 202, 204.
[62] Даль² IV, стр. 198.
[63] Там же, стр. 199 (*скло*).
[64] Куликовский, стр. 108; Даль² IV, стр. 199 (*скло*).

В этимологических работах наречие *всклень* не рассматривалось. Кажется, единственное объяснение его происхождения предложено В. Далем, который счел его производным от *скло* — диалектной формы лексемы *стекло*[65]. Но это родство маловероятно с точки зрения семантики. Скорее формальное сближение данного наречия со *скло* и его производными (*скляный* 'стеклянный' и др.), следствием чего явились варианты наречия *всклянь*, *склянь*, *скляно* и прилагательное *скляный* 'полный', — вторичное наслоение в истории наречия *всклень*, порожденное народноэтимологическим осмыслением слова, так же, как вариант *вскрень* объясняется вторичным сближением с синонимичным *вскрай*. Поэтому наиболее близкими к первичной форме слова и наиболее надежными для этимологического исследования представляются варианты, наименее похожие на *скло*, — *всклень*, *вcклинь*, *вcклен*. Для этимологии существенно также прилагательное *склённой* которое свидетельствует о первичном **е* в корне, тогда как вариант *вcклен* предполагает **ě* (варианты *всклень*, *вcклинь* допускают оба типа огласовки).

Скопление согласных в начале наречия *всклень* позволяет истолковать *в-* или даже *вс-* как префикс. Тогда *всклень* относится к числу наречий, возникших из предложно-именных сочетаний (типа *вверх*, *вниз*, *вброд*, *вглубь*, *вдаль*, *вплавь*, *вкось* и т. п.), и его корень восходит к имени существительному **(с)клень* (или **(с)клен* — ср. *вcклен*). Значение наречия *всклень* вполне конкретно: 'доверха, вровень с краями (сосуда)'. Синонимами его являются диал. *вскрай*, просторечн. *под закрышку*, *под завязку*. Можно, следовательно, предполагать, что значение существительного *(с)клень*, *(с)клен* было близко к 'край, верх' или 'крышка, запор'. Последнее дает основания для гипотезы о родстве наречия *всклень* со славянскими глаголами **klepati*, **klepnǫti*, **klopiti*, **klapati*, семантика которых развивалась от 'опуская, перевертывая, закрывать' к 'опускать', 'закрывать', 'соединять, запирать': ср. словен. *poklópiti* 'закрыть крышкой', *skléniti*, *zakléniti*, *-nem* 'скрепить, запереть', *sklépati* 'соединить', с.-хорв. *sklenuti*, 'запереть на ключ', болг. соф. *поклапам* 'покрывать'[66], чеш. *klenouti* 'выводить свод', *přiklopiti* 'закрыть, покрыть', польск. *sklepić* 'запереть', укр. *склепи́тися* 'сомкнуться, закрыться', полесск. *скльипи́т* 'зажмурить (глаза)'[67]. Совершенно очевидно, что для соответствующих этим глаголам отглагольных имен закономерно значение 'запор', а это для сосуда тождественно значению 'крышка'. И действительно, есть, например, чеш. *poklop* 'крышка', *přiklop* '(по)крышка'. Следовательно, и русск.

---

[65] Даль[2] IV, стр. 199 (*скло*).

[66] Злата Божкова. Принос към речника на софийския говор. — БД кн. I. София, 1962, стр. 260.

[67] П. С. Лисенко. Словник діалектної лексики середнього і східного Полісся. Київ, 1961, стр. 60; Он же. Словник поліських говорів. Київ, 1974, стр. 196.

всклень хорошо согласуется семантически с этим гнездом: значение *всклень* 'доверха' легко объясняется из этимологического значения 'под самую крышку'. Для подтверждения семантической близости *всклень* к гнезду **klep-* существенно также, что глаголы этого гнезда часто сочетаются с названиями сосудов, а чеш. *vyklopiti* něco z nadoby имеет значение 'вылить, выбросить что-либо из сосуда, быстро опрокинув его' [68]. Ср. также макед. *склопница* 'небольшой деревянный сосуд для творога и яиц, который носят с собой пастухи' [69].

Словообразовательные отношения между русск. *всклень* и глаголами гнезда слав. **klep-* могут быть реконструированы следующим образом. Глагольные основы на *-nǫ-* от корня **klep-* — **klepnǫti* и **klopnǫti* (вторичное по отношению к **klepnǫti*, с вокализмом *o*, заимствованным из **klopiti*) — в праславянском изменились вследствие упрощения группы согласных *pn* > *n* в **klenǫti* и **klonǫti* (см. выше словен. *skleniti*, *-nem*, с.-хорв. *sklenuti*). В результате этого упрощения и последующего морфологического переразложения в глаголах **klenǫti*, **klonǫti* производящей основой для отглагольных имен и вторичных глаголов стали комплексы **klen-* и **klon-*. От **klonǫti* образовано, например, чеш. *zaklona* 'завеса'. К **klenǫti* восходят глагол слвц. *klenit'* 'сжимать', 'выводить свод' [70] и имена чеш. *klenák* 'камень свода', *klenba* 'свод', словен. *oklèn* 'связка', *sklênek* 'сустав', *sklenîtev* 'соединение' [71]. Представляется, что и лежащее в основе наречия *всклень* имя существительное образовано от глагола **sъklenǫti* или **klenǫti* (ср. словен. *skléniti* 'скрепить, запереть', с.-хорв. *skl enuti* 'запереть на ключ').

Предположение об образовании имени от глагола, уже пережившего упрощение группы *pn* > *n*, то есть **(sъ)klenǫti*, означает, что имя возникло в форме **(sъ)klenь* и для него не было предшествующей стадии **(sъ)klepnь*. Разумеется, исходя из родства рассматриваемого наречия с глаголами гнезда **klep-* — **klepati*, **klepnǫti*, можно было бы поставить вопрос об образовании имени непосредственно от глагольного к о р н я *klep-* путем присоединения к нему именного суффикса *-n-*, то есть предположить первоначальную форму имени **(sъ)klep-nь*, с последующим изменением в **(sъ)klenь*. Но имена типа чеш. *klenba* 'свод', словен. *sklenîtev* 'соединение' свидетельствуют об активной роли в именном отглагольном словообразовании данного гнезда именно основы **klen-*: она функционировала как единое целое и к ней, как к корню, присоединялись суффиксы. Этот тип морфологического переразложения и связанный с ним элемент *-n-* в производ-

---

[68] M a c h e k², стр. 259.

[69] J. Т а ш е в с к и. Зборови од тетевскиот говор. — MJ III, 8—9, 1952, стр. 220.

[70] K á l a l, стр. 241.

[71] Х о с т н и к, стр. 274.

ных именах широко распространены в славянских языках [72]. Поэтому и для *(*sъ)klenь* более вероятным представляется образование от основы **klen*-, а не от корня **klep*-.

Следующий аспект структуры реконструируемого имени (лежащего в основе наречия *всклень*), который требует уточнения, — начало слова. Форма наречия допускает двоякое толкование: 1. имя унаследовало от производящей глагольной основы **sъklenǫti* префиксальную форму — **sъklenь*, наречие возникло на базе последующего соединения имени с предлогом *vъ*; 2. от непрефиксального глагола **klenǫti* было образовано непрефиксальное имя **klenь*, а наречие возникло из сочетания имени с предлогом *vъz*. Семантически также вероятны оба толкования. Предлог *vъz* (во втором толковании) мог выступать как в своем основном значении 'вверх', так и в производном от него значении 'к'. В пользу второго толкования говорят синонимичные и структурно тождественные образования: русск. диал. *вскрай* и укр. херсон. *вщерть* (< **въз-чьрть*) [73]. В пользу первого — преимущественная связь значений 'запереть', 'запор, крышка' с префиксальными глаголами и именами. Следовательно, возможно и **sъklenь*, и **klenь*, откуда соответственно **vъ-sъklenь* или **vъz-klenь*.

Определение корневого вокализма реконструируемого имени при двусмысленности показаний наречий (**e* или **ě*? см. выше) опирается на вокалическую характеристику производящего глагола с *-nǫ-* основой **klepnǫti*: его корневое **e* делает наиболее вероятным также корневое **e* в производном имени. Если же в имени исконно **e*, то, следовательно, фонетически закономерна форма русских имен *всклень* (с сохранением *е* перед мягким *н'*) и *склённой* (с изменением *е* > *'о* перед твердым *н*), тогда как вокализм *всклен* требует объяснения: ожидалось бы **всклён*. Вероятно, здесь вторична основа на твердый согласный, и к исходной форме ближе всего *всклень*. В таком случае исходное имя должно реконструироваться как *-ĭ-* или *-jŏ*-основа. В отглагольных именах чаще встречается *-ĭ-* основа, поэтому более вероятна реконструкция *(*sъ)klenь*.

Кажется, однако, что в русских говорах есть и существительное с тем же корнем и с исконной основой на *-ŏ-* (то есть на твердый согласный в современном русском языке): это перм., вят. *клён* 'задняя сторона шеи под затылком, где проходит становая кость и жилы, загривок' [74] Для семантического обоснования родства этого слова с гнездом **klep*- существенна возможность обозначения шеи и затылка как места связи, соединения: слав.

---

[72] См. Ж. Ж. Варбот. Некоторые случаи морфологического переразложения в славянских глаголах и отглагольных именах и этимологический анализ. «Slawische Wortstudien». Sammelband des internationalen Symposiums zur etymologischen und historischen Erforschung des slavischen Wortschatzes. Leipzig. 11—13. 10. 1972. Bauzen, 1975.

[73] Фасмер IV, стр. 348 (статья *черта*).

[74] Опыт, стр. 83; Даль[2] II, стр. 117.

**šija* — от **šiti*, чеш. *vaz* 'затылок' — от **vęzati*. Идея соединения отчетливо выступает и в семантике гнезда **klep-*: ср. словен. sodu doge z obročem *skléniti*[75], *sklépati* 'соединить', укр. *склепи́тися* 'сомкнуться' и т. д. (см. выше). Перм. *клён*, следовательно, может быть отглагольным именем этого гнезда, сопоставимым со словен. *sklênek* 'сустав' (вероятно, от **sklen*).

Какова хронология рассматриваемых отглагольных имен? Поскольку изменение **klepnǫti* > **klenǫti* произошло еще в праславянский период, возможность появления отглагольных имен с основой **klen-* возникла также в праславянском языке. Однако подобные образования могли появиться и в истории отдельных славянских языков как производные от актуальных глаголов. Поэтому словен. *sklênek*, например, может быть и рефлексом праслав. **sъklenъ*, и словенским производным от словен. *skléniti* 'скрепить, запереть'. Для русск. *всклень* и *клён* возможность появления в истории русского языка хотя и не исключена, но очень маловероятна, так как ни в древнерусском языке, ни в русском, ни в других восточнославянских языках не зафиксирован глагол, который мог быть рефлексом праслав. **klenǫti* и стать производящей базой для *всклень* и *клён*. Это делает правомерной гипотезу о праславянском происхождении *всклень* (точнее, лежащего в его основе имени **(с)клень*) и *клён*, которые предполагают в таком случае праслав. **(sъ)klenь* и **(sъ)klenъ* (последняя реконструкция с префиксом *sъ-* — **sъklenъ* — учитывает возможную древность словен. *sklênek*).

---

[75] Pleteršnik II, стр. 488.

И. П. Петлева

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ ПО СЛАВЯНСКОЙ ЛЕКСИКЕ. VI

С.-хорв. *забрѐјати се*, русск. *зареяться*

В Белградском словаре сербохорватского языка приведен любопытный глагол, зафиксированный во Вране, *забрѐјати се* 'задохнуться, запыхаться' [1], который до сих пор как будто не привлекал к себе внимания этимологов. Между тем ключ к выявлению его природы дают нам русские диалектные примеры, имеющие идентичное значение: *заре́ять* 'запыхаться' (яросл.), *заре́яться* 'запыхаться' (волог., новгор., яросл.) [2], *зари́ять, -ся* 'задохнуться', *ре́ять* 'запыхаться, сильно и часто дышать, устать' (яросл.) [3], *ре́яться, обре́яться, заре́яться* 'задыхаться, страдать одышкою' (черепов.) [4], *ре́ять* 'сильно дышать, запыхаться, устать' (яросл.) [5]. От русского *заре́яться* сербохорватский глагол отличается лишь наличием *-б-*, которое, если оно не вставное, очевидно, появилось в результате отпадения *о-* в приставке *об-*: **за-об-рејати* > *за-брѐјати се*. Ср. аналогичный случай: др.-русск. *на-б-рушитисѧ* 'упасть, навалиться' при *об-рушити* 'оборвать' [6], а также русск. *за-б-ру́шить* 'ячейки в сотах заделывать воском наглухо' при *зару́шить* (яму) 'засыпать, завалить' [7]. Следовательно, реконструируя *забрѐјати се* как **za-ob-rějati sę*, мы тем самым находим свидетельство былого существования в сербохорватском глагола **rějati (sę)*, который ни в чистом виде, ни в сочетании с приставками до сих пор в данном языке не отмечался [8]. В этимологических словарях в качестве континуант праславянского **rějati* обычно приводятся лишь старославянские, русские (и древнерусские), украинские и болгарские глаголы

---

1 РСА V, стр. 521.
2 Филин 10, стр. 383.
3 Мельниченко, стр. 74, 175.
4 Герасимов, стр. 77.
5 С. А. Копорский. О говоре севера Пошехоно-Володарского уезда Ярославской губернии, стр. 180.
6 Срезневский II, стлб. 266, 551.
7 Даль[2] I, стр. 555, 630.
8 Правда, составители Загребского словаря, а вслед за ними и автор Этимологического словаря П. Скок, противоречиво толкуя сербохорватский глагол *рujати* 'разрывать землю рылом', диал. 'запахать, подпахать', с одной стороны, сопоставляют его со слав. **ryti*, а с другой — с **rѐjati* (RJA XIII, стр. 953; Skok III, стр. 140), но последнее сравнение лишено оснований и безусловно должно быть отброшено.

со значением движения: ст.-слав. отрѣяти 'отталкивать', др.-русск. *рѣяти се* 'бросаться, толкаться, направляться', *рѣяти* 'толкать, отталкивать, отгонять', русск. *реять* 'нестись, плыть, лететь', укр. *ріяти* 'роиться (о пчелах)', болг. *рéя се* 'ношусь повсюду' [9].

Что касается перечисленных выше русских глаголов со значением 'запыхаться, задыхаться', то они убедительно трактуются В. А. Меркуловой как закономерное семантическое ответвление праславянского **rějati (sę)* 'двигаться (плавно, легко, быстро) в воде или воздухе', развившееся в соответствии с распространенной в славянских языках моделью: 'двигаться (о воде, воздухе, пламени, предмете в воздухе или воде)' → 'дышать' → 'дышать с трудом' [10]. Итак, в результате идентификации сербохорватского диалектного *забрѐјати се* 'задыхаться' с указанными русскими глаголами в том же значении, появляется возможность зафиксировать следы славянского **rějati* в сербохорватском и отметить старый, по-видимому, праславянский, семантический диалектизм, ограниченный русско-сербохорватским ареалом, **za-rějati (sę)* 'задыхаться, запыхаться'.

В кругу исследуемых слов получает свое объяснение и смол. *рейка* 'легкое с сердцем и печенью' [11], приводимое Фасмером как «темное» [12]. Оно, безусловно, связано с **rějati (sę)*, но с точки зрения семантики эта связь может быть понята двояко: исходя из первичного 'то, чем дышат, орган дыхания' или, что представляется более вероятным, — 'то, что имеет малый вес и потому всплывает в воде (супе)'. В пользу последнего предположения свидетельствует, в частности, тот факт, что в Словаре Носовича значение слова *рейка* уточняется: 'легкое с сердцем и печенью, вынутое из у б и т о г о животного' [13]. Кроме того, примеры, помещенные в Словарях Добровольского и Носовича, также утверждают нас в мнении, что *рейкой* называлось прежде всего легкое, вынутое из убитого животного (птицы) и используемое в кулинарии, в частности, при приготовлении супов: Положи гусиную *рейку* в рассольник. *Рейку* положи в крупеню. Ср. еще русск. *легкое*, о котором читаем у Фасмера: «Это слово связано с предыдущим словом (*легкий*), потому что при разделке туши съедобные внутренности кладутся в посудину с водой, причем легкие остаются на поверхности воды, а сердце и печень погружаются». Здесь же приводятся соответствия из других языков: англ. *lights*, мн. 'легкие некоторых животных': *light* 'легкий', порт. *leves* 'легкие': *leve* 'легкий', н.-в.-нем. *Lunge* 'легкое': др.-в.-

---

[9] Ф а с м е р III, стр. 480; П р е о б р а ж е н с к и й II, стр. 203; С р е з н е в с к и й III, стлб. 227—228.
[10] В. А. М е р к у л о в а. К истории становления народной медицинской терминологии. «Slawische Wortstudien». Bautzen, 1975, стр. 133—134.
[11] Д о б р о в о л ь с к и й, стр. 806.
[12] Ф а с м е р III, стр. 463.
[13] Н о с о в и ч, стр. 562.

нем. *lungar* 'легкий, быстрый' [14]. См. также др.-русск. *плюча* 'легкие', с.-хорв. *плу̏ħа* и другие, родственные **pluti* (др.-русск. *плути* 'плыть', словен. *plúti* и т. д.), далее — к **plyti* 'плыть', и означавшие первоначально 'то, что плавает', ср. болг. *плю́то* 'пробковый поплавок', с.-хорв. *плу̀та̄ц* то же и т. д. Однокорневое семантически аналогичное образование представлено и в греческом πλεύμων 'легкое': πλέω 'плыву' [15]. Итак, смоленское слово *рейка* первоначально значило 'то, что всплывает, плавает', а потому употреблялось по отношению к легким, вынутым из убитой птицы и помещенным в воду, что, очевидно, имеет место и в случае со словами *легкие* (русск.) и *плюча* (др.-русск.), *плу̏ħа* (с.-хорв.) и т. п.

С.-хорв. *јапурити се, јапражити се*

В одной из статей Этимологического словаря сербохорватского языка П. Скока объединяются следующие слова: диал. (Баня Лука) *јапурити се* 'краснеться', диал. (Босния, Герцеговина) *јапражити се* и *зајаприти* 'зардеться, раскраснеться', а также, предположительно, диал. *јаприка* 'лишайник' и *Јапра*, гидроним [16]. Никаких пояснений относительно предполагаемой праформы или дальнейших этимологических связей данных слов автор не дает, но его замечание о том, что *јапражити се* — деноминатив от незасвидетельствованного существительного **јапрага*, которое образовано с помощью суффикса *-јага*, позволяет сделать заключение, что П. Скок считал *јапр-* (/*јапур-*?) общей корневой частью всех перечисленных слов.

Однако, думается, что в данном случае мы имеем дело не с родственными словами, а с чисто случайным лексическим объединением, основанным лишь на семантической близости всех трех глаголов, каждый из которых имеет особую этимологическую судьбу.

Так, глагол *јапражити се* 'краснеться', который, кстати, не представлен ни в Загребском, ни в Белградском словаре, безусловно, связан с *пра̏жити* 'жарить, печь', родственным болгарскому *пра́жа* 'тушу, поджариваю', русскому *пряжить* 'жарить в масле' и др., восходящим к **pražiti*, ср. с другой огласовкой ц.-слав. *пръжити* 'поджаривать; сушить', с.-хорв. *пр̏жити* 'жарить; палить' и др.[17] Что касается значения 'краснеть, краснеться', то оно регулярно развивается на базе первичного 'гореть, накалять, жарить' (см. с.-хорв. *зажа́рити се* 'раскалиться, накалиться' и 'сильно покраснеть' [18], русск. *загореться* 'начать гореть' и 'покраснеть, зардеться (о лице, щеках)'),

---

[14] Фасмер II, стр. 474 (с литературой).
[15] Фасмер III, стр. 290, 288.
[16] Skok I, стр. 755.
[17] Фасмер III, стр. 393; RJA XI, стр. 425.
[18] Н. Толстой[1], стр. 195.

поэтому семантическое соположение 'жарить' (*пра̏жити*) и 'краснеться' (*јапражити се*) закономерно. К тому же не исключено, что корень **prag-* представлен и в хорватском слове *пражуљка*, значение которого чрезвычайно близко значению глагола *јапражити* — 'красная краска, которой красят пасхальные яйца', хотя существует и иная трактовка этой лексемы (составители Загребского словаря рассматривают ее как немецкое заимствование *Brasilin* или *Brasilienholz*[19]). Итак, исследуемый глагол нужно членить следующим образом: *ја-пражити* (а не *јапр-(ј)ажити*), т. е. выделяя *ја-* в качестве архаичной приставки с ослабляющим или приблизительным значением, восходящей к **ě-* или **a-* (и.-е. *ē: *ō), которую выделяют в серии примеров: болг. *я-вдовѝца* 'вдова', блр. *я́-коріць* 'корить', с.-хорв. *ја̏-пāд* 'тенистое место', ср. *за̏-пāд* то же и др.[20]; по мнению П. Скока, префикс *ја-*(*је-*, *јо-*), возможно, нашел отражение и в с.-хорв. *ја̂муж*(*а*), *је̂мужа*, *јо̂мужа* 'свежее кипяченое молоко', хотя не исключает и иной интерпретации этих лексем[21].

Глагол *јапурити се* 'краснеться', приводимый П. Скоком, отсутствует в Загребском словаре, но представлен в Белградском, причем не только в возвратной, но и в активной форме (*јапурити*) с дополнительным значением 'возбуждать, -ся, распалять, -ся'[22]. Как мы уже отмечали, этот глагол в первом томе Этимологического словаря сербохорватского языка объединен в одну статью с *јапражити се* и *зајаприти се*, что предполагает трактовку начального *ја-* как части корня, в то время как его следует рассматривать в качестве архаичной приставки. Причем П. Скок, противореча самому себе, в третьем томе своего словаря совершенно правильно объясняет глагол *зајàпурити се* 'закраснеться', связывая его с *пу̏рити(се)* 'жарить, печь' и вычленяя префиксальное *ја-* (оно ошибочно названо здесь суффиксом)[23], см. еще *за-пу́рити се* 'раскраснеться, зардеться'[24]. Данные глаголы восходят к и.-е. **pur-* 'огонь', см. еще с другой ступенью корневого вокализма (**pyr-*): с.-хорв. *пи́рја̄н* 'тушеное мясо', *спи́рити* 'раздувать', словен. *zapíriti se* 'покраснеть', чеш. *pýř* 'раскаленная зола, жар', *pýřiti* 'краснеть', слвц. *pýriť sa* 'краснеться' и т. д.[25]

Итак, если этимология глаголов *јапражити се* и *јапурити се* представляется установленной, то лексемы *зајаприти* 'зардеться', *јаприка* 'род лишайника' и *Јапра* (река, область, прозвище[26])

---

[19] RJA XI, стр. 426.

[20] Berneker I, стр. 441; Фасмер IV, стр. 537 (с литературой), см. еще О. Н. Трубачев. Из праславянского словообразования: именные сложения с приставкой *a-*. «Проблемы истории и диалектологии славянских языков. К 70-летию В. И. Борковского». М., 1971, стр. 267—272.

[21] Skok II, стр. 488—489.

[22] РСА VIII, стр. 568.

[23] Skok III, стр. 81.

[24] И. Толстой[1], стр. 197, 218.

[25] Skok III, стр. 81; Фасмер III, стр. 409, 419.

[26] РСА VIII, стр. 567.

остаются неясными. По поводу их происхождения мы можем высказать лишь некоторые соображения: 1. с вышеуказанными словами следует объединять еще целый ряд диалектных примеров с близкой семантикой: *jàпрен* 'красный', *jäпраст* 'красноватый', *jàприти* 'румянить, делать что-либо красным; красить в красный цвет', *jàприти се* 'становиться румяным, краснеть, розоветь, румяниться; краснеться' [27]; 2. во всех словах данной группы, в отличие от *jапурити се* и *jапражити се*, *jа-*, очевидно, не является приставкой, а входит в состав корня *jапр-*, который характеризуется значением 'красный'; 3. нельзя не заметить сходства рассматриваемых лексем с распространенным в ряде областей Югославии тюркизмом *jàпрак*, который не только имеет общую с ними формальную часть *jапр-*, но и, наряду с другими значениями ('лист', 'виноградный лист', 'блюдо типа голубцов, в котором используются капустные, виноградные или фасолевые листья', 'связка табачных листьев'), употребляется и для наименования растений или их листьев красного и желтого цвета, а именно — красного табака (см. известное в Черногории выражение *црвења се ка jапрак* 'румян, как красный табак' [28]) и листьев сумаха (сумака) — растения, которое в русском именуется также *желтник*, *желтинник*, *желтуница*, а в сербохорватском — *р̑ӯj*. Оба эти названия сумаха связаны с обозначением желтого и красного цвета, ср., в частности, с.-хорв. *р̑ӯjан* 'кирпично-красный, темно-красный', *ру́јница* 'рыжик (гриб)', чеш. *rujný* 'желтый, желтоватый; красный, красноватый'; сюда же относится и болг. *руй* 'сумах, скумпия', о котором Младенов (согласно Скоку) писал как о родственном славянскому **ruda* [29]. Даль указывал, что желтинником «красятся желтые сафьяны» [30], а составители Загребского словаря аналогичным образом отмечали, что словом *р̑ӯj* обозначают растение желтого цвета, которое используется для получения желтой краски, а также саму краску, желтую и красную [31]. Однако предполагать связь сербохорватских лексем *jàпрен* 'красный' и т. д. с тюркизмом *jапрак*, очевидно, не следует, так как первичным значением последнего было 'лист' (а не 'красный'). Поэтому значения 'красный табак' и 'лист сумаха', отмечаемые у лексемы *jапрак*, нужно рассматривать как вторичные, возникшие в результате сужения более общего исходного: 'лист' → 'красный (желтый) лист' > 'лист сумаха', 'красный табак' (возможно, под влиянием указанных сербохорватских лексем со значением 'красный' — *jàпрен* и других). Иную точку зрения высказывает Н. И. Толстой, считающий, что лексемы *jàпрен*, *jàприти* и другие непосредственно связаны с тюркским *jапрак*.

---

[27] РСА VIII, стр. 567.
[28] Там же.
[29] S k o k III, стр. 168.
[30] Д а л ь[2] I, стр. 531; IV, стр. 360.
[31] RJA XIV, стр. 250.

С.-хорв. *ижу́њити, жу́њотина*; русск. *жол(о)н*; слав. **žьlna*

Данные слова отсутствуют как в Загребском словаре, так и в Этимологическом словаре П. Скока. Они как диалектные фиксируются Белградским словарем с такими значениями: *ижу́њити* 'издупсти, ижлебити' ('выдолбить, сделать углубление'), *ижу́њотина*, *жу́њотина* 'удубљење, жлеб' ('углубление, желоб')[32].

Рассматриваемые лексемы можно представить себе с точки зрения словообразования как **из-жуњ-ити*, **жуњ-от-ина*. Для глагола вероятен такой путь образования: **жуњ (*жуња?)* → **жуњ-ити* → **из-жуњити* → *ижуњити*, для существительного — **жуњ(*жуња?)* → **жуњити* → **жуњ-ота* → *жуњот-ина* (либо **жуњити* → **жуњ-отина?)* или **жуњ(*жуња)* → **жуњ-ота* → **жуњот-ина*. В любом случае следует реконструировать имя **жуњ*, которое и надо идентифицировать с каким-то славянским корнем.

Семантика данных слов, а также сам факт толкования их значений с помощью синонимичных образований *ижлебити* и *жлеб*, позволяют предполагать здесь не только семантическую близость, но и генетическое родство. В таком случае мы должны реконструировать имя **žьlb(n)ь*, которое отражает краткую ступень корневого гласного, чередующуюся с нормальной ступенью, представленной в славянском **želbъ* (: с.-хорв. *жлȇб*, русск. *желоб*, польск. *żłób* и др.)[33].

Исключительный интерес представляет тот факт, что восстанавливаемое нами на основе сербохорватского материала имя **žьl(b)nь* имеет реально существующую континуанту в русских говорах — это сев. *желн*, *жолн*, *жолон* 'большое корыто для корма скота, комяга; желоб'[34]. Фасмер неуверенно связывает его с *желоб*: «Вероятно, к *желоб*, т. е. из формы **žьlbnь?*»[35]. Сербохорватские примеры помогают подтвердить предположение Фасмера.

Существенным семантическим аргументом в пользу объединения **želbъ* и **žьl(b)nь* является наличие у слов, восходящих как к первой, так и ко второй праформе, общего значения 'корыто, кормушка для скота', собственно 'выдолбленная колода': ср., с одной стороны, чеш. *žlab* 'корыто, водопойная колода (для скота)'[36], польск. *żłób* 'кормушка'[37], в.-луж. *żłob* 'корыто, ясли (кормушка)'[38], русск. яросл. *желоб* 'корытце, на котором месят и сеют муку'[39], полесск. *жолоб* 'кормушка для лошади'[40] и т. д.,

---

32 РСА VII, стр. 253.
33 Фасмер II, стр. 61.
34 Даль² I, стр. 530.
35 Фасмер II, стр. 43, 61.
36 Machek², стр. 729.
37 «Польско-русский словарь». Под ред. М. Ф. Розвадовской, стр. 804.
38 Трофимович. В.-луж., стр. 460.
39 Мельниченко, стр. 65.
40 Н. Д. Корень, М. С. Шушкевич. Полесская строительная терминология (Хата и хозяйственные постройки). «Лексика Полесья», стр. 736.

а, с другой, — приведенное выше русск. *желн* (*жолн*, *жолон*) 'большое корыто для корма скота', ср. также контекстуальное употребление сербохорватского глагола *ижу̑њити* в сочетании с сущ. *корито* 'корыто': *корито* је. . . отесано и *ижуњито* [41].

Итак, мы вправе констатировать словообразовательно-семантический диалектизм **žьl(b)nь* 'выдолбленная колода (корыто, кормушка)', рефлексы которого представлены в сербохорватских и русских говорах, т. е. на разорванной территории, что свидетельствует о его архаичном, праславянском характере.

Однако, опираясь на выводы Ж. Ж. Варбот, видимо, следует считать более корректной праформу **žьlnь* (а не **žьl(b)nь*). Дело в том, что уже в праславянский период от глаголов на *-nǫ-*, претерпевших упрощение групп согласных *bn*, *pn*, *dn*, *tn* > *n*, образовывались «бессуффиксальные» имена с тождественной глаголу огласовкой корня, так же, как глагол, не имеющие взрывных согласных перед *n* (см. **gъbnǫti* > **gъnǫti*, ср. болг. *гънка*) [42]. Мы считаем, что имя, реконструированное нами предварительно как **žьl(b)nь*, скорее всего было производным от несохранившегося глагола **žьlnǫti* (**žьlbnǫti*), а потому должно восстанавливаться как праслав. **žьlnь*. См. пример аналогичного упрощения *bn* > *n* в глаголе, восходящем к другой ступени того же корня (**glob-*), чеш. диал. *hlonouti* — ср. слвц. диал. *hlobnúť* 'ударить' [43].

По-видимому, еще целый ряд русских слов могут быть связаны с данной праформой **žьln-*. Это, возможно, *желонка* 'трубка, ствол, дудка; носок, рыльце, рожок, отлив', 'один из видов земляного бура, трубкой' (< **žьln-ъka*), а также лексемы со значением орудийности ('то, чем долбят, отбивают'): *желонóк* 'молоток для отбивки настыли при очистке плавильной печи и для околачивания серебряных слитков' [44] (< **žьln-ъkъ*), *желна* (< **žьlna*), зарегистрированное без указания значения в составе следующего примера: крупные глыбы (извести) разбивают *желнами* [45], т. е., очевидно, киркой или молотком. Интересно, что в составе лексем, объединяемых праформой **želb-* (полная ступень к **žьlb-*), также есть слова со значением орудийности, семантически чрезвычайно близкие указанным выше русским словам, — ср., в частности, польск. *złobiak* 'врубовый молоток' [46].

Думается, что общеславянское название дятла **žьlna* (русск. *желна*, с.-хорв. *жу̑на*, *жу̑ња*, польск. *żołna* и т. д.) так же, как и приведенное выше русск. *желна* 'молот (кирка)', может быть

[41] Даль[2] I, стр. 530.

[42] Ж. Ж. Варбот. Некоторые случаи морфологического переразложения в славянских глаголах и отглагольных именах и этимологический анализ. «Slawische Wortstudien», стр. 149—150.

[43] Machek[2], стр. 168.

[44] Там же.

[45] Г. Потанин. Этнографические заметки на пути от г. Никольска до г. Тотьмы. — Ж. Ст., год девятый, 1899, вып. II, стр. 205.

[46] «Польско-русский словарь». Под ред. М. Ф. Розвадовской, стр. 804.

связано с корнем **žьlb-*. Согласно наиболее распространенной до сих пор гипотезе лексема **žьlna* считалась родственной славянскому **žьltъ* 'желтый' и возводилась к и.-е. корню **ghel-* (/**ĝhel-*) 'желтый, зеленый, голубой, серый'. Следовательно, предполагалось, что птица была названа по желтому цвету перьев [47]. Однако в одних славянских языках **žьlna* это 'зеленый дятел' (словен., н.-луж.), а в других — 'черный' дятел (в.-луж., русск.), но отнюдь не 'желтый' [48]. Представляется также, что наиболее ярко характеризует дятла не цвет его оперенья, а то, что он долбит, стучит [49]. См. показательные в данном отношении многочисленные наименования этой птицы, связанные с глаголами в значениях 'долбить, клевать': русск. сиб. *долби́ла* [50], арханг. *долби́лка* (к *долбить*), укр. *довба́ло*, *довба́ч* (к *довбати*), русск. сев. *клеве́ц* (к *клева́ть*) [51], болг. *кълва́ч* (к *кълва́*) [52] и др. Существенно, что и общеславянское название дятла — **dętьlъ* также связано с глагольным корнем **dьlb-*/**delb-* 'долбить' [53]. См. еще любопытные немецкие примеры, демонстрирующие в пределах одного гнезда сосуществование тех же значений, которые были отмечены выше у слов, восходящих к славянскому **žьlb*/-**želb-*: нем. *Baumhauer* 'дятел', *Haue* 'мотыга', *Haueisen* 'врубовый молот' — к *hauen* 'рубить, ударить', 'тесать камни', 'вырубать, бить' [54] — ср.: слав. **žьlna* 'дятел', русск. *желна* 'молот (кирка)' (< **žьlna*) русск. *желоно́к* 'молоток для отбивки. . .' (< **žьlnъkъ*) (ср. еще польск. *żłobiak* 'врубовый молоток'), а также реконструируемый нами праславянский глагол **žьlnǫti* (< **žьlbnǫti*) 'долбануть, ударить'.

С.-хорв. *вра̏жа*, польск. *wierzgała*

В Белградском словаре приводится любопытное диалектное (Плевля) слово *вра̏жа* (*вра̀жа*) 'вид самодельной шерстяной ткани, которая преимущественно идет на мужские штаны' [55]. Оно не нашло отражения в Этимологическом словаре сербохорватского языка П. Скока и, по-видимому, не имеет этимологического объяснения.

---

[47] Skok III, стр. 686—687; Фасмер II, стр. 43; Преображенский I, стр. 226; Pokorny I, стр. 431 и др.
[48] Фасмер II, стр. 43; Даль² I, стр. 530.
[49] Этот факт лег в основу гипотезы Махека, пытавшегося связать слав. **žьlna*, а также лит. *gilnà* 'дрозд-рябинник' и лтш. *dzil̂na* 'дятел' с литовским *gìlti* 'колоть, жалить' (Machek. — ZfslPh 20, стр. 50; Machek², стр. 729—730).
[50] Даль² I, стр. 460.
[51] Фасмер I, стр. 562.
[52] БТР³, стр. 402.
[53] Фасмер I, стр. 562.
[54] «Немецко-русский словарь». Под ред. А. А. Лепинга и Н. П. Страховой. М., 1958, стр. 543.
[55] РСА II, стр. 798.

Между тем слово представляет определенный интерес. Надо учитывать, что «ткачество произошло из плетения» и что «ряд терминов 'ткать' действительно получены от более древних слов со значениями 'вить, плести, связывать'» (см. примеры, где значения 'плести' и 'ткать' выражены одним и тем же словом или родственными словами: лат. *texō*, *texere* 'плести, ткать'; арм. *z-aud* 'завязка' и лит. *áudžiu*, *áusti* 'ткать' — к и.-е. **au̯-dh-* 'вязать, ткать') [56]. См. еще слав. **platъ*, первонач. 'ткань, материя', которое Ж. Ж. Варбот связывает с **plesti*, **pletǫ* [57]. Поэтому с.-хорв. *вр̏жа*, очевидно, может быть соотнесено со славянским гнездом **vьrg-/*vьrz-* 'крутить, вязать, плести', в которое входят образования, демонстрирующие аблаутный ряд *ъ:е:о*. См., в частности, восходящие к **vьrg-/*vьrz-*: с.-хорв. *вр̏зина* 'плетень, изгородь' [58], диал. *вр̀гӯљка* 'лента, сплетенная из соломы (на соломенной шляпе)', *врг*у́*љак* 'сверток (о табаке)' [59], *ка-вр̀гати* 'неодинаково и неровно прясть' [60], болг. диал. *варзул'ка* 'узел в пряже или ткани' [61], укр. *вéрглик* 'инструмент для плетения лаптей' [62], др.-русск. *вързати* 'вязать' [63], русск. диал. *верзéй* 'изгородь из лежащих кольев', *верзни* 'лапти', *коверзень* 'лапоть (из бересты)' [64], возможно, русск. *верша* (Фасмер допускает возможность связи этого слова с *верх* (**vьrxъ*) или с *верзать* [65]), ср. лит. *veržỹs* 'веревка', *váržas* 'верша', лтш. *var̃za* 'рыболовный затон', которые возводятся к тому же и.-е. корню, что и слав. **vьrg-/*vьrz-* [66]. Ступень **verg-/*verz-* представлена в таких примерах, как ц.-слав. *отврѣшти* 'отвязать', *уврѣщи* 'связать', *поврѣзти* то же [67], с.-хорв. *врéжа*, 'ползучий стебель, плеть' [68], русск. диал. *повересл*ó 'завязка' [69], *верéжить* и *вережи́ть* 'сучить (нитки)', возможно (если оно не из *мережа*), *вережа* 'мережа, конусообразная ловушка для рыбы, плетеная из ивовых прутьев' [70], *су-вережка* 'мелкая сетчатая ловушка для рыбы' [71] и др. Огласовка, характерная для старых именных образова-

---

[56] О. Н. Трубачев. Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966, стр. 18, 120, 248.
[57] Ж. Ж. Варбот. К реконструкции количественных чередований в некоторых славянских этимологических гнездах. «Этимология. 1970». М., 1972, стр. 62.
[58] И. Толстой[1], стр. 81.
[59] РСА III, стр. 31.
[60] RJA IV, стр. 908.
[61] Т. Стойчев. Родопски речник. — БД II, стр. 136.
[62] Гринченко I, стр. 134.
[63] Фасмер I, стр. 298.
[64] Филин 4, стр. 146.
[65] Фасмер I, стр. 302.
[66] Pokorny I, стр. 1154.
[67] Фасмер I, стр. 298; Срезневский II, стлб. 1104.
[68] И. Толстой[1], стр. 80.
[69] Фасмер I, стр. 298.
[70] Филин 4, стр. 129.
[71] Картотека Псковского словаря. (Выписки В. А. Меркуловой).

ний, — **vorg-/*vorz-*, соотносительных с глаголами с корневым **verg-/*verz-* (см. выше), отмечается в таких словах, как исследуемое нами с.-хорв. *вра̏жа* (*вра̀жа*), а также блр. *за́-варажки* 'ворота из отдельных жердей' [72], укр. *воро́за* 'бечевка', *павороз* то же, польск. *powróz* 'веревка' [73], др.-русск. *поворозти* 'связать' [74] и др.

Серьезным аргументом в пользу связи с.-хорв. *вра̏жа* (*вра̀жа*) 'вид ткани' с гнездом **vьrg-/*vьrz-* 'вязать, плести' является факт существования диалектного польского слова, семантически чрезвычайно близкого сербохорватскому, — *wierzgała* 'ткач, ткущий полотно' (к **vьrg-*). Карлович приводит его с неуверенным предположением («может быть, из нем. *Wirker*?») [75], которое должно быть отклонено ввиду существования сербохорватского слова.

Интересно, что Покорный, выделив ряд слов в отдельное гнездо **u̯erĝ-*, **u̯reĝ-* 'работать; работа' пишет о их связи с корнем в значении 'ткать', специально указывая на возможность отнесения немецких слов *wirken* 'ткать' и *Werg* 'куделя, очес' к гнезду **u̯erg-* 'крутить, вертеть' [76], в которое включено и слав. **vьrg-/*vьrz-* 'крутить, вязать, плести', а также, по нашему мнению, должны быть включены с.-хорв. *вра̏жа* (*вра̀жа*) 'ткань' и польск. *wierzgała* 'ткач'. Правомерность выведения значения 'работать' из более конкретного и специального 'ткать' ('плести') и т. п. подтверждается, в частности, О. Н. Трубачевым: «к глагольно-именной паре и.-е. **dṛbh-*: **dorbho-* 'вить; витье, плетенье' несомненно восходит. . . лит. *dirbu*, *dìrbti* 'работать', *dárbas* 'работа' [77].

---

[72] Касьпяровiч, стр. 113.
[73] Фасмер I, стр. 298.
[74] Срезневский II, стлб. 1002.
[75] Karłowicz 6, стр. 119.
[76] Pokorny I, стр. 1168—1169.
[77] О. Н. Трубачев. Ремесленная терминология в славянских языках, стр. 246.

В. А. Меркулова

И.-Е. *TEN- 'ТЯНУТЬ, НАТЯГИВАТЬ', 'ПЛЕСТИ' В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

В новгородских говорах существует слово *то́нька* 'веревка, с помощью которой натягивают парус; шкот' [1]. Перед нами слово с уменьшительным суффиксом *-ка*, выделив который, мы получаем имя сущ. ***тоня* или ***тонь* (ср. отношения *заря́ — зо́рька*) 'шкот' [2]. Последнее удивительно напоминает нам греч. τόνος 'натянутая бечева, веревка, канат', ὁ τόνος των ὅπλων 'натяжение снастей'. Оба слова, *то́нька* и τόνος, различаясь только категорией рода, восходят к и. -е. **ten-* 'тянуть, натягивать', 'плести'. Обычно к этому корню в славянских языках относят только три лексемы **teneto*, **tьnъkъjь* и **tętiva*. Значение же 'тянуть' в славянских передается основой с расширителем **tęg-*. Но оказывается, что мы можем обнаружить целый ряд образований и от чистой основы.

Указанное выше слово *то́нька* 'веревка' имеет достаточно широкий ареал распространения в русском языке: это новгородские, псковские, архангельские и олонецкие говоры, т. е. вся территория древней Новгородской земли. *То́нька* 'веревочка': «по́ршн'и *то́н'кам* забалчо́на»; *то́нечка* то же: «баrа́тыјь и б'е́нныјь д'е́вушк'и нав'е́х'ивъл'и же́мчук/хто на *то́н'ьц'к'ъ*, хто на н'и́тоцк'и» [3]; *то́нька* 'волосяная леса для ловли наваги' [4]; *то́нька* 'тонкий волосяной шнурок, привязанный к перевеслу, к которому прикрепляется наживка' [5]; *то́нька* 'тетива в сети, веревка, которой стягивают верхние ячеи' (псков.). Итак, *тонька* значит 'веревка, шнурок', 'леска (плетеная)', 'шкот'. Ср. др.-инд. *tanikā* f. 'шнурок', лат. *tĕnus*, *-ŏris* n. 'шнурок', продолжающие тот же и.-е. корень **ten-*.

Второе слово, относящееся, с моей точки зрения, к этому корню, это *то́ня* ж., рыболовный термин. Вслед за Миклошичем

---

[1] Слово записано мною в 1952 г. в д. Самокража Новгородского р-на Новгородской обл.

[2] Выявление древней судовой терминологии представляет самостоятельный интерес: ср. *стожа́р* 'мачта', *опру́ги* 'шпангоуты', *туг* то же, *огни́во* 'большой изгиб на шпангоуте', *ко́кор* 'шпангоут плоскодонного судна' и т. д.

[3] Картотека Псковского областного словаря.

[4] Даль [3] IV, стлб. 757; Подвысоцкий, стр. 173.

[5] Данилевский, стр. 15. — Непосредственная производность этого слова от *тонкий* неправомерна, т. к. волосяная леска скручивалась из конского волоса (от 6 до 20 волос); кстати, так же делались и корабельные снасти.

это слово обычно реконструируется как *topn'a и связывается с глаголом *topiti [6], что мне представляется неправомерным. Перед нами специфический рыболовецкий термин, означающий угодье, место (в реке или озере), где можно забросить невод. Этот термин очень широко употреблялся в древнерусских памятниках, наряду с такими терминами, как *ловища* и *бобровые гоны*. *Ловища* — места, лесные угодья, где можно производить охоту (лов), *бобровые гоны* — места обитания бобров, где их можно добывать, а *тоня* — рыболовное угодье, где можно забросить и вытянуть невод. Естественно, такие места должны быть достаточно глубокими, свободными от завалов, значительными по размерам и т. д. Признак глубины здесь не единственный и не определяющий, глубокие места в маленьких реках никогда *тоней* не называются. Итак, рассмотрим более внимательно значение слова *тоня* в русском языке. Во-первых, это ʽсеть': *тонь* ʽставная сеть в устье Печоры', эти сети бывают морские в несколько верст длины [7], *тóневья* ʽсети' (олон.) [8]; *тóня* ʽсама сеть и место захвата сетью': «В р'áс'е *тан'ý* заложы́л'и» (псков.)[9].

Во-вторых, *тоня* это ʽодна протяжка невода': укр. *тóня* ʽразовый прогон (протяжка) рыболовной сети, невода' (полесс.) [10]; «ад'и́н рас зaјéхал'и н'éвадам — называ́јецца *тан'á*» (псков.) [11], *тонь, тоня́* — ʽодна закидка невода' (обск.) [12]; ʽодин залов, одна закидка, одна тяга невода': «В иную *тоню* воз вытащишь, в иную ничего» [13]; «. . . тягнули, государь, 5 *тонь*» [14]; «Он третью *тоню* закинул, тут попала ему колода» [15]; «А закиньте три *тони* во Ильмень во озири» [16]. *Стянуть тоню* — «*ст'ану́ть тан'ý* јéта забрóс'ит' с'éт' и вы́брат' јејó» (псков.) [17].

В-третьих, *тоня* это ʽпространство, которое охватывает невод'. «*Тоня*: например, озеро, это сколько невод захватывает — всё *тоня*; одна *тоня*, две *тони*» [18].

Эти же значения дают производные: *затони́ть* ʽзабросить тони, невод' (псков.), *перетони́ть* ʽокинуть тонею, неводом'

---

[6] Miklosich, стр. 358; Brückner, стр. 573; Фасмер IV, стр. 77. — Мысль о том, что слав. *ton'a* восходит к и.-е. **ten-* ʽтянуть' была уже высказана Зубатым: J. Zubatý. Slavische Etymologien. — AfslPh, XVI, 1894, стр. 415. — Эта этимология не противоречит наличию праслав. **topn'a*, **topnь* ʽболото, топь, торфяная почва', ʽутопленник'.
[7] Подвысоцкий, стр. 173.
[8] Куликовский, стр. 119.
[9] Картотека Псковского областного словаря
[10] «Полесье», стр. 173.
[11] Картотека Псковского областного словаря.
[12] Словарь Оби, 3, стр. 186.
[13] Даль [3] IV, стлб. 794.
[14] Переписка Безобразова (1687 г.) «Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия». М., 1965, стр. 47.
[15] Архангельские былины, т. III, стр. 141.
[16] Онежские былины, стр. 386.
[17] Картотека Псковского областного словаря.
[18] Словарь Оби, 3, стр. 186.

(псков.) [19]; *отóнить* 'забрать неводом' (калин.) [20]; *вы́тон* 'улов рыбы при одном забрасывании невода' (урал.) [21]; ср. польск. *tonia* 'ilość ryb jednorazowo złowiona' [22].

От значения 'одна закидка невода', 'пространство, которое охватывает невод' развивается производное значение 'место, где можно закинуть невод'='рыболовное угодье'. Ср. *тóня* 'место лова (в море)' (арх.) [23]; *тóневья* 'места, где ловят рыбу неводом' (олон.) [24]; *тоня* 'рыбная ловля, место, где ловят рыбу'; «рыбная ловля, неводное рыболовное заведение и самое место это». Абсолютно то же значение мы имеем и в польск. *tonia*, *toń*.

Итак, рассматривая совокупность значений слова *тоня*, мы вынуждены признать, что значение 'сеть', несмотря на свою древность, по-видимому, не первично, в слове отчетливо видно присутствие значения 'тяга'. Ср. «*тон'á* — м'éсто *обт'áнут* и *т'áнут* на вы́кат» (псков.), польск. *tonie* 'otwory w łodzie przez które niewód ciągną'. Прекрасной аналогией может служить древнерусский термин *волок* 'невод', слово, где этимон отчетливо ощутим: «А рыбу ловят. . . во все лѣто ловятъ малымъ частымъ неводомъ, и сѣтми, и переметы, и удами, а зимѣ *волоки* и норотами и вершами» (Псков. п. кн. 103, 1587 г.); «В Дорогобужѣ на Вордыцѣ прудъ *волочили*, дано от невода и отъ *волоченья* четыре алтына» (Кн. расх. Болд. мон. 304, 1586 г.); «Рѣки, затоны наши *волочать* и дерево бортное казятъ, и пчелы дерутъ, и береги бобровые гонятъ» (Польск. д. I. 268, 1498 г.) [25].

Отсутствие для слова *тоня* производящей глагольной основы затемняет его этимологию, но семантика его все же позволяет выделить первичный признак. См. прекрасный пример из псковских говоров: *тоня́* 'участок леса', «*тан'á* — ад'и́н учáстак л'éса/так мы́/ахóтн'ик'и/называ́јем / ф такој-та *тан'é* абајденó стóлката вóлкаф» [26]. Не исключено, что первоначально это был участок леса, охватываемый сетями, тенетами.

Ср. еще др.-польск. *wątoń* 'вид сети', кашуб. *vǫton* то же из праслав. **ǫtonъ* [27].

Совершенно оригинальным представляется блр. диал. *тонь* 'движение, ход, ритм': «Йаны́ зламáл'и нам ус'óй прáцы *тóн'*, н'и прышл'и́ гр'епс'ц'и́ с'éна» (гродн.) [28].

Обозначение движения (равномерного) от глагольной основы в значении 'тянуть' представляется закономерным. Ср. русск.

---

[19] Дополнение к Опыту, стр. 179.
[20] Калининский словарь, стр. 167.
[21] Словарь русских говоров Ср. Урала, I, стр. 106.
[22] Варшавский словарь, т. VII, стр. 79.
[23] Подвысоцкий, стр. 173.
[24] Куликовский, стр. 119.
[25] Картотека ДРС.
[26] Картотека Псковского областного словаря.
[27] W. Boryś. Prefiksacja imienna w językach słowiańskich. Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk, 1975, стр. 155.
[28] Сцяшковіч, стр. 498.

потянуть о движущемся предмете: направиться, тронуться в известном направлении. «Ветерок *потянул*»; «птица *потянула*» и т. д.

Тяга 'направление морского течения' (помор.), 'движение воздуха', укр. *тяг* то же.

Для *тонь* 'движение, ход' мы можем установить и глагольную основу: *тять* 'идти': «*Тял* у край» — пошел в лес [29]. В украинском языке глагол *стенатися*=*стинатися* употребляется в значении 'броситься, рвануться (начать движение)': «*Стенулась* от його бігти» и 'колебаться, шевелиться': «Молода йде із дружками і не *стенеться*! Jде, як пава пливе» [30], т. е. «не шелохнется».

Любопытны параллели за пределами славянских языков, ср. лат. *tenor* 'равномерное движение', др.-ирл. *tēit* 'идет' < **tenti* (старый корневой аорист).

Сербохорватский язык развивает в принципе ту же модель, но в специфическом значении 'запах', 'пахнуть'. С.-хорв. *тȍњати* 'пахнуть', производное от имени *тȍњ* 'запах'. Значение 'запах' обычно производно от значения 'движение воздуха', ср. болг. *дъхам* 'пахнуть', 'дышать', русск. *дух* 'запах', *пахнуть* и др.

В словенском и сербохорватском это слово (с.-хорв. *тоња*, словен. *tǫ̂nja*) означает еще 'влажный пар, туман, роса, которые портят посевы, памха'. Это значение также может быть произведено от значения 'движение воздуха', ср. лит. *dū̃lis* 'туман, пар', восходящее к и.-е. **dhŭ̄-* 'дуть' [31].

В новгородских и череповецких говорах зафиксирован глагол *затóнить* 'заволакивать небо (о тучах)': «*затóнило* все небо» (череп.); *затоня́ло* — так говорят, когда небо заволокут тучи (новгор.) [32].

Перед нами отыменной глагол. Ср. формально и семантически аналогичные отношения: *хмара* 'туча' → *захмарить*, *нахмарить* 'затянуть тучами', *тýча* → *тýчиться*, *натучиваться*, *облако* → *заоболочать* 'покрываться облаками, тучами', *мóрок* 'туча' → *морочáть* 'затягиваться тучами'. Исходя из этой схемы мы вправе реконструировать несохранившееся ***тоня* 'туча' → *затóнить* 'затягивать тучами'.

Это архаичное имя структурно соотносится с глаголом *застенáть* 'затягивать (о тучах)', отмеченном в тех же новгородских говорах: «Туча *застенájот* н'ébo» (новгор.) [33].

Два новгородских диалектизма отражают архаичные отношения основ **ten-*/**ton-*, представленных в системе глагол → имя: *(sъ)tinati*/*(sъ)tęti* 'стягивать' → ***ton'a* 'туча'.

---

[29] Д а л ь [3] III, стлб. 944.

[30] Г р и н ч е н к о IV, стр. 202.

[31] Попович предлагает связать с.-хорв. *тȍњ* с русск. *твань*, он же говорит о возможном влиянии слова *вȍњ*. (И. П о п о в и ћ. Неколико прилога речнику нашег језика. «Наш језик» II, 1951, стр. 219).

[32] Г е р а с и м о в, стр. 41; Картотека Новгородского ГПИ.

[33] Картотека Новгородского ГПИ.

Семантическая модель ʽтянуть, стягивать, затягивать, обтягиватьʼ → ʽоблако, тучаʼ отражена в многочисленных примерах в славянских языках. Ср. отношения праслав. *obvelkti ʽобтянутьʼ > *obvolko ʽоблакоʼ; употребление глаголов *натя́гивать* (о небе) ʽзаволакивать облаками, пасмурнетьʼ (арх.) [34]; «тучи *затянули* небо» (лит.), *заволакивать* в том же значении; «Н'óба *абала́к'иват*, граза́ бу́д'ит» (псков.) [35] и производные *на́волока* ʽоблачность, облакаʼ (ряз.) [36]; *по́волочь* ʽпасмурная погодаʼ (псков. твер. осташ.) [37]. На неславянском уровне отношения др.-исл. *skȳ* ʽоблакоʼ к и.-е. **skeu-* ʽпокрыватьʼ [38].

Помимо описанных выше, мы имеем еще одно любопытное соответствие: сербохорватское и белорусское литературное *sǫtonъ* ʽсумеркиʼ: с.-хорв. *су̑тон* м. ʽсумерки, сумракʼ, *усу̑тонити се* ʽсмеркнуться, завечеретьʼ [39], блр. *суто́нне* ʽсумеркиʼ, *суто́нець* ʽсмеркатьсяʼ, диал. *суто́нак* ʽсумеркиʼ (гродн.) [40]; *сутыніты* ʽначинать светатьʼ (полесск.).

Одновременно в украинских говорах существует слово *суто́н* ʽтоненькая льдина на реке во время осенних заморозковʼ [41]. Это имя соотносится с глаголом **sъtęti sę* ʽзамерзнуть, превратиться в лед (о воде)ʼ. Ср. блр. диал. «Вада *с'ц'а́лас'а* на раце́. . .»

Мы наблюдаем уже на индоевропейском уровне переход от значения ʽтянуть, натягиватьʼ к значению ʽстягивать, сплачивать, сгущатьʼ (о молоке, воде, воздухе). Эти значения представлены в большинстве индоевропейских языков продолжениями и.-е. *ten-k-* [42], в славянских же языках мы наблюдаем развитие этих значений на базе чистой основы. Ср. с.-хорв. *тоња*, словен. *tǫnja* ʽвлажный парʼ, ʽтуманʼ, русск. ***тоня* ʽтучаʼ, укр. *суто́н* ʽтонкая льдинаʼ и семантику слабо представленного глагола **sъtęti* ʽстягивать, сгущатьʼ, ʽзамерзатьʼ. Значение ʽсмеркатьсяʼ у глагола не сохранилось, но образование **sǫtonъ* ʽсумеркиʼ по этой же модели представляется вполне логичным. Названия сумерек в славянских языках образуются по двум основным моделям: ʽтемнетьʼ→ʽсумеркиʼ и ʽсоединение, стык, уголʼ→ʽсумеркиʼ. Ср. *су́мерки*, *су́мерек*

---

34 П о д в ы с о ц к и й, стр. 99.
35 Картотека Псковского областного словаря.
36 Деулинский словарь, стр. 310.
37 Дополнение к Опыту, стр. 185.
38 Я не останавливаюсь здесь на общеслав. **tǫča*, которое большинство этимологов относит к и.-е. **ten-* ʽтянутьʼ, ʽстягивать, сгущатьʼ с расширителем *-k-* (Ф а с м е р IV, стр. 129; P o k o r n y, стр. 1068). Сложная семантика слав. **tǫča* (ʽгрозаʼ, ʽгрозовое облакоʼ, ʽтучаʼ, ʽградʼ, ʽливеньʼ, ʽрадугаʼ), отношения этого слова с глагольной основой **tęk-*, другие продолжения и.-е. **tenk-* в славянских языках — все это заслуживает самостоятельного исследования и не входит в задачи данной статьи.
39 Миклошич выделяет в слове префикс *sǫ-*; Скок связывает это слово с глаголом **topiti* (S k o k III, стр. 482).
40 Белорусско-русский словарь. М., 1962, стр. 902; С ц я ш к о в і ч, стр. 481.
41 П. С. Л и с е н к о. Словник поліських говорів. Київ, 1974, стр. 208.
42 P o k o r n y, стр. 1068.

и *су́морок*, *тёмни*, *при́темни*, *су́темни*, блр. *за́цемкі*, чеш. *soumrak* и мн. др. Вторая модель *суты́чки* 'сумерки' (нижег.)[43] при *су́тки* 'угол (в избе)'; *сути́ски* 'сумерки' (тул.)[44]. Слово *сутóн* 'сумерки' образовано по второй модели, причем глагольная основа отражает переход значений 'стягивать'→'сгущать'. Ср. при русск. *сути́ски* 'сумерки' с.-хорв. *сти̏скати се* 'сгущаться, свертываться (о молоке)'.

Отóнка, *отóнок* 'пленка в организме животного и человека': «*Атóнк'и* óкълъ к'ишóк» (ряз.) [45]; *отóнок* 'пленка, тонкая оболочка': «Ицо снясла курицъ в *атóнки*, скарлупки нет, адин *атóнък*, плёнъчкъ такая тониньктъя» (моск.) [46]; *отонок* 'плева, перепонка' (курск.) [47]; *потóнок*, *потóнка* 'пленка', в частности, 'барабанная перепонка': «У н'ийó в ух'é *патóнак* прарват» (ряз.) [48].

Эти слова были проэтимологизированы Ж. Ж. Варбот, она относит их к гнезду глагола **tęti* 'рубить', **obtonъkъ*, **potonъkъ* 'то, что отрубается, отделяется' [49]. Такая этимология не вызывает возражений. В названиях пленки значительное число наименований образовано от глагольных основ со значением 'драть, сдирать, отделять'; ср. *скалка*, *скорлупа*, *шелуха*, *пленка* и т. д.[50] Но следует обратить внимание на то, что во всех рассмотренных случаях речь идет о зернах, овощах, орехах, рыбе и т. п., с которых сдирается, счищается скорлупа, чешуя и пр., а слово *отонок* употребляется главным образом для обозначения пленки в организме человека и животного. Прямую аналогию представляет слово *перепонка*, ср. *барабанная перепонка*, *перепонка* на крыльях летучих мышей и т. д. Слово *перепонка* соотносится с основой глагола *пяти* 'тянуть, растягивать'. Ср. *пáпонка* 'пленка, покрывающая яйцо', 'перепонка (барабанная)', 'пленка в мясе' (псков.); «С'агóдн'а *пáпанак* н'éт / бóл'ша пр'амóва м'áса и хруш'ш'óф н'éт» (псков.); *пáпонка* 'бельмо': «*пáпанкам'и* зат'ану́ла глас. . .» (псков.) [51]; «И штó за м'áсъ, адн'и́ *папóны*. . .» (моск.) [52]. Ср. еще укр. *папóнка* 'барабанная перепонка' [53], с.-хорв. *опна* 'пленка на яйце'. Ср. аналогичное *пáволока* 'бельмо' (смол.) от **velkti* 'тянуть'. Имея полный семантический параллелизм таких образований, как **papona*, **pergopa*, **obpъna* и **obtonъkъ*,

---

[43] Опыт, стр. 222.
[44] Труды МДК — РФВ, LIX, стр. 306.
[45] Деулинский словарь, стр. 379.
[46] Иванова. Подмоск., стр. 327.
[47] Дополнение к Опыту, стр. 168.
[48] Деулинский словарь, стр. 449.
[49] Ж. Ж. Варбот. К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен I. — «Этимология. 1971». М., 1973, стр. 15—16.
[50] Подробный анализ этой модели см.: И. П. Петлева. Этимологические заметки по славянской лексике I. «Этимология 1972». М., 1974, стр. 81—90.
[51] Картотека Псковского областного словаря.
[52] Слово записано мною в Москве.
[53] П. С. Лисенко. Словник поліських говорів, стр. 151.

**potonъkъ*, мы вправе предположить, что и в основе последних лежит корень со значением 'тянуть' → 'затягивать, обтягивать'. Наличие укр. *барабанна перетúнка* [54], образованного от того же корня, как нам кажется, подтверждает нашу этимологию. Ср. еще с.-хорв. *тёна* 'пленка на яйце'. В качестве и.-е. соответствий можно привести норв. *tinder*, дат. *tan* 'диафрагма', производных от корня **ten-* 'тянуть' [55].

Слово *растóн*, отмеченное в псковских говорах [56], является профессиональным термином, означая расстояние между двумя прорубями при зимнем лове рыбы. Это практически растяжка невода в ширину. Слово продолжает праформу **orztonъ*.

Болг. диал. *натоница* 'нахальный, навязчивый человек' [57] можно сопоставить с русск. диал. *натя́ться* 'навязаться' (твер.) [58].

Итак, мы имеем значительное число образований в славянских языках, представляющих *о*-огласовку корня **ten-* 'тянуть', 'плести'. Это, в первую очередь, **ton'a*/**tonь* 'веревка', 'тяга' → 'сеть', 'место ловли', 'движение', 'запах', 'туман', 'туча'; **ǫtonъ* 'сеть'. Производные **zatoniti*, *potonъkъ*, *obtonъkъ*, *orztonъ*, *natonica*, *sǫtonъ*. Соответствующая глагольная основа представлена очень слабо.

Образований с *е*-вокализмом корня несколько меньше. Во-первых, это общеславянское и праслав. **teneto*, обычно употребляемое во множественном числе. Слово упоминается во всех этимологических словарях, поэтому я хотела бы сказать лишь о некоторых деталях его семантики. Определяющим и основным значением слова **teneto* является 'сеть (ловчая)', 'сеть (рыболовная)' и 'паутина' (='сеть'). Но, кроме того, по говорам слово *teneto* обозначает еще нить, жилку, завязку (у лаптей) (новг., псков., твер.) [59], ср. *тонька* 'веревочка, которой завязывают лапти'; *тенóта* 'плесень', 'ряска в воде' (калин.) [60], 'то, что затягивает поверхность'. Особенно интересен производный глагол **tenetiti sę*, он значит 'скупиться' ← 'жаться, стягиваться' [61] и 'сгущаться, покрываться льдом', ср. блр. *зацiняцiцца* 'покрыться прозрачною коркою': «Лёд чуць-чуць *зацiняцiўся*» [62], ср. *сутóн* 'тоненькая корочка льда'.

---

[54] Українсько-російський словник, т. III. Київ, 1961, стр. 319.
[55] H. S. Falk und Alf. Torp. Norwegisch-Dänisches etymologisches Wörterbuch, II, стр. 1263.
[56] Картотека Псковского областного словаря.
[57] Известия на Семинара по славянска филология, VII, стр. 65.
[58] Опыт, стр. 125.
[59] Даль[3] IV, стр. 746.
[60] Калининский словарь, стр. 261.
[61] См. подробный анализ семантических моделей слов со значением 'скупой': И. П. Петлева. О семантических истоках слов со значением 'скупой' в русском языке. «Этимология. 1970». М., 1972, стр. 207—216.
[62] Каськпяровiч, стр. 126.

Любопытно образование *тень* 'паутина' (калин.) [63], наряду с *тенето*, и *тень* 'ряска' (псков.) [64], что продолжает, по-видимому, праслав. **tenь*. С.-хорв. *тȇна* 'пленка яйца' из праслав. **tena*.

Русск. диал. *стень* 'ледяное сало' (новг., петерб., олон.) проэтимологизировано Т. В. Горячевой [65], но реконструкция этого слова мне представляется иной. Наличие женского рода позволяет нам реконструировать **sъtenь*, *-i*, ж. Семантический параллелизм представлен в укр. диал. **sǫtonъ*. Производящая глагольная основа представлена в блр. *сцяцца*, *сцінáцца* 'покрываться слоем льда, замерзать'. См. «Мароз вялікый: вада у вядры у сенцых пычыла *сьцінáцца*»; «Вада *с'ц'áлас'а* на рацé. . .» [66]

Е-вокализм корня в позиции перед согласным, что в славянских языках отражено в виде *ę*, представлен двумя лексемами: **tętiva* и **sъtętixa*. Слово **tętiva* упоминается во всех этимологических словарях. Часть авторов соотносит эту лексему непосредственно с и.-е. корнем **ten-* 'плести, тянуть' и реконструирует **tętiva* (Траутман, Мейе, Педерсен), другие производят **tętiva* < **tętiva*, сравнивая с лит. *tem̃pti* 'тянуть' (Горяев, Фасмер), но производящий и.-е. корень остается тот же.

Несколько слов о семантике слова *тетива*. Оно обозначает обычно туго натянутую веревку, струну или жилу. В части говоров 'шнурок, веревка': см. *тетивка* 'бельевая веревка' [67], 'шнурок, завязка' (новг., твер.) [68]; польск. устар. *cięciwa* 'шнур, нить'. Ср. в том же значении *тóнька* и *тенето*. На значительной территории *тетивой* называется ботва корнеплодных растений; польский, белорусский языки и примыкающие к белорусскому говоры русского языка: польск. *cięciwo*, блр. *цеціва*, диал. *цяціўе* 'ботва' [69], русск. *тетиво* 'ботва' (смол.) [70], 'стебли огурцов и картофеля' (калин.) [71]; ср. аналогичное обозначение ботвы — *плети*. Не исключено, что *тина* 'ботва' может быть возведена к тому же корню. Соответствия этимологические др.-в.-нем. *dona*, др.-сакс. *thona* 'ветвь, усик (растения)', восходящие к и.-е. **ten-* 'тянуть, плести'.

Тетивой называют веревку, окаймляющую сверху и снизу рыболовную сеть, и веревку, которой обшивают края паруса (арх.) [72]. Ср. др.-исл. *þinull* 'канат, который стягивает сеть', восходящее к тому же корню.

---

63 Калининский словарь, стр. 261.
64 Картотека Псковского областного словаря.
65 Т. В. Горячева. К этимологии русск. диал. *стень* 'ледяное сало'. «Этимология. 1973». М., 1975, стр. 95—98.
66 Бялькевіч, стр. 435; Сцяшковіч, стр. 485.
67 Картотека Псковского областного словаря.
68 Даль³ IV, стр. 761; Дополнение к Опыту, стр. 267.
69 Бялькевіч, стр. 480, 482; Сцяшковіч, стр. 544.
70 Добровольский, стр. 907.
71 Калининский словарь, стр. 261.
72 Подвысоцкий, стр. 172.

Русск. диал. *стятиха* 'простокваша (твер., яросл., моск.)[73] проэтимологизировано Т. В. Горячевой[74].

Связь с основой *-ten-* 'тянуть' > 'стягиваться, сгущаться' представляется убедительной. Ср. лит. *tenẽti* 'свертываться (о молоке)', 'сгущаться' и приводимые выше близкие семантические образования: *сутон*, *стень*.

Формально это слово интересно тем, что, как и **tętiva*, содержит элемент *-t-* перед суффиксом.

Основа в ступени редукции отражена в общеслав. **tьnъkъjь*. С достаточной степенью условности эту основу можно реконструировать в белорусском *нацянькі* м. мн. 'напрямик'. Слово отмечено как в литературном языке, так и в говорах (гродн., могил., витебск.), зафиксирована форма и без префикса: *цянькі* м. мн. 'прямики', «Міхал здалёк пайшоў *цянькамі*»[75]. Перед нами наречие, образованное от мн. ч. существительного. Реконструкция слова может быть многообразной, поскольку блр. *я* в предударном слоге продолжает праслав. **е*, **ě* и **ь*, но форме м. рода заставляет нас предпочесть реконструкцию **tьnь*, **tьnьkъ*, по типу **рьnь*. Эволюцию значения представить трудно, возможно этимон содержится в представлении о натянутой веревке, которая дает прямую в отличие от окольного, кружного пути. Ср. греч. ἀτενής 'туго натянутый' → 'прямолинейный, прямой', образование от того же и.-е. **ten-* 'тянуть'; одно из значений лат. *teneo*, *-ēre* 'держать, направлять путь'. Но это лишь одно из возможных решений.

Ступень продления редукции отражена в трех именных образованиях. В псковских говорах записано оригинальное слово *тина́* 'струна в музыкальном инструменте'[76]. Эта лексема не имеет соответствий в славянской лексике, не отмечена в словарях. Но ср. греч. τόνος 'натянутая струна', др.-ирл. *tét* 'струна', кимр. *tant* то же, что говорит об архаичности семантики русского диалектного слова. Формально слово *тина́* образовано от основы глагола **tęti*, **tinati* по типу **dira* от **derti*, **dirati*. Соответствием за пределами славянских может служить лтш. *tina* 'сеть'.

Др.-русск. слово *тинь* 'ремень, плеть': «Повелѣ распѧти его. . . и *тинми* бити его пролежьнѣ по вьсемоу тѣлоу» (Жит. Кондр. XI в.)[77]. Фасмер относит слово *тинь* к глаголу *тяти* 'рубить'[78], предполагая, по-видимому, отношение типа *бить — бич*. Но есть основания связать древнерусское *тинь* с основой в значении

---

[73] Опыт, стр. 215; 219; Мельниченко, стр. 193; Иванова. Подмоск., стр. 497.

[74] Т. В. Горячева. К этимологии русск. диал. *стень* 'ледяное сало'. «Этимология. 1973», стр. 97.

[75] Касьпяровіч, стр. 204; Байкоў-Некрашэвіч, стр. 341, 189; Бялькевіч, стр. 252; Сцяшковіч, стр. 311.

[76] Картотека Псковского областного словаря.

[77] Срезневский III, стлб. 960.

[78] Фасмер IV, стр. 59—60.

'плести'. Ср. *плести* → *плеть*. Ср. еще др.-русск. *тѧго* 'ремень' (Пар. 1271 г. и 1360 г. Ис. V. 18) [79].

Ти́нкий 'настойчивый, упорный в работе, неутомимый, выносливый' (яросл.) [80]. Прилагательное с суффиксом *-к-*, значение которого может быть определено как 'имеющий склонность или способность к проявлению какого-л. качества' (ср. *видкий*, *болький*, *резкий*, *зоркий* и др.). Значение основы реконструировать трудно. Аналогией может служить прилагательное *вязкий* (об охотничьей собаке) 'упорно преследующий дичь', соотносимое с глаголом *вязать*. Ср. еще *оплётистый* 'быстрый, расторопный, ловкий' (моск.) [81].

Итак, мы наблюдаем в славянских языках значительное число именных образований (двадцать лексем), которые этимологически восходят к и.-е. **ten-* 'тянуть, плести'. На праславянском уровне они могут быть представлены следующим образом:

***tęti* 'тянуть' → *ton'a*, *tonь* 'натянутая веревка'; 'тяга' → 'сеть'; 'запах'; *ǫtonъ* 'сеть'; *tina* 'натянутая струна'; *tętiva* 'натянутая веревка, жила и пр.'; *teneto* 'сеть', *tenь* 'паутина', *tena* 'пленка', **tьnь* 'натянутая веревка' → 'прямая'.

Производные от приставочных форм **obtonъkъ*, **potonъkъ* 'натянутая пленка, перепонка', **orztonъ* 'растяжка', **pertinъka* 'перепонка'.

**tęti* 'идти' (← 'тянуть') → *tonь* 'движение, ход';

sъtęti sę* 'стягиваться' → 'сгущаться, сплачиваться' → *ton'a* 'туча', **ton'a* 'туман', 'памха', **sǫtonъ* 'сумерки', **sǫtonъ*, **sъtenь* 'ледяное сало', **sъtętixa* 'простокваша'.

**tęti* 'вязать', перен. 'привязываться, быть упорным' → **natonica* 'навязчивый человек', **tinъkъjь* 'упорный'.

Для некоторых из этих имен мы можем говорить о значительной древности образования, т. к. формально и семантически они имеют индоевропейские соответствия (слав. **ton'a*, **tonь* — греч. τόνος, др.-инд. *tāna-* m., ср.-в.-нем. *done*, *don*, нов.-в.-нем. *Dohne*, швед. *tana*, дат. *tan*; слав. *tina* — лтш. *tina*).

Что касается производящей глагольной основы, то вторичные от 'тянуть' значения 'идти', 'стягиваться, сгущаться, сплачиваться' и 'привязываться' богато представлены как в памятниках, так и в современных языках *сътѧтисѧ* 'сгуститься, сплотиться': «Что бѡ еда первѣе ч҃лкъ роженъ еси или пръвїе хлъмъ *стѧлсѧ* еси» (πρὸ υινῶν ἐπάγης) (Иов. XI. 7. Библ. 1499 г.); «Ꙗко^ж ды^м ѿ древа и ѿ огня изыиде^т рѣдокь и слабь, таче ꙗко на высость възыиде^т аки *ѡблакь ся сътенъ* и оудебели^т, тако и во^д ное е^с ство и ро^д Б҃ъ възвысивъ *сътя* и удебели. Акы ледъ бяше н҃бо водами *сътялося*. . .» (Ио. екз. Шест.); «Теплостїю ѡгнѧ *стинаетсѧ* плоть» (Дуб. сб. XVI в.); «. . .и *сътꙗсꙗ* ѿ чистыихъ и несквьрныихъ

---

[79] Срезневский III, стлб. 1098.
[80] Мельниченко, стр. 200.
[81] Иванова. Подмоск., стр. 318.

е҆ оутробы плъть въ д҃шевьноую д҃шю мъсльноу и разоумьноу» (Ио. екз. Бог., 231)[82].

Значение 'жать, сжимать', 'сгущаться' отмечено в польском, украинском, белорусском, русском и словенском языках. Ср. такие формы, как словен. *stéti se* 'свернуться (о крови)' [83], польск. *ścięta krew*, укр. *стяти зуби* и параллельное с.-хорв. *стéгнути зубе* 'стиснуть зубы'.

Что касается семантики рассмотренных выше слов, то мы имеем полное семантическое наложение на производные от и.-е. **ten-* в других индоевропейских языках. К индоевропейской эпохе можно отнести такие значения, как 'веревка', 'струна', 'сеть', 'сгущаться, стягиваться'.

Наряду с глаголом **tęti* 'сгущаться' мы имеем в славянских языках глагол **tęti* 'рубить, бить', представленный очень широко и давший большое число производных: *zatęti*, *potęti*, *sъtęti*, *utęti* и производные *zatinъ*, *zatonъ*, *natonъ*, *patonъ*, *pritinъ*, *pritonъ*, *obtinъkъ*, *sъtinъkъ*, *sъtonъ*, *tonь*, *tonъ*, *utinъ*, *utonъ* и др. Я не буду на них останавливаться подробно, поскольку этот материал общеизвестен.

Обычно глагол **tęti* 'рубить' сравнивают с лит. *tìnti* 'отбивать косу', а далее возводят к и.-е. **tem-* 'резать, рубить', выводя **tĭn-* < *tĭmn- [84].

Правда, по поводу лит. *tìnti* высказывались некоторые сомнения. Так, Фасмер предполагает, что этот глагол можно считать звукоподражательным. Френкель (вслед за Скарджюсом и Лескиным) считает, что нельзя отрывать друг от друга *tìnti* 'пухнуть' и *tìnti* 'отбивать косу' [85]. И действительно, на фоне богато представленных в литовском продолжений и.-е. **ten-* 'тянуть, плести' (*tãnas*, *sutanioti*, *tandus*, *tem̃pti*, *tę̃sti*, *tę̃vas*, *tenė́ti*, *tìgti*, *tiñklas*, *tìnti* 'пухнуть'), глагол *tìnti* 'отбивать косу' оказывается изолированным.

Что касается формальной стороны, то Махек считает невозможным выведение **tęti* из **tĭmn-* и предлагает реконструировать два и.-е. корня со значением 'резать, рубить' **temə-* и **tenə-*, последний для славянского материала и балт. *tìnti* [86].

Мне представляется возможным иное решение. Наличие в славянских языках двух параллельных глаголов **tęti* *'тянуть', 'идти', 'сгущаться, сплачиваться' и **tęti* 'рубить' позволяет сделать предположение об их общем происхождении.

Продуктивность глагола **tęti* 'рубить', четкий ареал распространения, ясность семантики и реальное отсутствие индоевро-

---

[82] Срезневский III, стлб. 858, 843.

[83] Несколько иначе о словенском слове см.: Ф. Безлай. Опыт работы над словенским этимологическим словарем. — ВЯ, 1967, № 4, стр. 49.

[84] Фасмер IV, стр. 66; Pokorny, стр. 1062—1063; Brückner, стр. 60; Sławski I, стр. 98.

[85] Fraenkel, стр. 1099.

[86] Machek², стр. 644.

пейских соответствий — все это говорит о его позднем происхождении. Речь идет не о самом глаголе, а о том, что его семантика вторична и возникла уже на собственно славянской почве [87].

Для глагола **teti* мы обнаруживаем параллель в таких формах, как **pęti/pinati*, где на базе 'тянуть, растягивать' образуется в рамках того же глагола значение 'толкать, бить'. Примером возможности совмещения значений 'тянуть' и 'бить' может служить действие стрельбы из лука: тетива натягивается на длину стрелы и отпускается, резкий толчок тетивы придает движение стреле, стрела летит и поражает (бьет) цель. Ср., например: «И один, с города *потянув стрелою, удари* в горло» [88].

Многочисленные примеры показывают, что глагол **tęti* значил первоначально 'ударить', а потом уже 'рубить'. Ср. блр. *выцяць* 'ударить', «Хлопчык *выцяў* кіем сыбаку»; *адцінаць* 'отпихнуть', укр. *вйтнуть* 'ударить': «Йун вы́тнуу рукóйу па сталу»; укр. *утя́ти* 'нанести удар, попасть выстрелом'. Значение 'ударять, бить', по-видимому, было затем конкретизировано 'ударять (мечом, топором)'='рубить'.

Таким образом, остаточность, разнообразие и разбросанность лексем, продолжающих значение 'тянуть,' 'плести', служат доказательством их архаичности, а компактность и актуальность значений 'рубить' говорит об их инновационном характере.

---

[87] О синкретизме значений 'драть, раздирать', 'плести' см.: О. Н. Трубачев. Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966, стр. 246.

[88] Даль³ III, стлб. 945.

Х. Шустер-Шевц

В.-ЛУЖ. *WJERA, WJERBABA* 'BUSCHWEIB, ВЕДЬМА' — НЕИССЛЕДОВАННЫЙ СЛАВЯНСКИЙ ЛЕКСИЧЕСКИЙ АРХАИЗМ

В своей статье «К славянскому названию бабушки» (ZfSl VI, 4, стр. 574—78) я указывал, что в.-луж. *wowa*, *wowka* 'avia' — древняя индоевропейская лексема для названия бабушки (первонач. старая женщина матриархального рода). Теперь я хотел бы обратить внимание на в.-луж. *wjera* и *wjerbaba* 'Buschweib, ведьма' как на другой пример, относящийся к архаической индоевропейской лексике, который в этом облике содержится только в верхнелужицком. Однако это название мифического существа, в отличие от *wowka*, все же не относится к собственно апеллативной лексике. Соответствующая статья в словаре Пфуля гласит: «Wjera, y. z., gew. stara wjera (wěŕbaba), 'eine kinderfressende Alte, die in einem Pfefferkuchehäuschen wohnte', *-iny*, *-a*, *-e* 'ihr gehörig', *dyp*, *dyp* do stareje wjerineje khěžki! SP II, 73; auch *wup*, *wup* stareje wjerinu khěžku!, im Hexenliede: *šury*, *šury* po stareje Wjerbinych khošćach! 'schlürfe, schlürfe auf dem Besen der alten W.'!»[1] Под особым заглавным словом *wěŕbaba* Пфуль делает помету «*k wěr*, *př*. v. *Wjer*-a; *baba*, из чего следует, что он думал сопоставить слово с *wěrić* 'верить'. Но *ě* здесь должно быть скорее вторичным, оно здесь обусловлено следующим *r*, ср. аналогично в в.-луж. такие диалектные формы, как *wěrba*, *wyrba* $\leqslant$ *wjerba* 'верба', или *čěr*, *čyr* $\leqslant$ *čerẃ* 'червь'. Ян Арношт Смолер[2] отмечал: «Wieŕbaba, y f. Tuta žónska słuŕa najskerje do stareje serbskeje mytologije. Praji so: «To je žónska kaž wjeŕbaba», «Ty wjeŕbaba» (=Это существо женского пола, вероятно, относится к древней лужицкой мифологии. Говорят: Эта женщина как «*wjeŕbaba*», 'Ты — *wjeŕbaba*'). В старых источниках это слово до сих пор не отмечено. А. Черный отмечает все же в одном из опубликованных им в ČMS источнике «Mythiske bytosće łužiskich Serbow», что оно уже употребляется в рукописной «Historia populi et rituum Lusatiae Superioris» (18 в.). В разделе под *wjerba* (ČMS XIV, 113—15) он сравнивает в.-луж. слово со слав. *jagababa* и указывает на укр. *jehera*. Кроме того, могут быть повторены в сущности только факты, уже известные из словаря Пфуля. У Й. Краля[3] есть до-

---

[1] P f u h l, стр. 793.

[2] J. A. S m o l e r. Ćěmne korjenje a woteznate słowa w serbšćinje. — ČMS VIII, 1855, H. 1, стр. 58—64.

[3] J. K r a l. Serbsko-němski słownik hornjołužiskeje rěče. Budyšin, 1927.

полнительная информация: «. . .hdźež sej čert sam njewěri hić, tam wón stare *wjery* sćele» (. . .где сам черт не отважится, там он пошлет старую ведьму (*wjery*). Слово это хорошо известно и современному верхнелужицкому разговорному языку. Так же, как и *wowka*, оно совершенно отсутствует в нижнелужицком. Объяснение слова до сих пор не найдено. На основании изолированности его и узкой ограниченности в верхнелужицком, склоняются к мысли о том, что это прежде всего должно быть заимствование из немецкого. Но это не имеет под собой ни малейших оснований. Ни древневерхненемецкий, ни средневерхненемецкий (включая восточно-средненемецкий диалект) не знает лексемы, которая послужила бы основанием для постановки вопроса о подобном заимствовании. Здесь можно говорить только о старом исконном слове. Но его объяснение на славянской почве также трудно, так как отсутствуют непосредственные формальные точки соприкосновения.

Если же обратить внимание на то обстоятельство, что значения 'ведьма, старая баба, Buschweib' часто стоят в тесной связи с глаголами, которые означают 'колдовать, заговаривать', или 'заклинать' [4], то представляется целесообразным также и в данном случае искать возможную связь с такими и.-е. лексемами, которые родственны группе названных глаголов. Возможность связи представляется на основании корня **vьr-*, известного до сих пор только в восточно- и южнославянских языках в таких словах, как русск. *врать*, *вру* ($\leqslant$ **vьrati*, **vьrǫ*) с производными *враль* 'лгун' и *вра́ки* Pl. 'ложь', сюда же русск. *врач*, ст.-слав. врачь 'врач', болг. *врач* 'врач, колдун', *вралка* 'колдунья' [5], сербохорв. *vrâč* 'предсказатель, волхв' и словен. *vráč* 'врач'. В основе всех этих лексем лежит корень **u̯er-* 'торжественно говорить', в приведенных восточно- и южнославянских примерах — с редуцированным корневым вокализмом (**vьr-*). Формы с полным вокализмом представлены в греч. εἴρω 'говорю' ($\leqslant$ * Ϝερι̯ω), εἴρων 'тот, кто говорит что-либо, не подумав' ($\leqslant$*Ϝερι̯ων), хетт. *u̯erii̯a-* 'кричать' и в лтш. *vervelêt*, *-ēju* 'быстро, много и неразборчиво говорить' (редупликация **verve-*) [6]. Кажется, что можно сюда

---

[4] Ср. K. Moszyński. Kultura ludowa słowian. Bd. 1, стр. 231.

[5] БЕР, III, стр. 183.

[6] Ср. также Pokorny I, 1162. Далее сравни формы с первоначальным *o*-вокализмом — польск. *wróżbiarz*, *wróżbnik* 'предсказатель', слвц. *vražebník* 'колдун', ст.-слав. враженне 'предсказание, гадание', болг. *vraž(b)a* и, конечно, также русск. *вор* 'вор, хитрый, лживый человек, мошенник' (Фасмер I, стр. 350). О. Н. Трубачев (О. Н. Трубачев. О составе праславянского словаря (проблемы и задачи). Славянское языкознание. V Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. София, сентябрь 1963. М., 1963, стр. 187) относит сюда также н.-луж. *wawriś* 'болтать', диал. *bawriś* то же и реконструирует праслав. диал. **vavriti* < **va(r)-vr-*. Здесь все же можно говорить также о раннем образовании со звукоподражательным комплексом *u̯au̯* + (*r*), ср. сюда же, вероятно, укр. *ба́ба бу́рр* 'о ворковании голубей' (Želechowski Wb.), возможно, также польск.

также включить рассмотренное верхнелужицкое слово, причём *wjera* могла бы быть понята как непосредственная производная от корня *ā*-основа. В отношении образования ср. такие формы как **žena* 'жена', **sestra* 'сестра' и **baba* 'старая женщина, бабушка'. Семантическое развитие можно было бы представить следующим: 'лицо женского пола, произносящее заговоры' ⩾ 'волшебница, предсказательница' ⩾ 'мифическое существо (ведьма, Buschweib)'.

Особого внимания заслуживает наряду с *wjera* указанная форма *wjerbaba*. Здесь можно с уверенностью говорить о сложении, в котором вторым членом является апеллатив *baba* 'старая женщина'. Функция первой составной части (*wjer-*), напротив, не сразу отчетливо видна. Однако сравнение с существующими славянскими типами сложений показывает, что здесь совершенно явно идет речь только о старом сложении, в котором первый детерминирующий член первоначально был глагольным корнем (ср. примеры: польск. *wozipiwo*, *wiercipięta*, *kręciwąs*, русск. *вертихвост* и т. д.).

Можно реконструировать **wjeribaba* [7]. Выпадение *-i-* объясняется, как и в в.-луж. старом *palwaka* ⩽ *paliwaka* 'огненный дракон, дракон' (Pfuhl), типичным для верхнелужицкого сильным начальным ударением с изменением тембра гласного, либо выпадением гласного в безударной позиции (ср. примеры как *malena* ⩽ *malina* 'малина', *holca* ⩽ *holica* 'девушка', *wjewjerca* ⩽ *wjewjerica* 'белка' и т. д.) [8].

При этом можно для славянского наряду с сущ. **vera* привести еще доказательство существования праслав. глагола типа **veriti*

диал. *va̯vać* 'говорить, болтать' (Tomaszewski. Gwara Łopienna i okolice, стр. 252). Однако, при сопоставлении н.-луж. слова с и.-е. **ver-* трудно объяснимо продление *o* ⩾ *a*(*ō*). Махек (M a c h e k², стр. 702) предполагает родство н.-луж. слова с чеш. *vřava* 'переполох, суматоха' и слвц. *vraviet'* 'говорить'.

[7] Описанный словообразовательный тип в современных лужицких языках более не продуктивен.

[8] См. H. S c h u s t e r - Š e w c. Zwei sorbische Lautprozesse. «Zbornik filozofickej Fakulty University Komenskeho XXIII—XXIV, Philologica. Bratislava, 1971. — Зафиксированное впервые Ф. Резаком в «Němsko-serbski wšowědny słownik hornjołužiskeje rěče» (Budyšin-Bautzen, 1920) *paliwaka* (с *-i-*) — новое гиперкорректное образование. Пфуль в своем словаре дает со ссылкой на: H a u p t und S c h m a l e r. Volkslieder der Wenden in der Ober- und Niederlausitz (Grimma 1841) наряду с *palwaka* также еще форму *palowaka* с соединительной гласной *o-*. Что касается второго члена *-waka* (ср. в.-луж. *waka* 'червяк, жук'), то я теперь, вопреки своему прежнему объяснению (см. ZfSl VIII, 1, стр. 54—55), считаю его не немецким заимствованием, а славянским архаизмом, который сохранился только в верхнелужицком. Родственно слав. **věko* 'веко, крышка' (первоначально 'искривление, изгиб'). К чередованию *a* : *ě* ср. также в.-луж. ст. *balki* 'амарант' (цветочки белого цвета), сербохорв. диал. *bala*, *balka* 'ковыль, stipa pennata L.' наряду с праслав. **běl*ъ 'белый' и укр. *багати* 'страстно желать, хотеть', наряду с праслав. **běgati* (см. по этому поводу мою статью в ZfSl XX, H. 5—6).

'произносить колдовские заклинания, гадать'. Первоначальное значение в.-луж. *wjerbaba* могло бы быть представлено как 'старая женщина, произносящая заклинания'. Зафиксированное Хр. Пфулем прилагательное *wjerbina* (po wjerbinych khosćach 'auf den Besen der wjerbaba') или опечатка, или аллегровая форма, обусловленная гаплологией, первоначально **wjerbabina*.

Менее вероятным кажется нам принятие первоначального именного сложения **verobaba*. Выпадение *o* было бы здесь понятно только в соседстве лабиального, ср. в.-луж. *kołmaz* ⩽ **kolomaz* 'колесная мазь', но *butrobas* 'масленка'.

В качестве точного словообразовательного и семантического соответствия можно сравнить чеш. *ježibaba* и укр. *jazibába* 'волшебница, старая женщина' (**jęg-* // **jędz' -i-* + **baba*) [9].

Перевела с немецкого *Т. В. Горячева*

[9] Ср., в частности, A. Słupska. Slavisch Zauberer, Hexe und Verwandtes. — ZfslPh XXXV, 2, стр. 302—320 и Machek², 225.

Р. М. Цейтлин

О СТАРОСЛАВЯНСКИХ СЛОВАХ, КОТОРЫХ НЕТ В РУКОПИСЯХ СТАРОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА

Старославянским языком мы называем письменный (литературный) язык, которым владели книжники культурных центров Юго-Западной (Македонской) и Восточной Болгарии конца X—XI в. и на котором написаны древнеболгарские рукописи этой эпохи. В настоящее время известно семнадцать таких рукописей: евангелия — Зографское (Зогр), Мариинское (Мар), Ассеманиево (Ас), Саввина книга (Сав), Охридские листки (Охр), Листки Ундольского (Унд), Боянский палимпсест (Боян-пал), Зографский полимпсест (Зогр-пал); Синайская псалтырь (Син), Синайский евхологий (Евх), Синайский служебник (Служ), Клоцов сборник (Клоц), Супрасльская рукопись (Супр), Хиландарские листки (Хил), Рыльские листки (Рыл), Зографские листки (Зогр л. л.), Енинский апостол (Ен). В этих семнадцати рукописях употребляется около 10 000 слов. Сохранились далеко не все рукописи, написанные в то же время и на той же территории, что и перечисленные тексты. Рукописи, не дошедшие до нас, несомненно, содержали значительное число слов, не вошедших в уцелевшие. Как показывает уже предварительное исследование, количество таких слов достаточно велико. Выявление этого пласта лексики представляет несомненный интерес для сравнительно-исторической славянской лексикологии.

Определенная часть не зафиксированных в старославянских рукописях слов и часть незафиксированных значений известных слов (но в других значениях) имеют косвенные свидетельства своего существования в старославянском языке, в той части его словарного состава, которая увековечена в рукописях, дошедших до нашего времени. Восстановление утраченного представляет собою одну из задач старославянской лексикологии (имеется в виду лексика, синхронная рукописям X—XI вв. западноболгарских и восточноболгарских школ письменности, а не кирилло-мефодиевским переводам IX в.). Такого рода работы требуют определенных приемов исследования, при этом скрупулезного, точного до мелочей анализа сохранившихся старославянских слов, так как в число восстанавливаемых должны включаться только такие лексемы, которые могут считаться старославянскими с достаточной долей уверенности. Необходимо обратить внимание на то, что старославянскими нередко без каких-либо объяснений и доказательств

называются слова, которые отсутствуют в старославянских рукописях. Между тем значительная часть таких слов (как показывает анализ конкретного материала), по всей вероятности, не могла употребляться в старославянском языке (даже при самом широком из бытующих толкований терминов «старославянский язык» и «старославянизм»). Часто синонимично употребляются наименования «праславянское слово» и «старославянское слово»; нуждается в пересмотре традиционное мнение о неизменяемости лексики в течение весьма длительного времени и на значительном ареале, которое восходит к младограмматическим теориям, когда не учитывалась в должной мере парадигматика и синтагматика конкретного слова, его значимость.

В специальных трудах по старославянскому языку и в большинстве учебников старославянского языка принято отмечать те члены парадигмы, которые не представлены в рукописях, а реконструируются. Когда же говорится о слове или даже о словообразующем форманте, это правило не соблюдается. В качестве примера приведем сто слов (из значительного числа нам известных), которые отсутствуют в языке перечисленных выше семнадцати старославянских рукописей, но во многих исследованиях без комментариев называются именнно старославянскими (в их числе и некоторые грецизмы): баньчии, благовониѥ, босъ, брьдо, быкъ, власꙗница, въноукъ, вьдовьць, вѣникъ, гаждати, гигантъ, гнѣсти ('зажигать'), говѧдо, годьнъ, голоть, голѫбица, грьньць, добродѣтель, драгоцѣньнъ, дръвеникъ, дѣверь, дѣиствиѥ, жестъ, забрало, звѣрина, зрьцати, зълъва, зьритель, иждивениѥ, истокъ, клаколъ, кожанъ, кора, корѧ, крава, кравии, кражда, краѥѫгольнъ, крьнъ, кръмило, кънижьница, лань, ликъ ('лице'), ловьчии, лъбъ, лъжица, лъжьць, льнъ, лѣкъ, мащеха, медвѣдь, младость, мравии, мыло, мѫдо, носъ, оградьникъ, орѣхъ, оса, отьнь, отьчимъ, паѫкъ, писатель, письць, поборьникъ, прасѧ, проводатаи, прѣдадитель, прѣлагъчии, пьстръ, рабица, ракыта, рамѧ, робищь, свекръ, синь, скѫпъ, строуна, стьбль (и стьпль), съподобиѥ, сѫлогъ, сѫмракъ, сѣръ, телѧ, тетрадь, тыкы, оуврѣсти, оувѧсло, оуподоблѥниѥ, оусѣкатель, члѣнъ, чрьствъ, чрѣдъ, чрѣзъ, шьвьць, ѫда, ѥльха, ѥсень, ѥлеи, ꙗтры.
Мы не называем здесь при каждом слове работу, из которой его выписали, чтобы не загромождать изложение. Отметим, что подобные слова переходят из одной книги в другую, особенно много таких слов в вузовских учебниках старославянского языка. Большинство приведенных примеров выписано из следующих трудов: «Грамматика древнеболгарского (древнецерковнославянского) языка» А. Лескина, «Общеславянский язык» А. Мейе, «Старославянский язык» А. М. Селищева, «Введение в историю чешского языка» О. Гуйера. Мы намеренно перечислили слова различного характера. Во-первых, такие слова, которые были возможны в старославянском языке, но доказать их реальное существование на ма-

териалах известных нам рукописей нельзя. Таковы, например, существительные быкъ, дѣверь, крава, наличие которых в старославянском языке, несмотря на их древность и обширный славянский ареал, без новых данных утверждать нельзя (прежде всего потому, что в известных нам рукописях этого языка отсутствуют слова с данными корнями). Во-вторых, такие слова, которые, по всей вероятности, не употреблялись в старославянском языке. Таковы, например, лексемы власяница, драгоцѣнынъ, младость (в значении 'юность'), которые в русском языке следовало бы в генетическом плане характеризовать как ложные старославянизмы, а в стилистическом — как славянизмы [1]. В-третьих, такие слова, которые, по всей вероятности, были в старославянском языке, но остались неизвестными, так как утрачены соответствующие рукописи этого времени и ареала. Возможность употребления в старославянском множества подобных слов (и некоторых аффиксов!) доказывается прежде всего анализом языка сохранившихся старославянских рукописей — наличием однокоренных слов с общим семантическим знаменателем (т. е. с общим корнем, выделяемым на уровне старославянского языка), наличием данной модели образования слова (словообразовательного типа) и рядом других более частных данных. Таких слов немало, но, чтобы считать их старославянскими, необходимо в каждом конкретном случае доказать это, а также оговорить их отсутствие в языке старославянских рукописей. Примерами подобных старославянских слов являются лексемы изѧщьникъ, соухоногъ, юдинакъ, которым и посвящаются предлагаемые заметки.

1. Изѧщьникъ

На возможность употребления этого существительного в старославянском языке указывает ряд данных, содержащихся в старославянских рукописях. Прежде всего следует указать на гапакс изѧщьничьскъ. Можно утверждать, что данное прилагательное образовано по общеславянской модели от сущ. изѧщьникъ, которое осталось за пределами известных нам памятников. В старославянских рукописях употребляется 73 прилагательных на -ьскъ, мотивированных преимущественно существительными со значением лица (например, рабьскъ — рабъ, свѧтитєльскъ — свѧтитєль, чрьньчьскъ — чрьньць и т. п.). При этом все пять прилагательных на -ьскъ от имен на -ьникъ и -юникъ употребляются только в Супр:

[1] Подробнее о ложных старославянизмах говорится в статьях: Р. М. Цейтлин. Об употреблении термина «старославянизм». — КСИС, вып. 43, М., 1965; Она же. Заметки по старославянской лексикологии. «Этимология. 1971», стр. 111—114; Она же. К истории слова *драгоценный* в русском литературном языке. «Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков». М., 1974. См. также: А. С. Львов. Старославянское ли слово *мечьникъ*? «Русское и славянское языкознание». М., 1972.

изащьничьскъ (Супр, 1)[2]; мѫчeничьскъ (Супр, 5 — от мѫчeникъ Служ, 1; Евх, 1; Клоц, 1; Супр, 91; Ен, 16); ратьничьскъ (Супр, 3 — от ратьникъ Супр, 11); страстьничьскъ (Супр, 1 — от страстьникъ Супр, 5); оубитeльничьскъ (Супр, 1, сущ. оубитeльникъ в памятниках отсутствует). Суфф. -ьникъ как формант существительного мужского рода со значением лица выделился в старославянском в результате переразложения основы — отвлечения *-ьн-* от основы прилагательного к основе существительного через стадию двойной мотивации (грѣшьнъ — грѣшьникъ и грѣхъ — грѣшьникъ)[3]. Имена на -ьникъ со значением лица (их в рукописях — 154) и примыкающие к ним слова на -юникъ (их 11) составляют самую многочисленную группу старославянских существительных данной семантической категории. На высокую продуктивность этого словообразовательного типа помимо обилия слов указывают также лексемы, где данный формант является избыточным — наслаивается на суффикс того же значения (ср. исходатаиникъ и ходатаи), славянизированные грецизмы (типа клиросьникъ, корабьникъ), ряд неологизмов, вытесняющих широкоупотребительные в старославянском архаизмы (типа сѫпьрьникъ при сѫпьрь), обилие имен женского рода (29 слов) с соотносительным суфф. -ица (-ьница). Слова с формантом живого языка *-ьникъ* составляли, таким образом, в старославянском языке открытый словообразовательный тип, т. е. в нем легко создавались новые слова, в том числе и окказионализмы. В составе неологизмов на -ьникъ известен ряд слов, соотносительных непосредственно с глаголами (например, застѫпьникъ, обличьникъ, раздаяньникъ). Таким неологизмом, вероятно, являлось и сущ. изащьникъ, хотя оно могло быть образовано и от прил. изащьнъ[4] или непосредственно от сущ. изаща. Оба эти слова отсутствуют в старославянских текстах. Изаща не значится и во всех известных нам словарях славянских языков (но ср. слова той же модели в старославянском типа пища, свѣща, сърща). Прил. изащьнъ (**jьz-ęt-j-ьnъ*) обычно квалифицируется как церковнославянское и даже старославянское (Machek, 579). Оно широко употребляется в восточнославянских памятниках с XI в. в значении 'лучший, отборный'. Например: изащьноѥ моужьство Мин. 1097 г. (Срезневский, I, 1086), изащенъ воинъ Лобк. Пролог XIII в. (карт. ДРС), изащенъ нравъ Георг. Амарт. XIII — XIV вв. (там же), изащенъ

---

[2] Цифра, следующая за названием рукописи через запятую, указывает число употреблений слова в данной рукописи.

[3] Ср. А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951; Г. О. Винокур. Заметки по русскому словообразованию. — В кн.: Г. О. Винокур. Избранные работы по русскому языку. М., 1959, стр. 429.

[4] Этимология этого слова прозрачна. См. Фасмер, II, 124 (здесь же основная библиография); см. также Преображенский, 267; Machek[1], 579. Миклошич писал: «изѧштьнъ. . . derivabis ab изѧшта, quod natum est ex изьм- et suff. шта» (Fr. Miklosich. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Vindobonae, 1862—1865, стр. 254).

мних҃ъ Пандекты Ник. Черн. XIV в. (там же), чинъ изѧщенъ Мерило праведное XIV в. (там же). Ср. позднее определение значения 'превосходный, отличный, изрядный' (Сл. Ак. Рос., I, 1806 г., стр. 1130; аналогично Сл. 1847 г., II, 129), затем современное 'отвечающий требованиям художественного вкуса'. Болг. *изящен* — русизм (БТР, I, 551). Ср. чешск. *vzácný* (**vъz-ęt-j-ьnъ*), польск. *zacny*, заимствованное из чешского. Ср. гл. изѧщити сѧ 'отличиться': врага борителѧ низвьргль юси изѧщивъсѧ прѣсвѣтало Минеи праздничн. XII в. (Востоков, I, 155—156).

Сущ. изѧщьникъ засвидетельствовано только в Словаре П. Берынды и в Лексиконе Миклошича (с указанием на этот словарь как единственный источник). Берында толкует изѧщьникъ как «надъ всѣхъ сильнѣиший, рыцеръ, и переднѣиший до иныхъ справъ»[5], Миклошич — «homo egregius», т. е. 'отменный, отличный человек'. Эти определения находятся в полном соответствии с известными из текстов значениями мотивирующего прил. изѧщьнъ. Берында рассматривает *изѧщный* как синоним прил. *изрядный*, которое толкуется как «наивыборнейший, наилѣпший, выборный, порѧдный, або отлученый, пѧкный, надобный, непосполитый, милый, вдѧчный. И *изѧщный*, тоежъ» (там же). Эти толкования обоих слов непосредственно со значениями ст.-сл. изѧщьничьскъ и изѧщьникъ не соотносятся. В Супр читаем: еуаг҆гелиискоо бо писаниѥ глаголетъ. мала бывъша зак҆хеа по възрастоу. а и ꙗвлѣѩ величаство божиѥ. старѣишины изаштъничъска 545, 29—30. Греческий протограф, как и латинский текст данного жития (св. Анина), не известен. Приведенный отрывок — изложение евангельского стиха: и се мѫжь именемь нарицаемы закхеа. и сь бѣ старѣи мытаремъ. и тъ бѣ богатъ. и искаше видѣти иса. къто естъ. и не можааше видѣти народомь. ѣко тѣломь малъ бѣ Л 19,2 и 3 Зогр Мар Ас. Старѣишина изѧщьничьскъ в Супр передает евангельское выражение старѣи мытарь, которое соответствует греческому ἀρχιτελώνης (Nestle, 207)[6] в значении 'старший, главный сборщик податей', т. е. 'старший мытарь'. Есть все основания так же толковать и словосочетание старѣишина изѧщьничьскъ. Старѣишина изѧщьничьскъ — одно из многих однотипных устойчивых старославянских словосочетаний — калек греческих композит с первой частью ἀρχη- или (реже) со второй -αρχης. Они состоят из сущ. старѣишина со значением 'старший, главный исполнитель чего-либо, главное лицо в какой-либо области' и имени прилагательного, образованного от существительного со значением лица. Таковы выражения старѣишина жрьчьскъ (ἀρχιερεύς) в Мт 21, 23 Зогр-пал (ср. также Мт 21, 15); Супр 230, 14; Супр 410, 26 (ср. архиереи в Мт 26, 14 Зогр Мар Ас Сав); старѣи-

[5] Лексикон словенороський Памви Беринды. Підготовка тексту В. В. Німчука. Київ, 1961, стр. 47.
[6] E. Nestle. Novum Testamentum graece. 20. Aufl. Stuttgart, 1950.

шина влъшьскъ (ἀρχίμαγος) в Супр 257, 8—9; 258, 21; 261, 7 и др. Отметим также переводы греческих сложений с теми же компонентами сочетаниями двух существительных: старѣишина жрьцьмь (ἀρχιερεύς) Супр 340, 15 и 17—18, старѣишина мироу (εἰρηνάρχης) Супр 352, 9 — 10; старѣишина отьцемъ (πατριάρχης) Супр 321, 19—20; старѣишина молитвьникомъ (ἀρχιερεύς) Супр 359, 6; 330, 13; старѣишина пастьвинѣ (ἀρχιποιμήν) Супр 328, 26—27. Таким образом, есть основания предполагать, что выражение старѣишина изаданичьскъ соответствует по значению сложению ἀρχιτελώνης или синонимичному ему слову или словосочетанию (следует иметь в виду, что греческий текст в Супр в цитатах из евангелия не всегда совпадает с греческими текстами евангелия, во всяком случае с теми, на которые принято ссылаться). Сущ. изадьникъ, следовательно, синонимично известным старославянским словам: мытарь (Зогр,?; Мар, 25; Ас,?; Сав, 12; Евх, 3; Служ, 1; Супр, 3; τελώνης); мытоимьць (Служ, 1; Евх, 2; греческий текст не известен); мьздоимьць (Зогр, 5, τελώνης)[7]. Самым употребительным в старославянском языке было первое слово, но Супр оно встречается сравнительно редко — трижды, четвертый раз данное понятие косвенно выражается сущ. изадьникъ. Видимо, сложения мытоимьць и мьздоимьць с тем же корнем во втором компоненте не были особенно распространенными в говоре писца (или писцов) Супр. По значению изадьникъ прямо соотносится со ст.-слав. изати в значении 'изъять, вынуть, взять что-либо'. Например: изьмъ д'ва пѣназа дастъ гостинникоу Л 10, 35 Зогр Мар (в Ас и Сав; вьземъ); повелѣ изати и из врѣтишта Супр 112, 6. С несколько другим оттенком: вьсѣкж розгж о мнѣ не творащж плода. изъметъ ѭ И 15, 2 Зогр Мар Ас Сав bis. Возможно, что первоначальным было более общее значение — 'тот, кто изымает, вынимает что-либо'. Ср. аналогичное развитие значений — от общего к частному — у старославянских существительных инокъ и юдинакъ (см. ниже).

2. Соухоногъ

В индексе к Синайскому евхологию С. Слонского и в Словаре старославянского языка Л. Садник и Р. Айтцетмюллера нет слова соухоногъ, так как его нет в старославянских текстах, в частности в Евх; тем не менее есть основания предполагать, что оно было известно писцу этой рукописи. В тексте молитвы под названием «мол(итва) над(ъ) соухоржкомь» (Евх 43б 17—44а 17) говорится: въстави хромааго... сжща хрома отъ чрѣва матери своеѩ. не бывъшаго на ногоу своею. та молимъ... посъли на нь милость твоѭ. и оутвръди нозѣ его Евх 44а 1—11. В данной молитве говорится только о больных ногах, о том, что

[7] См. об этих словах: А. С. Львов. Очерки по лексике памятников старославянской письменности. М., 1966, стр. 178—179.

человек не может ходить («не бывъша на ногоу своею»). В этом тексте — очевидная ошибка. Р. Нахтигал полагает, что писец написал надъ соухоржкомь вместо или соухоногомь или хромомь (см. Евх, примечание к 44а 1 на стр. 103). Ян Фрчек утверждает, что следует читать соухоногомь[8]. Видимо, прав последний, так как ошибочное сухоржкъ появилось скорее всего под влиянием первой части сложения соухоногъ. Незадолго перед этим текстом писец переписывал аналогичную молитву, где говорится об исцелении именно руки: мол(итва) над(ъ) соухоржком(ь) члов(ѣ)комь Евх 40б 1—19. Подобные сложения (с соединительным гласным, обычно кальки с греческого) характерны для языка Евх и Супр, хотя собственно композит на соухо- немного не только в славянских языках. но и в греческом, так как мало соответствующих понятий. В старославянском известно два сложения с начальным соухо- (при этом оба они употребляются в Евх): соухоногъ (Евх, 1: 43б 17); соухоржкъ (Мар, 1 — в оглавлении евангелия от Марка; Евх, 2), соухоядьць (Евх, 1: 70а 25). Прил. *сухоногий* впервые фиксируется в русском языке в словаре Даля[2] (см. ССРЛЯ, т. 14, стр. 1237). Видимо, соухоржкъ употребляется в старославянском (и в других славянских языках) чаще, чем соухоногъ оттого, что по отношению к руке отсутствовало прил., подобное *хромъ* о ноге. Отметим, что хромъ в старославянском означало 'имеющий больные ноги, лишенный возможности ходить, безногий', а не только 'имеющий укороченную ногу из-за болезни'. Именно в первом значении употребляется хромъ в евангельском рассказе об исцелении больных (Мт 11, 5; Мт 15,31, Мт 21,14 и др.). В этом же значении известен и гапакс хромьць (Супр, 1 : 481, 20). Χωλός, постоянное греческое соответствие старославянского хромъ, также имело два значеним (кроме переносных): во-первых, 'хромой, хромоногий'; во-вторых, 'увечный', было возможно сочетание с κατὰ χεῖρας, т. е. 'с (искалеченной, больной) рукой'. Первая часть данных сложений (соухоржкъ и соухоногъ) соотносится семантически со значением прил. соухъ — 'лишенный жизненных соков, высохший, безжизненный, больной'. Ср.: лежааше мъножьство болаштихъ. слѣпъ. хромъ. соухъ. чакжштеихъ движеньѣ водѣ И 5, 3 Зогр Мар. Соухоногъ и хромъ, таким образом, могли употребляться в старославянском языке синонимично.

3. Юдинакъ

Сущ. юдинакъ в старославянских рукописях не употребляется. Оно известно по многочисленным источникам во всех славянских языках (в диалектах преимущественно) в значениях 'одиночка',

[8] «Il faut sûrement lire соухоногомь, bien que le mot ne paraisse pas attesté ailleurs à date ancienne». J. Frček. Euchologium Sinaiticum. Paris, 1933, стр. 746 («Patrologia orientalis», t. XXV, fs. 5).

'зверь, отбившийся от стаи (обычно о волке)', 'единственный ребенок у матери' (последнее значение встречается чаще остальных). В церковнославянских текстах изредка встречается сущ. юдинакъ в значении 'монах', как синоним слов инокъ, мънихъ. Например: анътиохга юдинака лавры оца савы къ ювстатоу игоумену Панд. Ант. XI в. 308, то же XVI в. (Срезневский, I, 810).

В Синайском евхологии употребляется прил. юдиначьныи, образованное от юдинакъ в значении 'монах'. Об этом говорят все известные четыре контекста с этим словом: мол(итва) над(ъ) хотащиимь прияти образъ. единачьнъи Евх 80б 20—21; единачьнааго образа исправленью довлѣѭ сѧ Евх 99а 20—21; и црство кръщениемь твоимь. и единачьное се. и аћлское образъное обѣтование. недвижимо Евх 93б 14—15; ѡ съконачати емоу. съмыслъ единачьнааго образа. бес порока и бесъблазна Евх 98а 22. Три последних примера относятся к молитве под названием «мол(итва) над(ъ) хотащиимь прияти образъ мънишъскы». Выражения мънишьское, юдиначьное обѣтование или мънишьскыи, юдиначьныи образъ — 'обет монашества', что означает прежде всего удаление от мирских дел, от общества, уединение. Ср. семантически аналогичные иночьскъ (Супр, 1: оста оу нѥго тъгда иночьскоѥ житиѥ възлюбивъ 560, 22—23) и иночьство (Супр, 1: оугодно же си розмысливъ о житии стааго. и о иночьствѣ. молитвѫ к нѥмоу сътвори 547, 19). Для этих слов также не встречается в старославянских рукописях мотивирующее инокъ 'монах', хотя в Син инокъ употребляется в своем, вероятно, первичном значении 'одиночка, зверь, отбившийся от стаи' (греческое соответствие μονιός): ѡзоба и вепрь отъ лѫга. инокъ дивь(е)и поѣлъ естъ Пс 79, 14 Син. Возможно, и юдинакъ имело в старославянском это значение, но прямых фактов, подтверждающих такое предположение, в старославянских рукописях нет. С достаточной долей уверенности можно считать старославянским юдинакъ в значении 'монах'. В этом же значении было, видимо, известно и инокъ. Значительно чаще греческое μοναχός или ἀναχωρητής или ἀββᾶς передавалось по-старославянски лексемами чрьньць (в календаре Ас,?; Евх, 6; Супр, 8) и чрьноризьць (Супр, 8). Известны также црьноризьць (Супр, 1) и мънихъ (Евх, 1).

На основании восстановленного сущ. юдинакъ (через прил. юдиначьнъ) выделяется в старославянском языке и словообразующий формант существительных мужского рода со значением лица -акъ, который представлен только одним этим словом. А. Вайан предполагает также существование другого имени на *-акъ* — дъвакъ в следующем контексте: дати жрътвѫ ... дъва кагрълицишта (Вайан читает: дъвака[9] грълицишта). дъва пьтѣньца голѫбина Л 2, 24 Зогр Мар

[9] Ср. др.-русск. *двачьць* (δίδυμος) 'близнец' (Срезневский I, 637).

Ас; то же в Добрейшевом ев. XIII в. (но в Сав: к грьличица, то же в Остромировом ев., в изложении этого стиха в Епифаниевой гомилии Клоц 14а 27 и 32 и Супр 452,9—10 и 15; то же во Врачанском ев. XIII в.). С предположением А. Вайана трудно согласиться. Видимо, начальное ка- в кагрълличица — или именной префикс типа па-, сѫ-, ѫ- или какая-то корневая морфема неясного происхождения[10], несомненно одно — это слово относится к глубоким архаизмам.

---

[10] См. Фасмер II, 154 и след.; Skok II, 7; О. Н. Трубачев. Заметки по этимологии и сравнительной грамматике. «Этимология. 1970». М., 1972; J. Schütz. Das präfigirte Element ka-, ko-, k- in der Wortbildung des Slavischen. — «Die Welt der Slaven», 10, 1968, 322—329.

А. С. Львов

ИЗ ЛЕКСИКОЛОГИЧЕСКИХ НАБЛЮДЕНИЙ

13. Ст.-слав. ꙗтъхоулꙿница

Данное слово зафиксировано всего два раза в Супрасльской рукописи, откуда приведем примеры: юнаць... иже оурвавъ сꙙ отъ приваꙁанꙗ·и ꙇзъ оградꙑ излѣзъ·ровꙑ (=рева· — *А. Л.*) и гнѣваа сꙙ бе чиноу (=бес чиноу.— *А. Л.*)·нападаа на сърѣтаѭштаа юго· и оустрьми сꙙ на вънѫтрьнииꙇ дворъ и влѣзе въ ꙗтъхоулꙿницѫ· на братиѭ тоу дѣлаѭштѭѭ·на оутѣхѫ довлѣѭштаꙗ страннꙑимъ· ꙗкоже принѫждѥномъ имъ бꙑти боꙗзнию юнаца·самѣмъ сꙙ въврѣшти въ пештъ хлѣбьнѫѭ (Супр. 565, 14—25). Другой пример, в котором очевидцы рассказывают о том же факте: юнаць гнѣва исплань бꙑвъ и ꙇс хлѣва искочивъ·гонитʼ васꙙ на толицѣ·ꙗкоже юмоу и въ ꙗтъхоулꙿницѫ влѣсти (там же, 566, 2—5).

Из приведенных примеров ясно, что ꙗтъхоулꙿница какое-то помещение, или здание, с печью, в которой пекут хлебы. В этом здании в то время, когда ворвался туда разъяренный бык, монахи готовили пищу для чужестранцев или странников.

К сожалению, к приведенным текстам греческие оригиналы не обнаружены.

В другом месте этой же рукописи подобное помещение, или здание, названо штуждекръмьница и гостиньница, ср.: (ꙇωанъ епискоупъ) ... васѣдъ въ кораблꙿ приде въ иероусалимъ·и прѣбꙑвъ въ гостиньници ꙗже прѣдъ градомъ ... и бꙑвъ въ неи ... и тако юмоу прѣбꙑваѭштоу въ штоуждекръмьници ... и на небо възьрѣвъ·оузьрѣ напрасно звѣздѫ образъ кръстънꙑи имѫштѫ (Супр 282, 13—28). В греч. на месте въ гостиньници и въ штоуждекръмьници читается ἐν τῷ γηροκομείῳ. Другой пример: манастꙑрьскаꙗ штоуждекръмьница зъдааше сꙙ (там же 284, 5—6) — является переводом греч. λαύρας ξενοδοχεῖον ἐκτίζετο.

В последнем примере штоуждекръмьница, как видно, является калькой ξενοδοχία: ξένος — 'чужой', δοχή — 'вместилище', а также 'угощение'. Как видели, в предыдущем примере этим словом передано греч. γηροκομία —'приют для престарелых', в котором пребывает приезжий епископ. Если исходить из приведенных выше контекстов, то ꙗтъхоулꙿница и штоуждекръмьница выражают одно

и то же понятие, потому что помещения, обозначаемые этими словами, предназначены для чужестранцев или странников. При этом эти помещения названы еще и гостиньница. Все три слова гостиньница, штоуждекръмьница и ꙗтъхоульница являются существительными одного типа образования, к которым относятся также: тьмьница от тьмьнъ, житьница от житьнъ, ризьница от ризьнъ, мꙑтьница от мꙑтьнъ, коумирьница и т. п., представляющие названия помещений, назначение которых выражено основой первичного существительного гост-, риз-, жит- и т. д., входящего в состав слова. Так, житьница 'помещение, склад для жита'; ризьница — 'для риз, одежды'; коумирьница — 'для кумиров, или идолов'.

Таким образом, ꙗтъхоульница оказывается образованным от ꙗтъхоулъ или ꙗтъхоуль, в котором должно быть понятие 'чужой' так же, как и в словах штуждекръмьница и гостиньница; в последних указанное понятие выражается штоужд- < *tjudj-, гост- < *gosti-.

Известно, что в тюркских языках *jat* означает 'чужой, посторонний'[1]. В нашем примере *jat* выступает в сочетании с *chul*. Не исключено, что этот *chul* < *chül* и является тем же словом, которое ныне в чувашском известно в начертаниях *кил*, *кӳл* [k'il'], [k'ül'] 'жилище' (двор), 'дом'[2]. Последняя форма, как отмечает Н. И. Ашмарин, «встречается только в сложении», как: *кӳл хушши* 'двор'[3], буквально: 'промежуток между строениями'.

Известно, что др.-тюрк. *q* в др.-чуваш., или булг., переходил в *x*[4], ср. др.-тюрк. *qïsïɣ*, чуваш. *хĕсĕк* 'тесный', соответственно: *saqal* — *сухал* 'борода'; *saqla* — *сыхла* 'охранять'; *qïz* — *хĕр* 'девушка'; *qudruq*, *qujruq* *хӳре* < **qujruq* 'хвост' (конечные заднеязычные в чувашском отпали). Таким образом, вполне закономерно *q'ül'* > *chül'*; при этом в славянском ввиду отсутствия смягченного *x* закономерно *chuł*. В тюркских языках одно и то же слово диалектно могло произноситься с *к* и *q*, первый из них в чуваш. не переходил в *x*, ср. др.-тюрк. *kül*, чуваш. *кĕл* 'зола'; соответственно: *kul* — *кул* — 'смеяться'; *käküz* — *кăкăр* 'грудь'; *köl* — *кӳлĕ* 'озеро'; *qarïs* — *курăш* 'встречаться' (в последнем, видимо, было в др.-тюрк. и *karïs*), также *qïsɣa* — *кĕске* 'короткий' и т. п.

Таким образом, *jatchül* равно совр. чуваш. *ют кил* или *ют кӳл* 'чужой дом', 'чужое, не наше жилище', 'жилище других'.

Чуваш. *кил*, *кӳл* не имеет убедительных соответствий в других тюркских языках[5], но оно как будто той же группы слово,

---

[1] Древнетюркский словарь, стр. 247.

[2] Ашмарин VI, стр. 208 и сл.; VII, стр. 69.

[3] Ашмарин VII, стр. 69.

[4] В. Г. Егоров. Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении, ч. I. Чебоксары, 1954, стр. 217 и сл.

[5] В. Г. Егоров. Указ. соч., стр. 112; Самойлович А. Н. О слове «гиль» — 'дом, семья' в наречиях переднеазиатских турков. «Яфетический сборник», III. М.-Л., 1925, стр. 99 и сл.

что и осет. *k'ūl* 'дом', 'угол'; курд. *kōl* 'хижина', арм. *chuł* 'хижина'; груз. *chula* 'избушка', 'чулан'; лезг. *k'wal* 'дом'; манси *kwäl*, *kul* 'дом', 'хижина' и т. п. В. И. Абаев полагает, что «по-видимому, мы имеем дело с одним из тех старых культурных слов, которые еще в доисторические времена распространялись среди различных генетически не связанных народов. . .» [6]. Сюда, думают, относится и *kel* (*qel*), зафиксированное Константином Багрянородным как название хозарской крепости или города Σάρκελ [7] и передаваемое в наших летописях как Бѣла вѣжа [8]. Поскольку, например, осет. *k'ūl*, лезг. *k'wal* и другие произносятся с смычно-гортанным *q*, то заимствованное булгарами на Кавказе *q'ül'* могло звучать как *ch'ül'*, так и *k'ül'*. При этом не исключено и усвоение частью булгар прямо и арм. *chuł*. Что касается произношения совр. чув. *k'il'*, то оно объяснимо появившимся из *k'ül'* в результате делабиализации *ü* > ь > *i*, что весьма характерно для чувашского языка [9]. Той же делабиализацией следует объяснить и *k'el'* < * *k'ül'* в Σάρκελ.

Словом, думаем, имеются все основания считать часть *-хоул-* в ıатъхоульница тюрко-булгарским, или протобулгарским, словом, означающим 'дом', 'помещение', 'жилище', а ıатъхоуль 'чужой дом' или 'жилище для чужих'.

Отметим, что булг. *jatchul* в старославянском адаптировано в системе славянского открытого слога: ıа-тъ-хоу-ль, а затем включено в группу слов определенной словообразовательной системы, обозначающих 'помещение, здание': ıатъхоульница так же, как и *коумирьница* от булг. * *kümeri* > коумирь [10], по типу: житьница, лѣгальница, ризьница, сѣньница, тьмьница и т. д. (см. выше).

На то, что в ст.-слав. ıатъхоульница *jat* — тюркское слово, обратил внимание Р. Айцетмюллер, однако, он не смог разобраться, что такое в этом слове *chul* [11]. Правда, до него о том, что *jat* в рассматриваемом слове тюркское слово, но в форме глагола со значением 'лежать, ложиться', присоединение к которому именного аффикса *-qu*, *-γu* якобы дало значение 'ночевка, ночлег', писал К. Менгес. Далее, по его мнению, к *jatqu* присоединился слав. *-ьница*, а по аналогии лѣгальница, оумывальница, дѣльница получилось ıатъхоу(л)ьница [12]. Во-первых, на месте зияния в славянских языках появляется только *v* или *j*; во-вторых, в тюрк-

---

[6] Абаев I, стр. 640.
[7] Z. Gombocz. Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in ungarischen Sprache. Helsinki, 1912, стр. 200.
[8] ПСРЛ, т. I, стлб. 65; т. II, стлб. 54; Срезневский I, стлб. 482.
[9] В. Г. Егоров. Указ. соч., стр. 184 и сл.
[10] А. С. Львов. К этимологии ст.-слав. коумиръ, -ръ εἴδωλον. «Этимология. 1965». М., 1967, стр. 181 и сл.
[11] R. Aitzetmüller. Vermischte Beiträge . . . 2. Abg. *jatъchulьnica* . . . «Anzeiger für slavische Philologie», 1970, Bd. IV, стр. 52—55.
[12] K. H. Menges. Schwierige slavisch-orientalische Lehnbeziehungen. UAJb, XXXI, стр. 189 и сл.

ких языках присоединением к глаголу аффикса *-qu*, *-γu* образуются имена, обозначающие состояние[13]; отсюда *jatqu* > *jatchu* могло иметь только значение 'лежание', а не 'ночлежный дом'. Имеются еще формы *jatïq*, *jatïγ*, обозначающие 'ложе', 'постель', но от последней формы в славянском могла получиться только * *jatïčьnikъ* или * *jatïžьnikъ*, * *jatïšьnikъ* — и не более того. Словом, несостоятельность этимологии К. Менгеса очевидна.

А. Вайян предложил славянскую этимологию, по которой здесь сложное слово, состоящее из ꙗтъ или ꙗдъ 'еда', 'пища' + хоул- (основа глагола хоулити), соединение которых дало значение 'скверная еда', а ꙗтъхоульница — 'скверная харчевня'[14]. Отметим, что ꙗтъ в переводе σῖτος один раз зафиксирован в Супр: ... ни ꙗта ни питиꙗ (520,1), перевод: ... οὔτε σίτου, οὔτε ποτοῦ.

Если бы утверждение А. Вайяна соответствовало действительности, то мы обнаружили бы написание ꙗтохоульница, отнюдь не ꙗтъхоульница, потому что замены соединительного гласного -о- на -ъ- в памятниках старославянской письменности не наблюдается, не говоря о других необоснованных допущениях автора.

До упомянутых авторов исследования, большей частью констатируя неясность этимологии слова ꙗтъхоульница, все же пытались *jat* сближать с польск. *jata*, *jatka* 'шалаш, будка, сарай', откуда, по мнению Ф. Славского, чеш. *jata*, *jatka*; южнослав. *pojata*, восточнослав. *ятка*[15].

Сближение упомянутых *jata*, *jatka* с *jat* из ꙗтъхоульница не оправдано, потому что *jata*, *jatka* — существительные, а *jat* в ꙗтъхоульница — прилагательное. Кроме того, в *jata*, *jatka* отсутствует понятие 'чужое'. Помимо всего, при этом остается неясным, что такое -хоул- в рассматриваемом слове.

В целом, отнесение ст.-слав. ꙗтъхоульница к тюркизмам, на наш взгляд, оправдано.

---

[13] Древнетюркский словарь, стр. 654.

[14] A. Vaillant. *Etymologica*. Vieux-slave 1. *jatŭchulĭnica* ... «Südostdeutsche Forschungen», XVII. München, 1958, стр. 216 и сл.

[15] Miklosich, стр. 101; Berneker, стр. 450; Brückner, стр. 201; Sławski I, стр. 524 и сл.; Machek², стр. 218; Skok II, стр. 695 и сл.; Sadnik—Aitzetmüller, стр. 213; Фасмер IV, стр. 568, и другие.

С. Мураяма

ЭТИМОЛОГИЯ РУССКОГО СЛОВА *ЧАЙ*

Я думаю, что чай, как и у японцев, является одним из наиболее любимых напитков и у народов Советского Союза. Чай называется в Японии *чя* (в XI в., возможно, *тя*) < севернокит. *čʿa*^{2}. В шанхайском диалекте это слово звучит *ца*, а в южнокит. фуцзяньском — *te* [1], из которого англ. *tea*, нем. *Tee*, франц. *thè*, ит. *té*. Эти народы импортировали чай из Южного Китая, поэтому их названия чая отражают южнокитайское произношение. Кстати, название чая в языке тагалог (Филиппины) — *tsa* могло отразить шанхайское произношение.

Лучшим этимологическим словарем русского языка является словарь Макса Фасмера. Как он однажды сказал мне, его учителем был Бодуэн де Куртенэ. В его словаре показано, что русское слово *чай* заимствовано из тюркского. Он цитирует из Радлова [2] тюркское *čai̯* (в разных тюркских языках) и добавляет из «Калмыцкого словаря» Рамстедта монг. *čai̯*. Фасмер, как и Рамстедт, считает, что тюрко-монгольское слово *čai̯* восходит к северокит. *čʿa*.

В тюркских документах до XII в. это слово не обнаружено. «Древнетюркский словарь» [3], который содержит слова из памятников до XII в., его не помещает.

С другой стороны, мы не находим слова *čai* в среднемонгольском памятнике «Mongolun nγuča tobciγan» («Сокровенное сказание монголов»), который был составлен в середине XIII в. Насколько мне известно, оно не обнаружено также в среднемонгольском глоссарии «Hua-i yi—yü», составленном в XIV в. Это не обязательно означает, что слово *čai* отсутствовало в то время в монгольской лексике, но очевидно, что монгольское слово *čai* не очень старое.

Теперь никто не может сомневаться в том, что тюркское (хотя Радлов отмечает также и уйгур. *ča*) и монг. *čai* образованы на базе северокит. *čʿa*^{2}. Что касается халха-монг. *tsai*, то оно развилось из *čai* и не имеет никакого отношения к шанхайскому *tsa*.

Никто не может также сомневаться в том, что русские заимствовали слово *чай* от тюрков, а не от монголов. Очевидно, что

---

[1] B. Karlgren. Analytical Dictionary of Chinese and Sino-Japanese. Paris, 1923.

[2] Фасмер III, стр. 311.

[3] «Древнетюркский словарь». Л., 1969.

тюрки заимствовали его у монголов: только монголы имели непосредственные контакты с северными китайцами.

Следовательно, если мы хотим выяснить причину того, почему северокит. *č'a* превратилось в *čai*, мы должны установить, как трансформируются подобные заимствования в монгольском языке.

Один видный монголист думал, что, когда монголы заимствовали китайские слова с исходом на *-a*, они превращали этот ауслаут в *-ai*: например, кит. *ta* 'большой, великий' было изменено в монгольском в *dai*, так *ta čing kuo* ('Страна великих Цинов' — маньчжурская империя)=монг. *Dai čing ulus*. Это объяснение неправильно, так как китайский иероглиф 大 имеет два произношения — *ta* и *tai*. 大 произносится в монгольском *dai*, как и в японском: *Daiahingkoku*.

Ни один монголист не попытался выяснить причину, почему кит. *č'a* перешло в монг. *čai*.

А объяснение очень простое: теперь в Северном Китае пьют *č'a* ², но в продовольственных магазинах покупают не *č'a* ², а *č'a²ye⁴* ('чайный лист'). Надо принять во внимание это повседневное явление, чтобы учесть обстоятельства, при которых восточные монголы трансформировали северокит. *č'a* в *čai*.

Известно, что заимствованные слова подвергаются большей или меньшей модификации; так, японцы заимствовали английские слова *ink*, *television* в форме *inki*, *terebi*, а русское слово *совет* — в форме *sobieto*.

Вышеупомянутое китайское слово *c'a²ye⁴* должно было измениться в монгольском. Но в каком направлении? При ответе на этот вопрос мы должны принять во внимание фонологическую особенность восточно-монгольского языка, которая, как отмечает Рамстедт [4] (основатель монгольского языкознания и сравнительной алтаистики), заключается в том, что в халха-монгольском и вообще в восточно-монгольских языках имеется очень сильное ударение на первом слоге. Оно ведет к ослаблению и редукции гласных следующих слогов.

Если мы примем это во внимание, нам станет ясно, почему монголы трансформировали кит. *č'a²ye⁴* в *čai*.

Если бы северокит. *č'a²ye⁴* было заимствовано не монголами, а тюрками, они трансформировали бы его в *čayï*. Во всяком случае они не опустили бы гласный второго слога.

Итак, мне кажется, что этимология русского слова *чай* теперь ясна: северокит. *č'a²ye⁴* 'чайный лист' было трансформировано монголами в *čai*. А эта форма была заимствована тюрками, которые передали ее русским. Китайское слово 'лист' (葉) было заимствовано из старокитайского (в форме *yep*) в японский, где *yep* > > *yew* > *yeu̯* > *yo:*.

---

[4] G. Ramstedt. Das Schrift-Mongolisch und die Urga-Mundart Phonetisch Verglichen. — JSFOu XXI, 2, 1902, стр. 47.

Современное северокит. *č'a²ye⁴* соответствует в современном японском *čayo:*. Японцы понимают значение этого слова, но в современном разговорном языке оно неупотребительно. Ученые и студенты, которые изучают русский язык в Японии, не подозревают, что русское слово *чай* то же, что и китайско-японское *čayo:*.

Следовательно, я думаю, можно считать выясненным, что русское слово *чай*, восходящее через монгольский к китайскому *č'a²ye⁴*, первоначально означало не чай, а чайные листья.

Известный синолог проф. Огава Тамаки указал мне, что в Северном Китае продается и покупается не *č'a*, а *č'a-ye*. Без этого указания моя этимология была бы невозможна. Пользуюсь случаем выразить ему свою благодарность.

Г. Ф. Одинцов

ИЗ ИСТОРИИ СТАРОРУССКИХ НАЗВАНИЙ КОПЬЯ

В настоящей статье описаны названия копий, в о з н и к ш и е в старорусский период истории русского языка, кроме известных лишь по словарям (или словарным статьям) XVI—XVII вв. книжных «чужих» иноязычных обозначений: *дарда* [1], *дори* [2], *кандаринъ* [3], *контси* [4], *риктария* [5], также *риктория* [6], — экзотизмов, не повлиявших на развитие русской военной лексики.

Рассматриваемые слова объединены в 2 группы исторически взаимосвязанных названий.

I

А. *Списы, шпицы, спицы*

Первое название — *списы* (и его дублет *шпицы*) обнаруживается в памятнике первой четверти XVII в.: «. . .итить четырмя или пятьми (воинам. — *Г. О.*) рядомъ съ алебарды, протазаны и съ бердыши, а за тѣмъ прапора два, или три съ списами, тѣ имянуются долгіе копья по скольку ихъ доведется въ рядъ ставити. . . и послѣ тѣхъ всѣ инные со шпицы по тому же какъ вь передних полкахъ устроено» (1607 и 1621 гг.) [7].

Название *списа* [8] (и *спис*?) было в ту пору новым: автор комментирует его («тѣ именуются долгіе копья»); отсюда семантика слова ясна. О сравнительно большой длине спис можно судить по производным *полуспицы* и *полусписные оковцы*, обозначавшим копье малого размера (по рукописям XVII в.); ср. нередкие соче-

---

[1] П. Б е р ы н д а. Лексикон словенороссийский. Кутеин, 1627. — В кн.: И. С а х а р о в. Сказания русского народа, т. 2. СПб., 1849, кн. 5, стр. 166.
[2] Картотека ДРС.
[3] Азбуковник по сп. XVI и XVII вв. — В кн.: И. С а х а р о в. Указ. соч., стр. 163.
[4] Там же, стр. 166.
[5] Книга, глаголемая гречески алфавит. Рук. БАН, Арх. д., № 446, XVII в. — Картотека ДРС.
[6] Азбуковник по сп. XVI и XVII вв. . . . , стр. 181.
[7] О. М и х а й л о в. (О. М. Р а д и ш е в с к и й). Устав ратных, пушечных и других дел. Издан В. Рубаном. СПб., 1777, 1781, стр. 76.
[8] Форма ж. рода («431 списа съ копьи», 1682 г.) несомненна, например, в «Дополнениях к Актам историческим», т. X. СПб., 1867, стр. 97.

тания: «длинные списы» (24/I—1656 г.) [9], «долгие списы» (в записях 1660, 1661 и 1682 г.) [10]; ср. еще запись: «72 копья на длинных древках вместо спис» (1679 г.) [11].

По-видимому, «списы» были преимущественно, но не исключительно длинными копьями, иначе непонятно, какая необходимость была употреблять определения *длинная*, *долгая* со словом *списа*. Ср.: «Дзиды, по-русски (по-украински) называемые списы, гайдамаки имели в 4 локтя длины, не больше; оружием этим они умели действовать очень ловко и намного лучше поляков» (Е. Китович) [12]. Эти двухметровые копья А. С. Красиньский называет казацкими пиками, которые «вставлялись в ременный ток при седле» [13].

Слово было освоено, дав производные — *списный*: «109 копеец списных» (Рук. ЦГАДА, Разрядный приказ. Столбцы Белгородского стола, № 738) [14], а также приведенное выше *полусписный*.

Позднее, чем *списа* и редк. *шпиц(а)*, появляется в памятниках слово *спица*: «сколько съ копьи, и сколько человѣкъ съ спицы и сколько будетъ въ латѣхъ» (Моск. ст., 24/VII—1632 г.) [15].

Варианты термина *списа* и *шпиц(а)* в XVIII в. исчезают, *спица* сохраняется в фольклоре: «Мы пулю в бок дадим, /Да и спицами в конец/ Заколаем наконец». (Соболевский. ВНП VI, 475. Арх. губ. — Картотека БАС), а также в говорах на Севере, в основном архангельских, как обозначение копья для охоты на морского зверя (реже медведя) (Сибир., 1847 г.; Арх. Подвысоцкий, 1885 г.; Беломор., 1929 г.; Арх., 1844 и 1961 гг. — Картотека СРНГ). Ср. судьбу слова *рогатина*.

Одно из последних употреблений слова *списа* относится к 1682 г. (см. выше). Именно в это время и особенно к началу XVIII в. активизируется термин *пика*, обозначавший, как и *списа*, казачье копье, а также вообще, как правило, долгое копье. *Списа* и *пика* скорее всего не были дублетами, но актуальность новой реалии (пики) в военном деле вызвала неактуальность сходной по функции с пикой списы.

Форма *шпиц(а)* восходит к нем. *Spitze* 'копье'. Форма *списа* (и *спис*?) — из польск. *spis* м. р., *spisa* ж. р. 'копье, дротик' (возможно, через укр., где это слово очень активно и сохранилось до сих пор с массой производных: *спис* м., *спи́са* ж. 'Spiess, Speer,

---

[9] С. К. Богоявленский. Вооружение русских войск в XVI—XVII вв. «Исторические записки», 4, 1938, стр. 276, 281.

[10] Акты Московского государства, т. III. СПб., 1801, стр. 153 и 431; Дополнения к Актам историческим, т. X. СПб., 1867, стр. 99.

[11] С. Л. Марголин. Вооружение стрелецкого войска. «Труды государственного Исторического музея», вып. XX. «Военно-исторический сборник», 1948, стр. 88.

[12] Варшавский словарь, т. VI, стр. 296.

[13] A. S. Krasiński. Słownik synonimów polskich, t. I. W Krakowie, 1885, стр. 271.

[14] С. Л. Марголин. Указ. соч., стр. 88.

[15] Акты Московского государства, т. I. СПб., 1890, стр. 362.

Lanze'; *списоббрець*, м.; *списова́тий*; *спис́овий*; *списові́дий*; *списоно́сний* и пр.[16]); польск. *spis* и *spisa* — из нем. *Spiess* (с 1472 г.) [17].

Форма *спица* 'копье' не случайно в письменности отмечена позднее, чем *спис(а)* и *шпиц(а)*: она возникла на базе *списа* в результате контаминации с уже тогда известным *спица* 'длинная игла, тонкая палочка и т. д.' (см., например, «Устав. . .» О. М. Радишевского, 1607 г., стр. 129). Приводя *спица* 'копье для охоты на морского зверя и на медведя' (арханг.), М. Фасмер напрасно, этимологически отождествляя его с совр. русск. *спица* 'вязальная игла и пр.', отрывает его от нем. *Spiess* 'копье, пика' [18].

Утверждение слова *спица* 'охотничье копье (при охоте на морского зверя)' именно в Архангельской, а через нее в некоторых других северных областях обязано, по-видимому, влиянию голландских моряков, часто бывавших в Архангельске в XVII—XVIII вв. (*копье* по-голландски *Spies*. — Рус.-голл. лексикон, 1717 г., стр. 90— Картотека Словаря XVIII в.).

Б. Пика

Касаясь принятой в литературе древнейшей датировки русского *пика* (1667 г.) [19], Г. Хютль-Ворт пишет: «Возможно, старше, потому что в том же самом году в другом тексте: пехота надворня с мушкеты и с пикы. Потемкин 255» [20].

Действительно, слово встречается в русской письменности 30—40-х годов XVII в., например, в памятнике 1647 г.: «. . . на пи́кахъ быти сконца̀ полоса́мъ желѣ́знымъ, двоу^м^ помѐншей мѣрѣ, пѧтѝ пѧде́й длино́ю бы́ти, что́бы ни ко́нны^м^, ни пѣ́шимъ копьѧ̀ не́мочно пересѣ́чь, и̂ что́ полосы дли́ннѣе, то копьѐ крѣпчае и̂ надежнѣе копе́йщикꙋ» [21].

---

[16] Е. Желеховский и С. Недїльский. Малорусско-нїмецкий словарь, т. II. Львів — Lemberg, 1888, стр. 901.

[17] Brückner, стр. 509.

[18] Фасмер III, стр. 736.

[19] Фасмер II, стр. 355: «уже у Котошихина».

[20] G. Hüttl-Worth. Foreign words in Russian. A historical sketch, 1550—1800. Berkley and Los Angeles. 1963, стр. 97. — Имеется в виду Статейный список Потемкина. Франция, 1667. (В кн.: Путешествия русских послов XVI—XVII вв. Статейные списки. М.—Л., 1954, стр. 255).

[21] И. Я. Валльгаузен. Учение и хитрость ратного строения пехотных людей. М., 1647, л. 71. — Ср. упоминание в одной рукописи 1638 г. о пике как о виде оружия, которым должен был обеспечить кн. Иван Борисович Черкасский «детей боярских 4 000 человек» в Тульском уезде. (С. К. Богоявленский. Указ. соч., стр. 281). Обращает на себя внимание и прозвище некоего Гаврилки Титова — *Пика* (1632 г. Акты Московского государства, т. I. СПб., 1890, стр. 400. — Картотека ДРС), — хотя оно может сближаться и с глаголом *пикать*. В русских же памятниках еще более раннего времени слово *пика* не отмечено; в частности, оно не обнаружено в «Уставе ратных, пушечных и других дел» О. М. Радишевского (1607 и 1621 гг.), где вообще встречаются многие, включая и редкие, названия оружия. То, что слово было известно русским с 30—40 годов

В контексте отмечена характерная, хотя и не исключительная особенность пики — наличие на древке металлических полос [22]; любопытно здесь и сближение слов *пика* и *копье*, как и образованных от них прилагательных в заглавии одного из разделов этой книги: «Трєтїѧ часть, первыѧ книги, копейнымъ, или пикноᴹ оученїи» (л. 71). В этой части книги *пика* употреблено 2 раза, тогда как, например, *копье* — свыше 200 раз; производное *пикинѣръ* — ни разу [23], *копейщикъ* же — 16 раз. Это как будто говорит о некоторой неосвоенности, недостаточной активности в то время слова *пика*.

Далее *пика* упоминается в 1648 г. [24] — в переписке Посольского и Стрелецкого приказов, а в «Донских делах» (т. IV — РИБ, т. 29. СПб., 1913, стр. 267) — в записи, сделанной в 1649 г. (Картотека ДРС), и т. д.

Дальнейшие после приведенного употребления слова семантически аналогичны ему — *пика* сближается с *копье* неоднократно: «Противъ указу. . . 500 копей или пикъ. . . велѣно привести изъ Нарвы» (Птр. V. 450. — Картотека ДРС). Очевидно, в военном деле подчас безразлично могли быть использованы или копья, или пики.

Однако слова эти семантически не были тожественны: «тѣ копьи вмѣсто пикъ годны ль. . . естли копьи годны, пикъ дѣлать не станемъ» [Птр I (Стрешнев), т. IV, стр. 706. — Картотека ДРС]. Ср. также упоминание о пикинерных копьях (Док. в Сенате II. 1, 1712 г., стр. 165. — Там же). Действительно, *пика* обычно означало не всякое, а длинное копье (с продольными железными полосами на древке). *Пика* — международный термин, известный в славянских (укр. *пі́ка*, блр. *пі́ка*, польск. *pika*, чеш. *píka*, слвц. *pika*, болг. *пи́ка* 'пика', чеш. диал. (ляшск.) *pikora* 'острие на пике' [25]), германских (нем. *Pike* 'пика', англ. истор. *pike* '(пехотная) пика'), романских (франц. *pique*, итал. *picca*, исп., португ. *pica* 'пика'), балтийских (лит. *pìkà* 'пика, длинное копье' [26], лтш. *pīķis* 'пика'), угро-финских языках (фин. *piikki* 'пика', *kasakan piikki* 'казацкая пика', эст. *piik* 'пика', венг. *pika* то же), так что к толкованию его семантики в прошлом могут быть привлечены как русские, так и нерусские словари и справочники. Пика была

XVII в., в литературе отмечалось, правда, без привлечения текстов и указаний на источники (П. Я. Черных. Очерк русской исторической лексикологии. М., 1956, стр. 236).

[22] Эти полосы историки отмечают также в копьях XVI в. и — особенно — более позднего времени, характеризуя их все же как примету пики: М. М. Денисова, М. Э. Портнов, Е. Н. Денисова. Русское оружие. Краткий определитель русского боевого оружия XI—XIX веков. М., 1953, стр. 38.

[23] Но в следующей, четвертой, части книги *пикинѣрь* имеется: «. . .пикинѣровъ. . .оучи строю» (И. Я. Валльгаузен. Указ. соч., л. 78 об.).

[24] РИБ, т. XXVI, 1909, стр. 897.

[25] Machek², стр. 449.

[26] Fraenkel, стр. 589.

копьем пехотинцев, достигающим 6 м в длину (в XVI в.) [27], деревянная рукоятка ее была длиной от 4,87 до 5,48 м[28]; при отмечаемых колебаниях в длине («казачья пика целым аршином длиннее уланской») это все же была «долгая рогатина» [29], «долгомерное копье» [30].

В старорусских текстах упоминаются пики «долгие» и «короткие»: «. . .салдатомъ же дается ружье. . . шпаги, пики малые; а иным. . . пики долгие»; «а служба ихъ. . . съ пики короткимі» (1667 г.) [31].

Составное название *пики малые* (и *короткие*) встречается в начальный период становления термина *пика* и активно вытесняется рано возникшим названием *полупика*, само наличие которого весьма прозрачно указывает на длину пики как таковой. Слово *полупика* тем самым явилось отражением процесса более четкой терминологизации названия *пика*: «36 банделеровъ, 15 полупикъ» (Отписка Могилевского воеводы, 1655) [32]; «29 пикъ долгихъ, 40 полупикъ с копьи и съ прапорцы» (ДАИ XI 1648—1685, стр. 272. — Картотека ДРС). Хорошо закрепившись, слово *полупика* в XVII в. дало производное *полупичный*, а также *полупишный* и *полупищный*: «2 268 полупичных копейцовъ. . . 122 копья. . . 150 списъ долгихъ съ полупичными желѣзцы» (ДАИ, X, 1682, стр. 99. — Картотека ДРС); «7.800 полупищныхъ железецъ» (Отписка кн. Ю. А. Долгорукова, 1660 г.) [33].

Несмотря на исчезновение к XIX в. названия *полупика*, значение слова *пика* не расширяется, оставаясь прежним: ‛копье, насаженное на длинное древко’ (Слов. Акад. 1847; Тучков. Военн. сл. II, стр. 46. — Картотека БАС). Это объясняется терминологическим характером названия.

Пика заимствовано, по М. Фасмеру, «через нем. *Pike* или франц. *pique* из ит. *picca* — то же» [34]. В последующей литературе русск. *пика*, однако, трактуется как полонизм [35]. В отдельных случаях польское влияние не исключено, ср. например: «А полковник . . . Денис Швыйковский (поляк. — *Г. О.*) своего полку

---

[27] Grand Larousse encyclopédique, t. 8. Paris, 1963, стр. 509.
[28] Военный энциклопедический словарь, т. X. СПб., 1846, стр. 419; The Encyclopedia Americana. Vol. 22. New York — Chicago, 1949, стр. 82.
[29] Даль [2] III, стр. 110.
[30] Преображенский II, стр. 57.
[31] Г. Котошихин. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906, стр. 133, 134.
[32] Акты Московского государства, т. II. СПб., 1894, стр. 461.
[33] Акты Московского государства, т. III. СПб., 1901, стр. 153.
[34] Фасмер III, стр. 260. Мысль о французском источнике заимствования этого слова высказывалась и до М. Фасмера (Тучков. Военн. сл. II, стр. 46; Ушаков III, стб. 256 и др.).
[35] Machek [2], стр. 449; Valentin Kiparsky. Russische historische Grammatik. Bd. III. Entwicklung des Wortschatzes. Heidelberg, 1975, стр. 102.

с шляхтою. . . пики у воровских людей секли» [Декабрь 1670 г. Отписка полкового воеводы Яна Хитрово (поляка?)] [36].

В целом «польская струя, главным образом как передатчик западноевропейских воздействий, влиятельна с конца XVI в. до половины XVII» [37], и по времени заимствования *пика* сюда, казалось бы, подходит.

В действительности картина была куда более сложной; отдельные употребления термина явно предполагают французское или немецкое влияние, как в «Статейном списке Потемкина. Франция, 1667» (одно из первых употреблений) или в «Письмах и бумагах Петра Великого» (т. V, стр. 44. — Картотека ДРС), где упоминаются «пики старыя Нѣмецького дѣла».

Еще важнее, что старорусское *пика* обычно оказывается в одном контексте со словами *солдаты*, *драгунский* (*полк*), *рейтары*, *гренадеры* (Котоших. 1667 г., стр. 133—134; Дон. д. 1649 г., IV, стр. 267; АИ 1653 г., IV, стр. 199; Учен. ратн. 1647, л. 73 об.; Устав Вейде 1698, стр. 20 об. — Картотека ДРС).

Драгуны же, солдаты и рейтары составляли разряды войск иноземного строя (наемных), которые «появляются в Московском государстве в конце XVI в. вначале в незначительном количестве, а затем с первой трети XVII в. все в более заметном. У этих групп войск была своя организация и соответственно терминология», постепенно усваивавшиеся в Московской Руси [38].

Пика же была непременным оружием драгун и солдат наемных иноземных войск в России [39].

В составе таких войск в России основную часть составляли в первой половине XVII в. не поляки, а говорившие по-французски и по-немецки швейцарцы, которые — что важно — и ввели пику как вид оружия в военный обиход [40] (в XV в.), сделав ее в XVI в. непременным оружием пехотинцев [41].

Польские наемные войска не могли в Русском государстве в первой трети XVII в. широко быть использованы, ввиду враждебных действий поляков во время польско-шведской интервен-

---

[36] Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сборник документов, т. II, вып. 1. М., 1957, стр. 417.

[37] Л. А. Булаховский. Курс русского литературного языка, т. I. Киев, 1952, стр. 92.

[38] Ф. П. Сороколетов. История военной лексики в русском языке XI—XVII вв. Л., 1970, стр. 209—210.

[39] П. Гудим-Левкович. Очерк исторического развития вооруженных сил России до 1708 г. «Военный сборник», т. 107. СПб., 1876, стр. 20—21; С. К. Богоявленский. Указ. соч., стр. 281.

[40] The Encyclopedia Americana. Vol. 22, стр. 82.

[41] Grand Larousse encyclopédique, 8, стр. 509 — Термин *пика* известен в немецком языке (из французского) с 1500 г. (Fr. Kluge. Etymologisches Wörterbuch der Deutschen Sprache. 11—16. Auflage bearbeitet von Alfred Götze. Berlin, 1957, стр. 550).

ции и недоверчивого отношения русского царя к полякам в первые десятилетия после нее [42].

Если бы польское влияние все же имело место, то *пика* было бы заимствовано во время польско-шведской интервенции, а между тем в памятниках Смутного времени этого слова нет.

Немаловажно и то, что в самом польском языке *pika* в ряде случаев уже с XVI в. не было активным термином и стало постепенно оттесняться словом *lanca* (например, при указании на уланскую пику) [43].

В России *пика* активно употреблялось как в деловой, так и в неделовой сфере, обозначая, в частности, длинное копье казаков, вплоть до 1917—1918 гг.[44], дав массу семантических производных, в том числе диалектных и производственно-технических: 'тяжелый остроконечный железный лом' (Картотека БАС); 'палка с железным наконечником, с которою ходят по льду' (Петрозав. у. Олон. г. Г. И. Куликовский, 1899. — Картотека СРНГ); 'заостренный кол, коим скрепляют фашины в санках, ложементах и в заравнении рвов' (Н. Яновский III, 322. — Картотека Словаря XVIII в.); 'в шерстобитном деле, деревянная палочка с железным наконечником, посредством коей решетка поддерживается в полукруглом положении, укрепленная одним концом в стену, а другим в решетку' (Бурнашев, 1843. — Картотека СРНГ); 'палка с острым железным наконечником', 'острота, эпиграмма' (Мещов. у. Калуж. г. 1916 г. — Там же); 'жердь, служащая упором для стога' (Южн. Урал, 1968. — Там же); 'острие багра' (Калининск. обл. Оятский р. — Картотека БАС); 'острый гвоздь, вбитый в конец шеста' (Петрозав., прогр. № 30. — Там же); спец. 'заостренное орудие, применяемое в китобойном промысле', 'заостренная часть отбойного молотка, багра' [45]; перен. 'человек, любящий подыскиваться под других, сутяга' (Соликам. — Картотека БАС); ср. *Пиканъ* 'шпынь, язвитель, досадчик, подстрекатель'. — Курганов. Письмовник. II. 1790, стр. 249. — Картотека ДРС); ◊ *в пику* (кому-, чему-либо сказать, сделать) 'назло, чтобы досадить' (Н. В. Гоголь. «Мертвые души» и т. д.).

---

[42] Например, в распоряжении князя Д. М. Пожарского, по Разрядной книге 1615 г., были ратные русские люди и воины других национальностей Московской Руси, а из иноземцев — «английские и шкотские (шотландские) немцы». Поляки в списке не значатся. — Временник ОИДР. Кн. 1. М., 1849, стр. 32.

[43] A. S. Krasiński. Указ. соч., стр. 271. — Здесь же приведена маловероятная этимология Мухлинского: русск. *пика*, фр. *pique*, польск. *pika*, нем. *Pike* — все из перс. *pejkarz* 'острие, железный наконечник'.

[44] На вооружении русской пехоты пики состояли до 1714—1717 гг. Для кирасир и гвардейских улан пики были сохранены только для парадной формы мирного времени вплоть до первой мировой войны. — Л. Г. Бескровный. Производство вооружения на русских заводах в первой половине XVIII в. — Исторические записки, вып. 36. М., 1951, стр. 110—111; Н. Потоцкий. Современное ручное оружие, его свойства, устройство и употребление. СПб., 1904, стр. 229.

[45] «Словарь современного русского литературного языка», т. 9. М.—Л., 1959, стлб. 1173—1174.

II

А. *Грот, гротик* и *дрот, дротик*

Странным образом название копья *грот* в Картотеке ДРС не отмечено.

Впервые оно встречается в памятнике 1607 и 1621 гг.: «Да возити тысячу доспѣховъ на пѣшихъ воинских людяхъ, да возити 500 конскаго наряду, // чупринъ съ гротами кованныхъ до 500 паръ, наколѣнковъ и батолыковъ на конныхъ людей и подъ то надобно 26 возовъ» [46]. Приводя это употребление слова, авторы Словаря Академии Российской (ч. II, СПб., 1790, стр. 368) определяют его семантику: «копье, дротик». Толкуя слово *чуприна*, употребленное здесь рядом с названием *грот*, В. И. Даль пишет: «//*Стар.* ратный доспех? Кажется, это челка на стяге, т. е. бунчук, либо кисть. *Чупры́нный шест* стар. шест с флагом или со значком» [47]. Если *чуприна* — действительно ʻчелка на стягеʼ, то *грот* в приведенном контексте надо понимать как ʻстягʼ, ʻнавершье знамениʼ. Известно, однако, что в XVI—XVII вв. кистью нередко украшались и копья (рогатины, протазаны и т. д.) [48], так что оба толкования термина *грот* по приведенному тексту правомерны.

Зато следующее употребление названия семантически ясно: «Сулица, *згротомъ* дарда, ощѣпъ, ощеписко. . .» (1627 г.) [49]. Здесь *грот* — ʻострие, наконечник копьяʼ («дарды»).

Семемы ʻстягʼ или ʻвид копьяʼ, а также ʻострие копьяʼ проявляются уже в первых употреблениях слова, так что в толковых русских словарях XIX в. это название напрасно определяется однозначно: ʻдротик, копьецоʼ [50]. В уменьшительном *гротик* налицо также все три значения: а) ʻстягʼ — «гроти^к^ желѣ^з^нои знамен^н^ои» (Якут. а., к. 5, № 8, сст. 8.1643 г. — Картотека ДРС); «знамена. . . зъ древками и зъ гротики» (Мск. — РИБ II 359, 1678—79 гг. — Там же); б) ʻвид копьяʼ: «И многие де люди у него, Стеньки, без ружья, только де у них гротики» (Тамбов, 26/VIII—1670 г.) [51]; в) ʻострие копьяʼ: «вынялъ изъ оружейныя казны древко каповое, на немъ яблоко золоченое да гротикъ желѣзнои» (Арх. бум. Птр. I, 57. — Картотека ДРС).

Связь значений ʻстягʼ и ʻвид копьяʼ имеет аналогию в соотношении семем ʻстягʼ и диал. ʻколʼ у слова *стяг*: «Понятие о водружении знамени объясняет нам связь обоих. . . значений» [52].

---

[46] О. Михайлов (О. М. Радишевский). Указ. соч., стр. 42—43.
[47] Даль[3] IV, стлб. 1378.
[48] С. К. Богоявленский. Вооружение русских войск в XVI—XVII вв. Исторические записки, 4, 1938, стр. 276.
[49] П. Берында. Указ. соч., стр. 99.
[50] Словарь церковнославянского и русского языка, т. I. СПб., 1867, стлб. 613; Словарь русского языка, составленный II Отделением императорской Академии наук, вып. 2. СПб., 1895, стр. 916.
[51] Крестьянская война под предводительством Степана Разина, т. II, ч. 1. М., 1957, стр. 30.
[52] Я. Грот. Филологические разыскания. СПб., 1899, стр. 439—440.

Название *грот(ик)* заимствовано из польск. *grot*[53], также многозначного: 'острие стрелы, копья', 'копье, стрела', 'стяг' — и отмеченного с XVI в.

С последней четверти XVII в. *гротикъ* (не говоря уже о форме *гротъ*) встречается все реже, исчезнув в XVIII в. (по данным Картотек Института русского языка и Института языкознания АН СССР).

С 1682 г. и далее в XVIII в. стало употребляться название *дротик* 'стяг, навершье знамени' («на тѣхъ на всѣхъ знаменахъ дротики желѣзные, древки писаны». — ДАИ X, 111. 1682 г. — Картотека ДРС; «знамены съ дротики, и съ чехлы, и съ древки» (Письмо А. Меншикова, 20/IV—1705 г.)[54]; позднée — 'вид копья' («. . .носки. . . будучи подобны копейцу, на долгїе шесты втыкаются, чтобы ими можно было действовать как дротикомъ». — Крашенинников. Описание Камчатки, 1755, т. II, стр. 286. — Картотека Словаря XVIII в.).

В. Кипарский и О. Н. Трубачев независимо друг от друга высказали мысль в возникновении *дротик* из *гротик*[55]; в отличие от В. Кипарского, в данном случае приходится говорить не просто об анлауте *dr*, *tr*~*gr*, *kr*, а о процессе межслоговой ассимиляции согласных: звук [g] уподобился по месту образования переднеязычному [t'], перейдя в [d], а затем спорадически в [t] — следующая ступень уподобления в ст.-русск. форме *тротик*: «списы с тротики», «древки без тротиков» (Роспись полкового наряда и припасов, отпущенных из г. Путивля в полк кн. В. Л. Долгорукова. . ., 1680 г., рукопись)[56]. Процесс оглушения начального *d* приводил иногда к его полному исчезновению: «И стрельцов де метал [Степан Разин и его люди. — *Г. О.*] в воду живых, связав человека по 2 и, наругаючи, на воде их колол ротиками» (22 авг. 1670 г. Тамбов)[57]. Впрочем, возможно, *ротик* < юж.-русск. *гротик*, где первый звук — γ фрикативный.

Форма *дротик* могла, по-видимому, возникать не только из *гротик*, но и как непосредственно производное от редкого *дрот* 'копье'. *Дрот* как название железной части копья имеется в описании рисунка на кубке, изображающего мужчину с копьем: «. . .межъ кубка и поддона мужикъ в шляпѣ, въ рукѣ держитъ дротъ на посоху». (Втор. половина 1680-х гг., до ноября 1690 г. Опись и оценка имущества князей Голицыных)[58]. Эти употребле-

---

[53] V. Kiparsky. Die gemeinslavischen Lehnwörter aus dem Germanischen. Helsinki, 1934 (Annales Academiae Scientiarum Fennicae. Bd. XXXII, 2), стр. 25; Sławski I, стр. 352—353.

[54] Сборник военно-исторических материалов. Т. I. Северная война. Документы 1705—1708 гг. СПб., 1892, стр. 3.

[55] V. Kiparsky. Die gemeinslavischen Lehnwörter. . ., с. 25; Фасмер I, стр. 542.

[56] С. Л. Марголин. Вооружение стрелецкого войска. . ., стр. 89.

[57] Крестьянская война. . ., т. II, ч. 1. М., 1957, стр. 20. — Картотека ДРС.

[58] Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках, т. IV. СПб., 1893, стр. 278.

ния единичны, ни одно из них не представлено в Картотеке ДРС, где имеется лишь омоним — *дротъ* 'проволока'. (Позднée, у писателей XIX—XX вв., название копья *дрот* изредка встречается).

Слово *дротик* (<*гротикъ*) получило в конце XVII и в XVIII вв. широкое распространение лишь с уменьшительным суфф. *-ик*, в отличие от польск. *grot*, чеш. *hrot*. Польск. *grot* 'копье' вовсе не указывало на малые размеры этого оружия. Очевидно, в старорусском *гротик* (>*дротик*) уменьшит. суффикс не мог быть десемантизированным (этим формам реально предшествовали *грот* и *дрот*). И если *грот* и *дрот* вскоре были забыты, оттесненные названиями *копье*, *пика*, то *дротик* (из *гротик*) 'небольшое (метательное) копье' (по определению всех старых и современных русских толковых словарей), утвердившись окончательно в XVIII в., сохраняется и в наши дни (на правах историзма). Оно вытеснило равнозначное ему существительное *сулица*, употреблявшееся с древнерусского периода до середины XVII в.

Название *дротик* проникло и в говоры ('обледенелая палка, которую бросают как копье в игре'. — Слов. рус. нар. гов. Средн. Урала, 1964. — Картотека СРНГ), а также — в значении 'метательное копье, которое использовалось как колющее оружие в древнем мире и в средние века' — в близкородственный украинский язык [59].

Б. *Джид*

Еще А. Будилович обратил внимание на название копья *дзида*, *джида* у нескольких славянских народов [60]. Правда, под «русским» *дзида* со ссылкой А. Будиловича на «Словарь белорусского наречия» И. И. Носовича следует понимать, конечно, белорусский термин.

Действительно же русское *джид* никто, кроме Доржи Банзарова [61], в литературе не приводил.

В Картотеке ДРС оно представлено в одном употреблении [62]: «Кинжалы. . . Кинжалъ сталной. . . оправлен серебром. Цѣна 20 алт. Джидъ тройной, ножны и черенья оправа серебреная черневая, мѣсты золоченая, поясъ шолкъ красной съ бѣлымъ. Цѣна 3 р. Гротикъ сталной, оправа серебреная» (Опись и оценка имущества князей Голицыных. Без даты. Наша датировка: 2-я половина 1680-х годов, до ноября 1690 г.) [63].

---

59 Словник української мови, т. 2. Київ, 1971, стр. 421.

60 А. Будилович. Первобытные славяне в их языке по данным лексикальным. Исследование в области лингвистической палеонтологии славян, ч. 2, вып. 1. Киев, 1882, стр. 11.

61 Доржи Банзаров. О восточных названиях некоторых старинных русских вооружений. — В кн.: Доржи Банзаров. Собрание сочинений. М., 1955, стр. 163.

62 При всех ссылках на Картотеку ДРС нами использованы материалы, имевшиеся в ней в 1975 г.

63 Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках, т. IV. СПб., 1893, стлб. 134.

Здесь *джидъ* ставится в один ряд с названиями таких предметов, как кинжал, метательное небольшое копье («гротик»), что важно учесть, поскольку в этой описи имущества все виды оружия перечислены подряд, компактно, все же иные реалии — в других местах описи. Ясно, что под джидом подразумевается в тексте оружие.

Доржи Банзаров толкует *джид* как «метательное копье» [64].

Так же понимали термин многие историки материальной культуры [65].

Инославянские лексические параллели помогают уяснить семантику названия: с.-хорв. *džīda*, *џида* 'копье' [66], блр. *дзіда*, ст.-укр. (XVII в.) *джида*, польск. *dzida* историзм 'копье, пика' (с XVII в.) [67], 'легкое копье' [68]. Ср. еще венг. *dsida*, *dzsida* 'копье, метательное копье' [69].

Все эти названия копья возводят в турецк. *cida*, *cide* 'копье'. Ср. уйгурск., сагайск., шорск. *чыда (чиде)*, алт. *йыда* (также *йиде*) 'дротик, пика, копье'. (При этом польск. *dzida* возникло из *džida*, по-видимому, в результате мазурения).

Нами, однако, обнаружено еще одно употребление старорусского *джид* при описании, правда, не совпадающем с приведенным выше, поступившего в 1690 г. в Московскую оружейную палату того же джида кн. В. В. Голицына: «Джид тройной внемъ три копейца стальныхъ четверогранные съ яблочки, яблочки граненые были позолочены. . . оправа серебряная счернью, позолочено вперевивъ; ножны покрыты гзомъ чернымъ . . .; поясъ шелковый, цена три рубли» (Ноябрь 1690 г., л. 39) [70].

Под *джидом* здесь подразумеваются копейца с ножнами, оправой и поясом как полный набор оружия такого рода. Аналогично употреблялось в ряде случаев старорусск. *сайдак* (и *саадак*, *сагодак*), см.: «Этимология. 1973». М., 1975, стр. 104—105. В отличие от первого приведенного контекста этот второй отражает метонимический перенос названия *джид*.

---

[64] Доржи Банзаров. Указ. соч., стр. 163.

[65] Опись Московской оружейной палаты, ч. IV, кн. 3. Холодное оружие. М., 1885, стр. 346; Э. Ленц. Опись собрания оружия графа С. Д. Шереметева. СПб., 1895, стр. 84; В. А. Городцов. Описание холодного оружия. (Копье и пика. Рогатина. Навершье знамени). — «Отчет императорского Исторического музея за 1911 г.». М., 1913, стр. 25.

[66] Iveković — Broz I, 1901, стр. 286; Ђ. Поповић. Турске и друге источанске речи у нашем језику. Грађа за велики српски речник. — Гласник српског ученог друштва. Књига 59. У Београду, 1884, стр. 260; Skok I, стр. 473.

[67] Sławski I, стр. 192.

[68] A. S. Krasiński. Указ. соч., стр. 271; Варшавский словарь, I, стр. 636.

[69] A. Matzenauer. Cizí slova ve slovanských řečech. V Brně. 1870, стр. 151.

[70] Опись Московской оружейной палаты, ч. IV, кн. 3. Холодное оружие. М., 1885, стр. 345. Благодаря точной датировке этой записи оказалось возможным хронологически ограничить время явно предшествующей и до сих пор не датировавшейся записи второй половины 1680-х годов (см. выше, стр. 96).

Термин был довольно редким в русских условиях и так безнадежно устарел к 80—90 годам XVIII в., что составители Словаря Академии Российской дают весьма неточное определение его семантики: «влагалище продолговатое о трех местах, в кои вкладывалися три деревянные орудия, подобные стрелам, толщиною в палец, с острыми троегранными копьецами, которые бросали обыкновенно с руки» [71], — определение, перекочевавшее в «Военный энциклопедический лексикон, издаваемый обществом военных и литераторов» (Редакторы: Л. И. Зедделер и Н. И. Греч, ч. V. СПб., 1841, стр. 94), а оттуда — в некоторые популярные работы историков [72] и даже легшее в основу толкования слова В. И. Далем: «колчан для трех только стрел», — что противоречит употреблению ст.-русского *джид*, как и отнесение В. И. Далем этого слова к заимствованиям из татарского [73].

В татарском языке слова *джид* нет. Старорусск. *джидъ*, кроме того, стоит особняком среди решительно всех приведенных славянских и тюркских форм: слово оканчивается не на *-а* (*-е*), а на согласный, и поэтому его следует сближать с калмыцким *džidᵊ*, *җид* 'копье, пика, метательное копье' [74] (восточномонгольские соответствия фонетически более далеки: монг. *жад*, бурятск. *жада* 'то же', устар. 'рогатина' [75]).

С точки зрения исторической это сближение также подтверждается. Известно, что, оставив Джунгарию в 1618 г., калмыки в 1630 г. достигли берегов Волги. И с 1640 г. начинаются разорительные набеги калмыков на земли Московского государства, причинившие огромные людские и материальные потери русским.

Лишь весной 1771 г. калмыки в количестве около 169 000 чел. двинулись в Китай, осталась на месте незначительная часть калмыков — те, что жили на правом берегу Волги и не могли присоединиться к прочим по случаю разлива реки (около 5 000 семей); со смертью же хана Чучея (в 1803 г.) калмыки потеряли какую бы то ни было самостоятельность правления в царской России.

Этим фактам полностью соответствует то, что *джидъ* появляется в русской письменности в 80—90 годы XVII в., а в конце XVIII в. составителями Словаря Академии Российской отмечается как устаревшее. Как только реалия потеряла актуальность — исчезла и актуальность названия.

Даже в случае упоминания о вооружении самих калмыков стали вместо *джид* употреблять другое название: «Он, Тюменев,

---

[71] САР [1] II, стр. 662.

[72] М. М. Денисова, М. Э. Портнов, Е. Н. Денисов. Русское оружие. . .

[73] Даль [2] I, стр. 434; Даль [3] I, стб. 1077.

[74] G. J. Ramstedt. Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki, 1935, стр. 108; Русско-калмыцкий словарь. Под ред. И. К. Илишкина. М., 1964, стр. 249 и 457.

[75] Монгольско-русский словарь. Под общей ред. А. Лувсандэндэва. М., 1957, стр. 176; Бурятско-русский словарь. Составил К. М. Черемисов. М., 1973, стр. 230.

. . .совокупно с поясненным (2-м Калмыцким. — *Г. О.*) полком сделал удар в дротики, расстроив противу стоящего неприятеля (Сентябрь 1813 г. Выписка из «Списка штаб- и обер-офицерам. . .») [76].

Для решения вопроса об источнике заимствования ст.-русского *джидъ* легко найти и текстологическое подтверждение: любопытно, что в той же описи имущества кн. Голицыных, где впервые встречается это название, упоминаются «34 стрѣлы колмыцкихъ» и «2 дерева нагольныхъ калмыцкихъ» [77].

Слово *джид* не вошло в лексический актив русского языка — оно интересно как свидетельство начала развития калмыцко-русских отношений.

Особое место среди рассматриваемых старорусских названий занимало слово *протазан*, являвшееся обозначением не только боевого, но и парадного и притом более почетного, чем алебарда, широкого копья, бывшего, например, на вооружении телохранителей и имевшего отроги внизу, в виде молодой луны, с кистью и другими украшениями [78]. О семантике этого слова как названия оружия почетного караула можно судить по употреблению производного *протазанщик*: «А какъ Иванъ Царского Величества съ грамотою у Цесаря былъ въ тѣ поры въ воротѣхъ и на дворѣ до крыльца и по крыльцу вверхъ до проходные полаты и въ полатѣ стояли протозанщики и алаборники (т. е. «алебардники». — *Г. О.*) в цвѣтномъ платьѣ » (1617 г.) [79]. Употреблялось слово и как название собственно боевого оружия: «А ружье у тѣхъ стрѣлцовъ. . . мушкеты, и замочные пищали, и алебарды, и протазаны, и бердыши, и банделеры, и лядунки. . .» (1683 г.) [80].

Первое упоминание термина в русских источниках надо относить не к 1793 [81] и не к 1614 [82], а к 1607 г.: «итить. . . съ алебарды, протазаны и бердышами» [83]. Последняя датировка находится в полном соответствии с тем, что, по утверждению историков, в России протазаны впервые появились в 1605 г. как оружие дра-

---

76 Калмыки в Отечественной войне 1812 г. Сборник документов. Под общей редакцией Б. С. Санджиева. Элиста, 1964, стр. 103—104.

77 Розыскные дела. . ., т. IV, стлб. 139 и 159.

78 Московская оружейная палата. М., 1860, стр. 255; Ю. В. Арсеньев и В. К. Трутовский. Оружейная палата. Путеводитель. М., 1911, стр. 317.

79 Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. I. Памятники дипломатических сношений с Римской империею, т. II. СПб., 1852, стлб. 1157.

80 Дополнение к Актам историческим, т. X. СПб., 1867, стр. 419.

81 Valentin Kiparsky. Russische historische Grammatik. Band III. Entwicklung des Wortschatzes. Heidelberg, 1975, стр. 106.

82 M. Fogarasi. Europäische Lehnwörter im Spiegel einer russischen Urkundensammlung. «Studia Slavica», t. IV. Budapest, 1958, fasc. 1—2, стр. 67 (Отмечена лишь форма *портозан*).

83 О. Михайлов (О. М. Радишевский). Указ. соч., стр. 76. — Здесь же, на стр. 77, имеется (в форме дат. п. мн. ч.) слово *протазанник* — свидетельство определенной освоенности термина к 1607 г.

бантов (телохранителей) Лжедимитрия [84]. Протазаны, как известно, изображены на старинной картине коронования Лжедимитрием Марины Мнишек [85]. Если кроме этих фактов хронологического и историко-культурного характера принять во внимание старопольск. *partyzana*, ж. р. 'разновидность алебарды' [86], то само собой возникает сближение русск. *протазан* в первую очередь с польским названием, а не с нем. *Partisane* 'алебарда' или франц. *pertuisane*, как это делалось прежде [87]. Конечно, заимствование термина могло идти не одним, а двумя-тремя путями, и, по-видимому, к немецкому названию восходит форма *бартазан* («...держатъ [сержанты. — *Г. О.*] свои бартазаны в лѣвой р*ꙋ*кѣ», 1698 г. Устав Вейде, стр. 102. — Картотека ДРС); однако то, что к 1607 г., придя скорее всего через польский язык, этот термин уже был достаточно активным, освоенным на русской почве, т. к. употреблялся наряду с производным *протазанник*, заставляет предполагать главным польское посредничество. (Само польск. *partyzana* < ит. *partigiana*) [88].

Промежуточной формой между польск. *partyzana* (возможно, также нем. *Partisane*) и русск. *протазан* является вариант *портозан* [89] (в форме мн. ч. «портозаны», 1614 г.). В России с середины XVIII в., с исчезновением протазанов как оружия [90], сам термин выходит из употребления и ныне используется лишь в исторической литературе. Теряя актуальность, это слово уже в XVIII в. иногда семантически отождествлялось с близким ему названием *алебарда* (в 1701 г., в описи Московской оруж. палаты все протазаны и алебарды были записаны под общим названием «протазаны», л. 63, гл. 14) [91]; это отождествление наблюдается также в XIX и XX вв. (так, М. Фасмер определяет семантику термина как «алебарда» со ссылкой: «Вигель, 1860») [92].

---

[84] П. фон-Винклер. Оружие. Руководство к истории, описанию и изображению ручного оружия с древнейших времен до начала XIX в. СПб., 1894, стр. 349; В. А. Городцов. Описание холодного оружия: топоров, бердышей, алебард, протазанов и эспонтонов. «Отчет императорского Российского исторического музея в Москве за 1906 год». М., 1907, стр. 130—131.

[85] В. А. Городцов. Указ. соч., стр. 130. — Эта картина — экспонат Московского исторического музея.

[86] M. Arct. Słownik staropolski, t. I. Warszawa, 1914, стр. 306; S. Reczek. Podręczny słownik dawnej polszczyzny. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1968, стр. 315; Linde IV, стр. 639.

[87] Фасмер III, стр. 382; Valentin Kiparsky. Russische historische Grammatik. Band III. . ., стр. 106.

[88] Варшавский словарь IV, стр. 69.

[89] M. Fogarasi. Указ. соч., стр. 67.

[90] В. А. Городцов. Указ. соч., стр. 131.

[91] Опись Московской оружейной палаты. Ч. IV, кн. 3. М., 1885, стр. 50.

[92] Фасмер III, стр. 382.

А. И. Толкачев

К ИСТОРИИ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ ФОРМ СО ЗНАЧЕНИЕМ СУБЪЕКТИВНОЙ ОЦЕНКИ (КВАЛИТАТИВОВ) ЛИЧНЫХ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН ГРЕЧЕСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ XI—XV вв. II [1]

Образование квалитативов от сокращенных основ при помощи специальных квалитативных суффиксов

I. В особую группу специальных квалитативных формантов мы включаем суффиксы, которые служат средством образования квалитативов лишь от сокращенных основ и не сочетаются с основами полными. Как и другие квалитативные суффиксы, они разделяются исследователями на отдельные подгруппы в зависимости от согласного, лежащего в их основе. Такова классификация славянских квалитативов у А. Белича. Так же поступают А. Лескин в общем обзоре словообразования литовского языка (с известной работой П. Скарджюса [2] мы не имели возможности ознакомиться) и В. Руке-Дравиня в монографии о квалитативах латышского языка. Исторически это верно, так как в основе славянских квалитативных формантов лежат согласные, и поэтому мы следуем принятой классификации. Но в некоторых случаях определенный гласный, предшествующий согласному в составе суффикса, может приобретать большое значение и проникать из одного суффикса в другой, вытесняя в последнем исконный суффиксальный гласный. Вероятно, этим процессом, который мы можем представить лишь в самых общих чертах, объясняется большое распространение в древнерусском языке XV в. суффиксов с *-у-*: *-ук-*, *-уш-*, *-ут-* и т. п. Эти суффиксы нами будут рассмотрены в качестве особой группы в следующей статье.

Среди рассматриваемых в данной статье формантов выделяется группа тех, которые примыкают к общеквалитативным суффиксам с основным согласным *-к-//-ц-*, но которые употребляются в квалитативах только от сокращенных основ, хотя в нарицательных именах они соединяются с обычными, т. е. полными основами: это суффиксы *-ка*, *-чь*, *-акъ*.

---

[1] Настоящая статья представляет собой продолжение исследования, посвященного образованию форм со значением субъективной оценки (квалитативов) греко-христианских личных имен в древнерусском языке. Начало см.: «Историческая ономастика». М., 1976; «Этимология 1973». М., 1975.

[2] P. Skardžius. Lietuvių kalbos žodžių daryba. Vilnius, 1943.

II. Образует квалитативы от несамостоятельных сокращенных основ на гласный имен мужского рода: Ива-нъ > Ива-ка, Пименъ > Пи-ка. Последняя форма дает ключ к выяснению времени появления этих форм. Личное имя Пуменъ в старших русских памятниках с *у* (*ю*) в соответствии с греческим *ŭ* (графически υ или οι) выступало в виде вариантов Пюминъ и Поуминь. Форма с *и* (Пименъ), как и многие другие личные имена, имевшие первоначально *у=ю*, появилась позже, во второй половине или конце XIV в., что было связано с влиянием греческого языка, в котором *ŭ* изменилось в *i*. Таким образом, форма Пи-ка < Пи-мен, а не Пю-ка < Пюменъ или Поу-ка < Поу-менъ, свидетельствует об образовании ее, а следовательно и аналогичных форм, от других имен в позднее время, около XIV в.

Эта дата подтверждается также некоторыми именами, дошедшими до нас в датированных текстах — грамотах: Озак Гр. 1377 (подлинная), Ивак Гр 1392—1427 (подлинная).

Образование рассматриваемых форм было связано с двумя факторами: 1) ростом продуктивности суффикса *-ка* (<*-ька*, *-ъка*), пришедшего на смену суффиксу *-ица* (ручица > ручька), а также суффиксу *-ко* (Иванъко > Иванка); 2) уже закончившимся к XIV в. процессом формирования сокращенных, в том числе вокалических, основ, допускавших присоединение почти любого или, во всяком случае, нескольких квалитативных формантов: Ми-хаилъ > Ми-ша, Ми-ха, Ми-хно, Ми-ня, а также Ми-ка.

Квалитативы с *-ка* изменялись по типу ā-основ, но некоторые из них подпадали под влияние ŏ-основ, и тогда получались формы с *-к*: Ю-к.

П р и м е р ы:

1. Ива-ка: Ивакинскую (пустошь) 1392—1427 сп., А I 12; Ивакин А II 481 [А II стр. 204; 290 л. 31]. Исх.: Ива-н.

2. Ми-ка: 8 Мики ГрБ 2, XIV/XV, село Микинское А I 228 сп. Исх.: Ми-хаил или Ми-кола, менее вероятно Ми-трофан (редкое имя). Допустимо также членение: Мик-ола > Мик-а; ср. Григории > Григ-а.

3. Пи-ка: Есипъ Ивановъ с(ы)нъ Пикин А II 117, у Пикиниче земли 1359 сп., ГВНП 106 [А II 140 сп.]. Форма образована, возможно, от Пи-мин — варианта, получившего распространение в XV в. наряду с известным в народном древнерусском языке Поуминъ.

4. Про-ка: Дмитрок Прокин А III стр. 312; (пустошь) Прокино А II 290 л. 2 об.; пожня Прокинская А II 50 сп. Исх.: Прохор, Про копии (>Про-кофии). Возможно членение Прок-опии > Прок-а; ср. Парф-ении > Парф-а, Григ-ории > Григ-а и т. п. (примеры см. выше).

5. Я-ка: деревню Якино А III 80 [А II 267]. Исх.: Я-ков. Не исключена возможность образования Як-ов > Як-а, аналогичного другим именам — см. выше.

Вариантом суффикса *-ка* является *-к*:

1. Ива-к: за Иваком ШД 110, Иваки А III 288.

2. Оза-к: оу Ильи оу Озакова 1377, А III 28. Исх.: Оза-р (Оза-рии < Азария).

3. Ю-к: Стенко Юков А II 246; Степанко Юков А II 290 л. 60 об. Исх.: Ефим; ср. совр. Ефим — квалитативы Ю-ша, Ю-шка.

Суффикс *-чь*

III. Представлен лишь в двух квалитативах: Ивачь, Степачь. Не все в этих словах ясно. Прежде всего возникает вопрос о членении этих слов: Ива-чь, Степа-чь или Ив-ачь, Степ-ачь. Мы предпочитаем первое членение, поскольку данные формы тесно связаны с только что рассмотренными образованиями на *-к*, *-ка* (Ю-к, Ива-к, Ива-ка, Пи-ка и т. п.).

Можно было бы допускать членение Ив-ачь, Степ-ачь, предполагая влияние отглагольных образований *ков-ачь* (<*кова-чь*) и т. п. (*č* < **kj*)[3] или образований от имен: Нос-ачь, Горб-ачь, Бог-ачь (ср. совр. Носачев, Горбачев, Богачев). Однако это едва ли правомерно, поскольку первые, хоть и возникли в праславянскую эпоху, а ранние примеры на них у Срезневского датируются XI—XII веками (см. слова *ковачь*, *копачь*), — были семантически слишком далеки от квалитативов личных имен, а вторые в древнерусском (славяно-русском) языке появились сравнительно поздно, не как наследство из праславянской эпохи[4] (и их *č* не из **tj*, а под влиянием *ч* в *-ачь* отглагольных образований). История второй группы образований подтверждается фактом позднего появления имен, близких семантически к квалитативам (у Срезневского редкий пример *ковачь* представлен в записи писца XVI в.), а также тем, что фамилиям типа Носачев, Горбачев в древнерусском языке предшествовали другие варианты: [Гаврилка Носов] Гр XIV/XV ШД 39, [Григорий Горбищев] 1415, ДДГ стр. 58, [Александр Горбатый] 1572, ДДГ стр. 443.

Итак, в рассматриваемых именах представлен суффикс *-чь*, возникший, вероятно, на почве не праславянского, а древнерусского языка морфологическим путем. Как уже говорилось выше (см. также материалы первой статьи), в древнерусском языке XIV—XV вв. становятся все более продуктивными образования на *-ка*, *-ко* (*-ька*, *-ъко*), пришедшие на смену формам с суффиксальным *-ц-*: *ручица* > *ручька*, *рожьць* > *рожок*, по аналогии с которыми возникают новые формы в личных именах Исакъ — Исачко, Оника — Оничка и т. п.; под влиянием последних возникает

---

[3] W. Doroszewski PF XIII, стр. 213.

[4] И. М. Железняк. Очерк, стр. 54.

чередование и в вариантах квалитатитов: Ивак — Ивачко, Мик — Мичко и т. д., а из вторичных квалитативов Ивачко, Мичко и т. п. выделяется новый вариант квалитатива с суффиксом *-чь*.

Примеры:

1. Ива-чь: Ивачя Свеневиця ЛН 47 (1186), Иваца (*ц* вм. *ч*) тж. 100 об. (1224), 144 об. (1268); Ивачевского озерка 1492, А II 290 л. 22 об.

2. Степа-чь: к Степачеву 1465—66, А I 463.

Приведем также формы квалитативов с полиморфемными суффиксами *-ч-ко*, *-ч-ка*, которые с точки зрения чисто грамматической (синхронной) представляли собой осложнение суффикса *-чь*, а исторически ему предшествовали:

1. Ива-ч-ка: р. п. Ивачка 1484—90, А II 481; ср. там же: Оничка Ивакин.

2. Ми-ч-ко: (пустошь) Мичково 1462—66 сп., А I 321; земля Мичково 1495—99 сп., А I 585.

IV. Из других суффиксов, образованных на базе суффикса *-к* (*-ка*)//*-чь*, отметим следующие:

1. Суффикс *-ча*

1. Фед-ч-а: брат Фетчин 1450—70 сп., А III 393 а; Фетча Фефилатьев тж.

2. Ортем-ч-е: Ортемче Филатов 1435—47 сп., Дебольский 2.

Суффикс *-ча*, как видно по материалу, очень редкий и судить о его происхождении очень трудно. Во всяком случае он не восходит к праславянскому **kj*, а образовался позже на почве древнерусского языка. Правда, подобные образования известны еще в сербо-хорватском языке и закарпатских говорах [5], но эти реликты на фоне общего славянства не столь значительны, чтобы можно было их возводить к праславянской основе. Допустимы разные морфологические объяснения данной формы. Например (это нам кажется более правдоподобным), его можно рассматривать как морфологический вариант к суффиксу *-чь*, возникший по аналогии с другими суффиксальными парами, в которых чередуются варианты с конечным *-а* и *-ь* (>нуль звука): *-ша*//*-шь*, *-ха*//*-хъ*, *-уха*//*-ухъ*, *-уша*//*-ушь* (см. в соответствующих разделах статьи). Формы на *-ча* спорадически встречаются и в современном языке: Таня > >Танча, грамматически она тождественна форме Федя > Федча.

Что же касается формы Ортемче, то здесь, вероятно, представлена звательная форма к Ортемча, употребленная в роли именительного падежа.

2. Суффикс *-оча*

Представлен в одном примере: Иг-натеи > Иг-оча: Игнатеи прозвище Игоча 1375 сп., ГВНП 284. Он, по-видимому, возник

---

[5] И. М. Железняк. Очерк, стр. 53.

в результате морфологической контаминации, с одной стороны, разных суффиксальных квалитативов, в которых согласному суффикса предшествовал гласный *о*, суффиксальный (*гняд-ош*) или несуффиксальный — часть основы (Иво-ня), а с другой стороны, квалитативов с суффиксом *-ч-а* (Фед-ч-а).

3. Суффикс *-чик*

В северных памятниках XV в. нам известен единичный пример: Олферчику 1459—60, А II 171. Исх. было Олферко > (*Олферк-ик) > Олферч-ик > Олфер-чик. Ступень *Олферкик, разумеется, в языке XIV—XV в. не существовала; по аналогии с уже давно установившимися чередованием *к//ч*, *г//ж*, *х//ш*, сразу же возникла форма Олферч-ик, в которой впоследствии грамматически выделяется суффикс *-чик*.

Суффикс *-ак-*

V. Данный суффикс восходит к *-*āко*- индоевропейского праязыка, где он представлял собой сочетание первичного суффикса -*к*- с гласным *ā* основы имени с абстрактным значением [6]. Судьба его, видимо, не совпадала с судьбой суффикса -*ак*- в именных основах женского рода, обозначавших конкретные явления и вытесненных впоследствии суффиксом *-*ik*- (из *ī*-основ) >слав. -*иц*-. Рассматриваемый суффикс *-*āко*- служил затем для образования имен от различных основ, но, вероятно, уже в балто-славянскую эпоху мог иметь также квалитативное значение.

И. М. Железняк в своей книге о сербо-хорватских квалитативах высказывает предположение, что «суффикс -*ак*- (*-*ак*-) в славянских языках имеет относительно недавнее происхождение и в памятниках старославянского языка почти не встречается» [7] (она ссылается на данные о старославянском языке в книгах А. Мейе [8] и В. Вондрака [9]). Эта ссылка на памятники старославянского языка мало убедительна, потому что они, со своей специфической тематикой и содержанием, могли квалитативы с -*ак* не отразить (они слабо отразили даже продуктивные формы, например, образования на -*ица*), поскольку, как признает сам автор книги, «для суффикса -*ак*- (<*-*ак*-) вообще характерна сфера славянской разговорной лексики» [10]. С другой стороны, тот факт, что ранние примеры употребления этого суффикса в сербохорватском, русском и польском [11], то есть в языках, принадлежащих к разным славянским группам, датируются довольно ран-

---

[6] K. Brugmann. Grundriss II, 1, стр. 498.
[7] И. М. Железняк. Очерк, стр. 41.
[8] A. Meillet. Études II, стр. 329.
[9] W. Vondrák VSG II, 1906, стр. 457.
[10] И. М. Железняк. Очерк, стр. 41.
[11] Там же, стр. 40.

ним периодом (XII—XIII вв.), свидетельствует о его праславянской древности.

Кроме того, славянский формант *-ак-* имеет параллель в балтийских языках в виде литовск. *-ōkas* (*teliōkas* 'не слишком маленький теленок', *nameliōkas* 'домишко' и т. п.), латышск. *-āks* (*telāks* 'теленок' и т. п.) [12]. Этот параллелизм свидетельствует, что формы балтийских и славянских языков восходят к одному и тому же балто-славянскому источнику. Правда, не все здесь ясно, поскольку соответствующие балтийские формы продуктивны в областях, близких к территории распространения славянских языков — восточно-литовских и юго-восточных латышских говорах, и менее продуктивны в западных, отдаленных от славянских территорий областях, в связи с чем становятся допустимыми два теоретически возможных объяснения балтийских форм: или прямое заимствование указанных суффиксов из славянских языков, или сохранение, консервация уже существовавших в языке исконных суффиксов под влиянием и в связи с тесными контактами балтийских языков со славянскими. В. Руке-Дравиня, специально занимавшаяся латышскими деминутивами, высказывается в пользу второго предположения [13].

В древнерусском языке суффикс *-ак-* известен давно и образует имена собственные нейтральные главным образом от основ прилагательных (и порядковых числительных) и реже от основ существительных:

1. Вешняк: Вешнѧк Баландин А III 305.
2. Грибак: Грибакин сын Трофимъко А III 408 (2).
3. Рудак: Рудаку Яковлеву сыну А III 307 сп. XVIII.
4. Третьяк: Третьяк. . . Савин А III 395 сп., 410 сп.
5. Худяк: Худяк Есипов сын А III 408.
6. Шестак: Левуни Шастакова А II 290 л. 12, Оникѣи Шастаков А II 290 л. 14 об.

Используется он и при образовании квалитативных форм от греко-христианских личных имен — от разных основ: нейтральных (полных односложных): Петр-ак, и квалитативных: Спир'-ак.

Примеры:

1. Образования от полных нейтральных основ:

1. Евс-ак: (пустошь) Евсаково 1510, А III 473. Исх.: (Еупсухии=Еупсюхии) > Евпсухии. Затем на базе этой формы возник ряд вариантов имени: 1) Епсухии (выпадение *в*); 2) Евсухии (выпадение *п*), откуда Евсуфии, Елсуфии, Олсуфии, Ельсоф, Онсуп; Евсак непосредственно связано с Евс-ухии//Евс-уфии.

---

[12] J. Endzelīns LVG, § 188; J. Endzelīns BVSF, § 46; V. Rūķe-Draviņa, стр. 289—294.
[13] V. Rūķe-Draviņa, стр. 292—293.

2. Петр-ак: Петрака А III 446 сп.

3. Сил-ак: Борис Ильин сын Силаков 1501, А III 367 сп. XVIII. Образовано не от славянского нарицательного Сила, а от омонимического с первым греко-христианского имени Сил-а.

2. Образования от квалитативных основ.

В эту группу входят:

а) редкие образования от несокращенных основ. Возможно, к таким относится форма Миняк: (деревня) Миняково А II 290 л. 17 об. Исх. могло быть: (Мин-а) > Мин'-а > Мин'-ак. Но допустимо также: (Ми-хаилъ) > Ми-н'-а > Ми-н'-ак.

б) Образования от усеченных основ

1) С конечным твердым согласным:

1. Ерм-ак: оу Ермак(а) 1392—1427, А I 11; Ермак 1393, А III 292 сп. [А I 539, А II 290 л. 6, 8, А III стр. 86]. Исх.: Ерм-ола или Ерм-ул (//Ерм-ил).

2. Ман-ак: Мана*к*, Манака А II 481, Манако*в* А II 290 л. 27 об. [А II 86 сп., 238, 290 л. 25]. Исх.: Ман-уилъ//Ман-уило.

3. Манд-ак: Савка Мандаков А II 285, 290 л. 15. Исх. неясно. Тюркское происхождение имени, которое можно заподозрить при взгляде на внешнюю звуковую форму слова, исключено, поскольку оба текста составлены на Севере, в районе Кирилло-Белозерского монастыря, далекого от территорий, отмеченных татарским влиянием. Может быть два объяснения формы: 1) предполагать в ней суффикс *-д-*: Ман-уилъ > Ман-ак > Ман-д-ак; ср. Ван-д-ыш (<И-ван-); Епихан-д-инко (<Епихан-<Епифан-); 2) можно также усматривать здесь ассимиляцию *нт* > *нд* в заимствованном слове: Мартурии (=Мантюрии) > Мартурии > Мантурии (этот вариант имени в древнерусском языке хорошо известен) >Мантак > Мандак; ср. Европии > Онтроп > Ондроп (ср. совр. фамилию Андропов с книжным *А-* вм. народно-разговорного *О-*). Непонятно только то, на почве какого языка эта ассимиляция совершилась: древнерусского или среднегреческого, где она была известна [14] и могла отразиться в лексических заимствованиях более позднего времени, проникших в русский язык из греческого разными путями: литературно-книжным и устным. В связи с последним заметим, что в известном древнерусско-греческом разговорнике, вероятно, XV в., но по списку XVI, — «Речь тонкословия греческого» (издан М. Фасмером [15]), в котором греческая часть транскрибирована славянским алфавитом, ассимиляция греческого языка *nt* > *nd* отражается во множестве примеров.

4. Мартак: Мартакъ Петровъ А III 274. Исх.: Март-урии (//Март'-ирии — в народную речь этот вариант проник позже). Возможно, это татарское заимствование (?): в той же грамоте ряд иноязычных, тюркского характера, образований.

2) С конечным мягким согласным:

---

[14] K. Dieterich, стр. 104; S. B. Psaltes, § 189.

[15] M. Vasmer. Ein russisch-byzantinisches Gesprächbuch. Leipzig, 1922.

1. Кост'-ак: Ондрѣи Костяков А II 273. Исх.: (Костянтин) > >Кост'-а > Кост'-ак или Кост'-антин > Кост'-ак.

2. Спир'-ак: Спиряк, Спиряка А III 288 [А I 524]. Исх.: (Спуридонъ=Спюридонъ) > Спир'-идон > Спир'-а > Спир'-ак или Спир'-идон > Спир'-ак.

3. Чупр'-ак : (пустошь) Чюпряково XV, Мейчик стр. 118а. Исх.: (Куприанъ=Кюприанъ) > Чюпр'-еян > Чюпр'-ак.

Известна особая, возможно незакономерная, квалитативная форма, образование которой нам неясно; это — Сум-ак: Ощепок Сумаков 1489—1506, А II 281. Можно было бы предполагать, что она связана с Сумеонъ=Сюмеонъ > Сум-еонъ. Но эта форма к XV в. уже вышла из употребления, и в народной речи в XV в. господствовали варианты Семенъ (=Сем'он) и Сменъ (=См'он или См'ен?).

Среди рассматриваемых нами форм встречаются изредка образования от сокращенных суффиксальных основ:

1. Ми-ш-ак: Мишак А II 290 л. 8 об., Осташ Мишаков А II 287 [А III 200, 277]. Исх.: (Ми-хаилъ) > Ми-ш-а.

2. Фе-ш-ак: купилъ. . . у Фешака ГВНП 296 сп. Исх.: Фе-дор) > Фе-ш-а.

Наконец, отметим спорадическое, необычное для данного типа, образование от полной (неодносложной) основы: Есип-ак: (взяти) у. . . Есипака XV, СПД 116.

Суффикс *-хъ* (*-ха*)

VI. Один из древних суффиксов: возник в результате изменения *s* в положении после *u*, *i*, *r*, *k* [16]. В процессе развития языка на славянской почве могли получиться фонетически и затем в результате переразложения морфем суффиксы *-ъх-*, *-ьх-* (а также *-ух-*, *-их-*, если *у*, *и* восходят к определенным дифтонгам и долгому гласному *i*), *-ch-a* (после *r*; но **k-ch* > *ch*). Впоследствии в результате различного рода аналогий и обобщений возникают и другие суффиксы: *-ах-(а)*, *-ох-(а)*, *-ех-(а)*. Образования с *-х-* в нарицательных и личных именах в различных славянских языках разнообразны и многочисленны (свод этих форм см. в книге П. Смочинского [17]).

Это обобщение форм произошло и в личных именах, в которых независимо от предшествующего звука (гласного или согласного) употребляется обычно суффикс *-х-а*.

Таковы были образования от дохристианских имен: Жиро-хъ (Жиро-славъ): д. п. Жироху ЛН XIII—XIV, 130 об. (1257). Дохристианские имена, несомненно, способствовали образованию анало-

---

[16] Основная литература по этому вопросу: H. Pedersen IF V, стр. 33—87; V. Machek LP IV, стр. 111—136.

[17] P. Smoczyński. Słowiańskie imiona pospolite i własne z podstawowym -*ch* w części sufiksalnej. Łódź, 1963.

гичных форм от заимствованных греческих имен. Суффикс *-ха* (*-хъ*) в этих последних, как и в исконных славянских именах, образует квалитативы от сокращенных основ. В словоизменении данного типа квалитативов наблюдается колебание: одни из них изменяются по типу ā-основ (суффикс *-ха*), другие как ŏ-основы (суффикс *-хъ*), и, наконец, третьи изменяются по типу тех и других.

Примеры:

а) суффикс *-ха*

1. Епиха: Епиха А III 349 сп. XVIII, А III 350. Исх.: Епифании.

2. Ивоха: Ивоха АФЗ I 12 л. 20 об. сп. Исх.: (Иона) > Иво-на.

3. Мелеха (=Мел'оха): Прибыток Мелехин 1509, АФЗ I 130 сп. Исх.: (Мелетии) > Меле-нтии > Мел'о-; возможен другой вариант: (Омельян) > Мелjан > Мел'-оха (суффикс *-оха*).

4. Олуха: внучат. . . Олухиных А III 3. Исх.: (Алипии или Олумпии=Олюмпии — имена смешивались) > Олуп-ии > Олу-п. В памятниках известны и другие формы этого имени: Олупка, Лупка.

5. Перха: Перхин 1397—1427 сп., А II 26 [А II 287, 296 стр. 253]. Исх.: (Порфурии=Порфюрии) > Пер-хурии.

6. Тимоха: Тимоха (и. п.) А II 401, Тимохину дочь А III 422 [А I 90, 571, 616, А II 402, А III стр. 404, АФЗ I 39 л. 52 и др.]. Исх.: Тимо-феи.

Суффикс *-х-*(*а*) предполагается и в таких образованиях, как:

1. Вахоня: Вахоня 1491—92 сп., АФЗ I 12, л. 23 об. Исх.: (Ва-силии) > Вах-а > Ва-х-он'-а.

2. Лехоня: Лехоня 1490—91, тж. л. 20. Исх.: (Олексеи > Ле-ксеи) > Ле-х-а > Ле-х-он'-а.

б) суффикс *-х*(*ъ*)

1. Деме-х: Демеховых 1400—10 сп., А I 17; Демех А I 100 сп. [А I 51, А II 285]. Исх.: (Дометии) > Деме-нтии.

2. Доро-х: Дорох, Дороху А II 407. Исх.: Доро-феи.

3. Меле-х: к Мелеховке (деревня) А III 329 сп., Мелех А II 227 сп., Мелехов А II 481 [А II 324, А III 242]. Исх.: (Меле-тии) > > Меле-нтии > Меле-х > Мел'о-х. Но возможно также: (Е-мел'-jан) > Мел'-ох, ср. совр.: Емельян—Мел'оха.

4. Митро-х: пустошь Митроховская 1628, А III 294. Исх.: Митро-фан.

5. Ми-х: (от) Миха ГрБ 364, XIV/XV. Исх.: Ми-хаил (//Михаи-ло).

6. Сте-х: р. п. Стехова А I 600 сп. Исх.: Сте-пан.

7. Тере-х: Терехо*в* са*д* 1401—02 сп., ДДГ 17, Терех А II 116, д. п. Тереху А I 251, Терехъ, р. п. Тереха XV, ШД 11; произношение *'о* отражается в написаниях: (от) Тероха, д. п. Терохѣ ГрБ 300, к. XIV [ШД 94, ГрБ 162, А I 257, 340, А II 258, 463, А III 284]. Исх.: Тере-нтии > Тере́-х // Те́ре-х > Тер'о-х.

Дополнительно отметим:

1. Вторичное образование с суффиксом *-'ах*: Елях 1498—99 сп., АФЗ I 166 л. 199. Исх.: Ел'- исеи (?) > Ел'-ах.

2. Образование от негреко-христианского имени: Съвохъ съ сыномъ 1399 сп., ГВНП 110. Исх., вероятно: Сво-и > Сво-х (если допустить вставку ъ в рукописи чисто графической, незаконной); ср. образование от основ прилагательных, правда, несколько иного морфологического состава: Пуст-ох.

В некоторых именах наблюдается колебание в формах склонения. Таковы имена:

1. Вах // Ваха: а) Гридко Вахов 1474—75 сп., А I 425: б) Кондрат Вахин 1460—70 сп., А III 262.

2. Олех // Олеха: а) Олеху Поколотову (д. п.) XV, ШД 76, (деревня) Олехово 1430, А I 71 (вероятно, не Ольхово от Ольха); б) Олехи (вм. Олехѣ) Осѣву 1483—1503, А III 323 а. Исх.: Олекса (ср. совр. Алексей—Алёха).

Суффикс *-хно* (*-хне*)

VII. Первые примеры квалитативов греко-христианских имен с данным суффиксом датируются серединой и второй половиной XII в.: Сме-хно 1147 г, Про-хно 1147 г. (<Прокопии, но возможно и Прох-но < Прох-оръ), Ми-хно 1174 г. (<Ми-хаилъ, но возможно и Мих-но). Уже эти ранние примеры доставляют трудности в их морфологическом членении. Очевидно, что мы будем разделять их на определенные морфемы в зависимости от того, как мы объясним происхождение самих форм.

В свое время В. Симович предложил объяснение; исконным тут был суффикс *-но*, который в греко-христианских именах присоединялся первоначально к основам с конечным *-х-*: Мих-аил > Мих-но, Ев-тих-ии > Тих-но, а затем, объединившись с этим *-х-* в единый суффикс *-хн-о*, стал присоединяться ко всем другим основам: Сме-нъ (<Семенъ) > Сме-хно [18]. С этой теорией трудно согласиться. Во-первых, потому, что автор исходит из предположения о существовании в языке готовых, сформировавшихся основ Мих- (Михаилъ), Тих- (Евтихии), между тем как процесс выделения квалитативных основ шел другим путем (об этом ниже). Во-вторых, отметим, что форма Смехно < Сьме-хно (<Сьменъ < Семенъ — эти варианты известны в памятниках) появилась в древнерусских текстах раньше квалитатива от предполагаемой основы на *х*: Мих-но, так что едва ли можно, если иметь в виду сам язык, говорить о более раннем появлении этой последней формы. Наконец, следует иметь в виду, что квалитатив Тихно является поздним образованием от позднего варианта нейтральной формы Ев-тих-ий, а не ранним, как думает В. Симович, потому что в русском языке старшего периода это имя выступало в двух вариан-

[18] В. Сімович. Українські чоловічі имення, стр. 111—112.

тах: Евтюхии, а несколько позже (или одновременно) Евтухии и квалитативы от них могли иметь форму Тюхно или Тухно.

Суффикс *-х-но* объясняется, очевидно, иначе. Он был древнего происхождения и зафиксирован в дохристианских личных именах: Жихно (более позднее Жихне): Жихне (и. п.) до 1270 г., Обн. Барх. 16, Жидило Жихновичь до 1299, тж. 20. Первоначальная его форма была *-х-ьн-о*, где *-ьн-* известный в славянских языках суффикс, представленный и в других сложных суффиксальных образованиях, например в прилагательных *-ухный*: блр. *слабюхный*, в существительных *-ухна*: блр. *старухна* (аналогичные формы есть и в польском языке); в этом суффиксе *-х-ьн-о* звук *х* перед ь сохраняется без изменения, что говорит о сравнительно позднем его образовании [19].

В дохристианских именах суффикс *-хьно* > *хно* присоединялся к сокращенным основам на гласный Жи-хно, Бело-хно (эту форму указал в новгородских памятниках Г. Эрикссон [20]). Позднее с этим суффиксом стали образовываться квалитативы от греческих заимствованных имен, в которых, как и в древнерусских языческих именах, словообразующая основа оканчивалась на гласный: Гри-гории > Гри-хно, Ми-хаилъ > Ми-хно (а не Мих-но, как полагал В. Симович [21]). В древности квалитативы на *-хно* были довольно широко распространены. Много примеров подобных образований приводит из древнерусских и староукраинских грамот В. Симович [22], а из новгородских памятников XV—XVI вв. — Г. Эрикссон [23]: Стехно, Юхнов, Остахно; деревня Ивахново, деревня Белохново (материалы Г. Эрикссона), Ивахно, Сихно (Сисинии), Семахно, Сехно (Семен) и др. (В. Симович). В наших материалах известны следующие образования:

1. Гри-х-но // Гри-х-не: а) Иванъ Грихнов сн҃ъ ШД 94, Терьхъ Грихновъ тж, Грихно 1501—05 сп., Корецкий, Приложение 2, б) Грихне Павловъ ШД 84.

2. Ма-х-но: Махново сиденье ГВНП 344 сп. Исх. неясно. В. Симович, следуя своей теории, возводит к Епи-мах-ъ; очень редкое имя; допустимо также Ма-нуилъ.

3. Ми-х-но: Михно ЛИ 202а (1174); Михненково село А III 58а. Исх.: Мих-хаилъ.

4. Оле-хно, Ле-хно: Олехно 1388 Укр. 22, А I 379, СШД 116, Лехно 1378, Укр. 13. Исх.: Оле-кса // Оле-ксеи, Ле-ксеи.

5. Про-хно: у Прохна 1147 сп., ГВНП 102. Исх.: Про-копии (или Про-хоръ, Прох-оръ?).

6. Сме-х-но: у Смехна 1147 сп., ГВНП 102. Исх.: Сумеонъ-Сюмеонъ) > Семенъ > Сьменъ > Сме-хно.

---

[19] Ср.: А. Belić AfslPh, XXIII, стр. 185—186.
[20] G. Eriksson ScSl VII, стр. 191.
[21] В. Сімович. Українські чоловічі ймення, стр. 111.
[22] Там же.
[23] G. Eriksson ScSl VII, стр. 191.

Суффикс *х-н(о)* мог осложняться другими формантами:

1) *-х-н-еј*: Ва-хн-о > Ва-хн-еј: Вахнеи А I 470 сп., Вахнѣи 1504—05, А III 224.

2) *-хн-енко*: Михненково село 1470—72 сп. А III 58а.

Влияние *-хн-о* было причиной появления суффикса *-ухн-а* наряду с исконым *-ух-а*: Ел-юха > Ел-юхн-а: Елюхна 1491—92, АФЗ, I 12, л. 25 об.; ср. белорусск. *стар-ухна*, *добр-ухна*[24].

Суффикс *-ша (-ъша, -ьша)*

VIII. Восходит к праслав. **-ch-io*[25]. Суффикс прослеживается также в ближайше родственных, балтийских языках, но не непосредственно, а через посредство других суффиксальных образований — суффикса *-ухъ*, который сближается с литовским суффиксом суперлатива *-iaus*[26] (об этом см. ниже).

В древнерусском языке старшего периода этот суффикс был широко распространен в дохристианских именах, где он имел два типа образований:

а) от основ на гласный:

1. Воити-ша: в. п. Ивана Воитишича ЛИ 119 об. (1146); (тж. 120, 1146). Возможно также Воит-иша (?).

2. Дома-ша: Дмитрѣ Домашиницъ ГВНП 346. Исх.: Домаславъ.

3. Миро-ша > Миро-шка: Мирошка ЛЛ 141 (1200). Исх.: Мирославъ (или Миронъ?).

4. Мьсти-ша: (отьцъ) Мистишинъ ЛЛ 15 (945), (отьцъ) Мьстишинъ ЛИ 21 об. (947). Исх.: Мьсти-славъ.

5. Ради-ша: Радишею 1240—42 сп. или XIV в., ГВНП 348. Исх.: Ради-миръ.

6. Свято-ша: С(вя)тоша ЛИ 92 об. (1077), С(вя)тошю, къ С(вя)тоши тж. л. 93 об.

б) от основ на согласный, твердый или мягкий (исконно полумягкий):

1. Бог-ъша: д. п. Богъши Надп. 1161, Рыбаков 27, Богъша ГрБ 88, 60—70 XIII; (от) Богош (вм. Богъши) ГрБ 114, XII—XIII. Исх.: Бог-уславъ.

2. Дан-ьша: ау Даньши, Даньша ГрБ 336, XI/XII, Даньша ГрБ 219, XII—XIII. Исх.: Даньславъ: ср. в Новгороде Великом была известна Даньславля улица; менее вероятно (Даниилъ) > Дан'-ил с мягким *н*.

3. Пут-ьша: Путьша, Путьшю (в. п.) ЛЛ 45 об. (1015); Путьша ЛИ 50, 50 об. (1015), Путьшю тж. 50.

4. Рат-ьша: Ратьша ЛИ 119 (1146), Ратшу ЛИ 145 (1268), у Ратше ГрБ 348, 60—70 XIII, оу Ратше ГрБ 320 XIII/XIV. Исх.: (Ратиславъ) > Рат-иславъ.

---

[24] A. Belić AfslPh, XXIII, стр. 186.
[25] См. И. М. Железняк. Очерк, стр. 32.
[26] A. Belić AfslPh, XXIII, стр. 184.

5. Стан-ьша: ау Станшѣ оу Борисъва ШД 28. Исх.: Станиславъ.

Кроме приведенных, известен ряд квалитативов от основ с менее прозрачной этимологией:

1. Баи-ша: у Вавулы да у Гаврила у Ба(и)шины(х) ШД 62 сп.
2. Бак-ша: (у) Бакшина у Осѣя ШД 61 сп.
3. Нел-ша (или Нель-ша): Михалъ Нелшин А II 483 сп.
4. Марак-ша: Маракшинскую земли ГВНП, 266, 267.
5. Мои-ша: землю. . . Моишинскую 1150 сп., ДАИ I 4 стр. 6 б.
6. Опа-ша: Семенко Опашінь ГВНП 278.
7. Торо-ша: в Торошину рѣку XV сп. XVIII, ГВНП 346 (список Кеппена).

Рассмотренные нами два типа образований от основ на гласные и согласные дохристианских имен исторически восходят к одному типу — основ на гласные, потому что в таких формах, как Даньша, Богъша и т. п., *ь* и *ъ* первоначально относились к основе (Дань-ша, Богъ-ша), а сами слова морфологически ничем не отличались от таких, как Мьсти-ша и т. п. Только к середине XII в., когда в говорах древнерусского языка или закончился, или заканчивался процесс утраты редуцированных *ь*, *ъ*, произошло расщепление единого типа квалитативов с суффиксом *-ша* на две разновидности образований: от основ на согласные (Дань-ша > >Дан'-ша, Богъ-ша > Бог-ша) и на гласные (Мсти-ша). Эти два реальных типа образований от дохристианских имен обусловили появление аналогичных типов квалитативных образований от заимствованных греческих имен.

Ранние примеры квалитативов с *-ша* от греческих имен датируются серединой XII в.: Гридша 1157 г., Прокша 1207 г., Клиша XII, Прокоша XII в., Миша 1228 г. Подобные квалитативы принадлежат к числу продуктивных образований. Нижеприводимые формы мы разделяем на две группы: а) образования от основ на гласные и б) образования от основ на согласные.

а) образования от основ на гласные:

1. Гри-ша: Гриша А I 73 сп., у Гришине дочери ШД 64 сп. [А II 290 л. 29 об., 407, А III 90].
2. Де-ша: Деша АФЗ I 103 л. 118. Исх.: Де-ментии < (Дометии) или Де-мьян (<Дамианъ).
3. Доро-ша: оу Дороши ШД 35. Исх.: Доро-феи.
4. Ива-ша: Иваша А II 290 л. 31.
5. Игна-ша: Игнаша А II стр. 311, А III 220.
6. Кли-ша: (от) Клишь (вм. Клишѣ // Клише) ГрБ 159, 60—70 XII, Клиша АФЗ I 22 л. 34 об. сп. Исх.: Кли-ментъ (-нтии).
7. Лео-ша: Леоша А II 260 сп. Исх.: Лео-нтии, Лео-нидъ.
8. Мики-ша: у Микиши ГрБ 11, XV/XVI. Исх.: Мики-форъ.
9. Ми-ша: Миша ЛН 115 (1232), 105 (1228); 1397—1410, А II 3 сп. и др., Михаила Мишинича ЛН 147 (1269) [ЛН 136 об. — 1257, 116—1232 и др.].

10. Оле-ша (фонетически в разные эпохи было Олеша, Ол'оша): у Олешы А II 168 [А I 467, А II 233, 401; стр. 430; А III 395]. Вариант: Леша, Лешу, 1462—64 сп., АФЗ I 103 л. 116.

11. Она-ша: земли Ѻнашиньское XV, ШД 96. Исх.: Она-ния (|| Онанъ).

12. Онки-ша: Онкиша 1507, АФЗ I 104 сп. Исх.: (Иакинфъ > >Окинф) > Онки-ф.

13. Онтю-ша: р. п. Онтюшинские (деревни) А I 554 сп. Исх.: (Евтухии=Евтюхии) > Онтю-фии; ср. совр. фамилию Антюфеев. Ср. Онтушь — см. ниже.

14. Па-ша: после Паши, Пашин покос А II 383 [ГВНП 93, АФЗ I 12 л. 23]. Исх.: Па-вел.

15. Поро-ша: Бориско Порошин А II 383. Исх.: (Парамонъ) > Поро-ман (эта форма с *-оро-* вм. *-ара-*, возникшим под влиянием *-оро-* в русских словах, известна по памятникам).

16. Проко-ша: (от) Прокошь (вм. Прокоше < Прокошѣ) ГрБ 115, 70—90 XII. Исх.: Проко-пии (> Проко-фии).

17. Ти-ша: д. п. Тише 1521, А III стр. 408 сп. Исх.: (Тухонъ= Тюхонъ) > Ти-хон (поздний вариант имени; старшие варианты Тюхонъ, Тоухонъ).

18. Тро-ша: Троша А II стр. 254 сп. [А II 260]. Исх.: Трофимъ.

19. Тю-ша: з Дѣем с Тюшынским А III 163. Исходная форма не совсем ясна. Это может быть: Евтю-хии || Евтю-х (Евтух || Овтух ||) > Евтю-ша > Тю-ша. Неясность происходит от того, что квалитативная форма зарегистрирована в XV в., а ее нейтральная основа с *'у* (граф. *ю*) была характерна главным образом для древнерусского языка старшего периода, в то время как в народном языке XV в. господствовала форма с *у*: Евтух (> Олтух) и распространялась форма с *и* (Евтихий). Таким образом, в русском языке XV в. квалитатив рассматриваемого имени должен был иметь формы Евту-ша (ср. совр. Евтушенко) или Евти-ша. Но ср. также совр. фамилию Антюфеев, основа которой с *'у (ю)* восходит к старшему варианту имени (а начало *Ан-* вм. *Ев-* отражает более позднее изменение звуков).

20. Ю-ша: Юша, съ Юшею А II 285. Исх.: Е-фим > Ю-ша; ср. совр. Ефим—Юша.

21. Ма-ша: Машу ДДГ стр. 347; А III 395 сп. Исх.: Ма-рия.

22. Фи-ша: сестра Фиша, Фишину бабку 1501, А III 446 сп. Исх.: Ев-фи-мия || О-фи-мия.

б) образования от основ на согласные:

1. Гав-ша: Гавшинича ЛН 139 об. (1258), и. п. Гавша А III 474 [А I 257, А II 286, ГВНП 323]. Исх.: Гаврилъ (-ло, -ла).

2. Григ-ша: (от) Грикши ГрБ 3, XIV/XV. Исх.: Григ-ории или Григ-а.

3. Грид-ша (=Гридьша > Грид'-ша): оу Гридшины (х) воротъ ЛИ 174 об. (1157). Исх.: Грид'-а (см. выше).

4. Дем-ша: Коняи Демшин А I 428 сп. Исх.: (Дамианъ > Дем'-јанъ) > Дем-јанъ > Дем-а или Дем'-ентии > Дем-а по аналогии с Демьян — см. выше.

5. Ев-ша: Евшиньское село Гр XIV, Лопарев 173, Евша ШД 68, 84 [А II 168]. Исх.: Ев-севии > Ев-сеи; ср. ниже Овша.

6. Ерем-ша: Еремъшоно селищко, (земля) Еремшино А II 388 [А II стр. 425]. Исх.: Ерем-а (см. выше, § 2).

7. Кир-ша. В памятниках XV в. не встретилось, но форма известна: ср. автор сборника народных песен Кирша Данилов. Исх.: Кир-а с твердым *р*, а не Кир'-ила с *р* мягким.

8. Клим-ша: (деревня) Климшино А II 290 л. 29 об. (А II 259). Исх. не Клим-ент(ии) с *м'*, а его вариант Клим-ъ, который, вероятно, является не усеченной формой нейтрального имени, а славянской передачей среднегреческого именного варианта Κλήμης.

9. Кон-ша: Конша А II стр. 541 [АФЗ I 166 л. 200 об.]. Исх.: (Кон-онъ) > Кон-ан или, менее вероятно, Кон-дратии. Сюда же, возможно, Кун-ша: Офоносе Куншине XV, ГВНП 322 (мена *о* > *у* в именах известна).

10. Лев-ша: (пустошь) Левшину А II 192 [А II 287]. Исх.: (нейтральное Лев-ъ) > квалитатив Лев-а или (Леонъ) > Лев-онъ, (Леонтии) > Лев-онтии; ср. Лео-ша.

11. Леп-ша: Лепьшинское село Гр XIV, Лопарев 173 (*ь* после *п* неясно). Исх. неясно.

12. Мат-ша: Иван Матшин А II стр. 314. Исх.: Мат-феи // Мат-веи.

13. Мик-ша: Микшиньское село Гр. до 1270, Обн. Барх. 16; (земля, пустошь) Микшино А I 185, 219. Исх.: Мик-ола (или Мик-ита, но менее вероятно: при нем было Мики-ша).

14. Ов-ша: Овшина села ГрБ 1, XV. Исх.: Ов-сеи (// Ев-сеи, Евсевии); ср. Ев-ша.

15. Олек-ша: Варвару Гюргевую Олекшиниця ЛН 55 об. (1195). Исх.: Олек-са (// Олек-сии, Олексеи) или Олек-сандръ.

16. Оник-ша: Оникша АФЗ I 166 л. 197 об. сп. Исх.: (Иоанникии) > Оник-еи.

17. Ор-ша: у Митеры Оршева сына ШД 65 сп. Исх.: Ортем(а) // Ортемии.

18. Пав-ша: с посадникомь Павшею ЛН 150 об. (1272), Павше Онаньичю тж. 146 об. (1268) [А II 267, А III 272, ГВНП 31, 32, 276, 346]. Исх.: Пав'-ел, р. п. Пав'ла > Пав-ла (падежные формы в большинстве случаев с твердым *в*); возможно, было Пав'ша > Павша. Другой вариант того же имени Пал-ша; пустошь Палшево 1686, А III 289, 289а сп. Форма Палша соотносится с распространенным именем Пал-ка, которое связано с основой Павл- > Пал- (ср. совр. Пал Палыч вм. Павел Павлыч) и не имеет никакого отношения к нарицательному имени палка.

19. Парам-ша: икона. . . Парамшина дела 1358, ДДГ 4 б. Исх.: Парам-онъ.

20. Пар-ша: и. п. Парша, в. п. Паршу, р. п. Парши А III 31 [А II 288, 392]. Исх.: Парменъ (а также Пар-амонъ?).

21. Пер-ша: слугу Першу А III 215 [А I 251, 330, А II 67, 371, АФЗ I 22 л. 36 об.]. Исх.: (Порфурии=Порфюрии) > Пер-хуреи, Пер-филеи.

22. Прок-ша: Прокша ЛН 73 (1207), Вячеслава Прокшиниця тж. 100 об. (1224), оу Прокшина ШД 34 [ЛН 110 об. — 1238, 130—1243, А I 346, А II 290 л. 10 об., 13, А III 20, ШД 63]. Исх.: Прок-опии // > Прок-офии.

23. Сем-ша: Семша А I 270 сп. Исх.: Сем'-он > Сем- (отвердение губного *м* в конце слога): с'ем'-ш'а > сем-ш'а > с'ом-ш'а > > с'ом-ша.

24. Юк-ша: (пустошь) Юкшино А III 201, на Юкшинескои пут(ь) тж. Исх.: (Ю-рии) > Ю-к-а > Ю-к-ша.

25. Юр-ша: пану Ивану Ю(р)ши 1489, Укр. 1965, 18. Здесь Юрша, второе личное имя, употреблено в роли прозвища — факт известный в древнерусской антропонимике. Исх.: (Юр'-ии) > Юр'-ша > Юрша (отвердение *р*).

26. Як-ша: (село) Якшино А III 271. Исх.: Як-ов или Я-к-а (?)

Суффикс *-шь*

IX. Является вариантом предшествующего форманта с *š* < *-*chj*-. Представлен изредка в квалитативах от дохристианских, славянских имен: Дома-шь: Домашь ЛН 109 (1229), 129 (1242). Исх.: Дома-славъ. Он продуктивен в заимствованных греческих именах, причем, в отличие от суффикса *-ша*, образует квалитативные формы только от одного типа основ — на гласные. Изменялись они по типу *ŏ*-основ.

1. Епи-шь: Епишь ДДГ 71. Исх.: Епи-фанъ.

2. Ива-шь: Ивашь 1397—1427, А II 8, 10 сп., 27 сп., и. п. Иваше 1397, А II 32, р. п. Иваша ШД 20, 25 [Грб 309, XV, ШД 11, СШД 128, ГВНП 321, А I 17, 210, А II 31, 35, 290 л. 29 об.].

3. Кли-шь: Клишу Бѣлому ГВНП 265 сп. Исх.: Кли-м, Климентии.

4. Кона-шь: Конашь Приписка XV в., Ев. XIV в., ГПБ, Fn I 17, л. 1, Гранстрем, стр. 41. Исх.: (Кононъ) > Кона-н.

5. Мала-шь: Малаш Франин, Малашу Франину АФЗ I 308 л. 352 сп. Исх.: Мала-хии (или др.-русск. нар. Мала-феи).

6. Мики-шь: (деревня) Микишево А III 80 сп. Исх.: Микифоръ; ср. то же в современном языке.

7. Оки-шь: Окишь А I 340, Окишова с(ы)на А I 251, у Окиша ГрБ 161, XV. [А I 61, 560, А II 49, 181; стр. 462, А III стр. 41]. Основа Оки- неясна. Могло бы быть: а) Оки-лъ. (< Акилла < Акулла=Акюла), но в народной речи бытовал вариант Окул; ср. совр. фамилию Окулов; б) Оки-нф (< Иакинфъ), но в народной речи обычным было Онкиф, и квалитатив должен был бы иметь форму Онки-шь.

8. Олту-шь: Олтушь А III 213, 214. Исх.: (Еутухии=Еутюхии > (Евтухии) > Олту-ф(ии) // Олту-х.

9. Онту-шь: Онтуш Сидоров А III стр. 290 сп. Исх.: (Еутюхии) > . . . > Онту-фии (Онту-хии).

10. Оста-шь: и. п. Осташе А II 32, Осташь ШД 94, д. п. Осташу А II стр. 421 [А I 8, 19, 571, А II 13, 14, А III 214, 224]. Исх.: Оста-фии (//Оста-п).

11. Пота-шь: Поташь, у Поташа, Поташу СШД 127. Исх.: Пота-п.

12. Проко-шь: Прокош 1392—1427 сп., А I 10, р. п. Прокоша ГрБ 343, 10—30 XIV [А I 108, А II стр. 439]. Исх.: Проко-пии (> Проко-фии).

13. Теле-шь: Телешь А I 390 сп. Исх. неясно.

14. Тимо-шь: Тимошь 1371, А III 322 [А III 352]. Исх.: Тимо-феи.

15. Ти-ш: Тишу Шишкину А II стр. 422; ср. в той же грамоте о том же лице: и. п. Титко, стр. 423, Титка Шишкина стр. 422.

16. Яко-шь: Якошу А I 595. Исх.: Яко-в.

17. Яку-шь: Якушь 1392—1427 сп., А I 8; на Якушѣ А I 257. [А I 253, 343, 344, 595, А II 290 л. 27 об., А III 89, 272, 395, 416]. Исх.: первоначально было заимствованное скандинавское имя Яку-нъ [27]. Но оно не было официальным именем, вошедшим в состав святцев, и поэтому впоследствии, вероятно, стало ассоциироваться с официальным христианским именем Яков, изменив свой морфологический состав: Яку-нъ > Яку-шь > Як-овъ > Як-ушь. Само исходное нейтральное имя Якунъ, вероятно, тоже переосмыслилось, выделив из своего состава суффикс *-ун*, а затем вторичный квалитатив с формантом *-ун'-а*: Якун > Як-ун > Як-уня: ср. совр. фамилию Якунин.

X. К суффиксу *-шь* примыкают суффиксы *-ишь* (*-ышь*) и *-ашь*.

1. Суффикс *-иш-ь (-ыш-ь)*

Представлен в очень редких квалитативах:

а) от дохристианских имен:

Яр-ышь: у Арыша ГрБ 348, 60—70 XIII, Иванка Ярышевиця ЛН 100 об. (1224). Исх.: Яр-ославъ, ср. другие квалитативы от этой основы: Яр-ьць > Ярец (ср. совр. топоним — город Ярцево).

б) от заимствованных греческих имен:

1. Иван-ишь: пан Михаль Иванишь 1395, Уляницкий 10. Форма неясна; это может быть квалитатив Иванишь, и притяжательное прилагательное от Иванис (подобно Ярославъ — Ярославль) от именного варианта, передающего непосредственно греческую форму имени Ἰωάννης (=ioannis > ivanis).

2. Ондришь > Ондришько: Ондришку (д. п.?) ГрБ 50, XIV.

---

[27] А. И. Соболевский. Лекции, 1907, стр. 43.

2. Суффикс *-аш-ь*

Образует квалитативы:

а) от дохристианских имен:

1. Гнѣв-ашь: взято оу Гнѣва, оу Гнѣваша оу Степанова с(ы)на, Гнѣвашь А II 474 [А II стр. 34, А III стр. 243].

2. Друг-аш-но: Другашно 1504 сп., А III 450.

б) от заимствованных греческих имен:

1. Лев-ашь: Леваш 1432—45 сп., А I 106, дьяка Леваша А I 612. Исх.: Лев-.

2. Март-ашь: (деревня) Марташовская А II 286. Исх.: (Мартурии=Мартюрии) > Март-урии или (Мартинъ) > Март-ын; менее вероятно Март'-jан (< Маркианъ, Мартиниан), потому что тогда непонятна мена *т'* > *т*.

Суффикс *-'ат-*

XI. Суффикс *-ат-* в древнерусском языке представлен в названиях молодых животных (*теля*, р. п. *теляте*) и в дохристианских личных именах (Тешата, Жидята и т. п.); впоследствии он проник и в заимствованные греческие имена, в которых, как и в дохристианских, образовал квалитативы от сокращенных основ (Васята, Ванята и т. п.). Многие исследователи: Ф. И. Буслаев [28], А. И. Соболевский [29], Я. К. Грот [30] и другие предполагают, что с этим суффиксом связаны уменьшительные несуффиксальные формы типа Ваня, Вася и т. п. Формант *-'а* (*-'ат*) в этих образованиях, как известно, возводится к праславянскому **-ęt* < **-ent*. Литература о происхождении и истории этого суффикса на разных этапах развития славянских языков обширна [31].

Суммируя различные гипотезы, отметим, что при решении вопроса о происхождении славянского **-ęt* возникает два общих аспекта: фонетический и грамматический. Что касается первого, то мнения ученых разделились: рассматриваемый суффикс возводится, в основном, или к **-n̥t* [32], или к **-ent* (**-int*) [33]. Но чисто историко-фонетическое рассмотрение данной проблемы еще не решает ее, — необходимо рассмотрение ее с морфологической точки зрения. Существует в основном две группы объяснений. Одни ученые исходят из причастных форм. Так, Г. А. Ильинский [34] образования на *-ęt* (*телѧт-*) возводил к причастиям на-

[28] Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка. М., 1958, стр. 134.

[29] А. И. Соболевский. Лекции, 1907, стр. 184.

[30] Я. К. Грот. Русское правописание (разные издания), § 37, 3.

[31] Краткий обзор наиболее важного из литературы вопроса: О. Hujer, стр. 50—52; Г. Богатова. Из истории; И. М. Железняк. Очерк, стр. 81—88; V. Machek LP I, стр. 88—90.

[32] См. об этом: О. Hujer, стр. 50—52.

[33] A. Meillet. Études II, стр. 430 и след.

[34] Г. А. Ильинский. О некоторых архаизмах и новообразованиях праславянского языка. Прага, 1902, стр. 16 и след.

стоящего времени действительного залога от глаголов на *-ити*. Позже примерно то же, но в более общей форме применительно к индоевропейскому праязыку говорил Э. Бенвенист [35], по мнению которого суффиксальное **-nt-* соединялось первоначально с адъективными основами, приобретшими впоследствии в специальном употреблении значение причастий. Опираясь на взгляды Э. Бенвениста, Н. С. Шапошникова [36] недавно более подробно развила эту теорию, совпавшую, в сущности, со старой теорией Г. А. Ильинского.

Эта последняя в свое время вызвала ряд возражений, в частности такого авторитетного слависта, как А. Мейе [37], который указывал, что достаточно только сопоставить формы русск. телен-ок и телят-а, чтобы признать неправдоподобность построений Г. А. Ильинского.

Есть ряд других теорий, авторы которых *-t-* суффикса *-ęt-* объясняют, исходя из именных или отыменных форм. Например, К. Бругман [38] соотносит *-t-* с формами наречий и связанного с ним аблатива — генитива; Я. Отрембский [39], а вслед за ним, правда, несколько видоизменяя и развивая его взгляды, В. Махек [40], исходят из форм на *-ta*, имевших значение абстрактных имен, потом ставших признаком множественного числа и, наконец, распространившихся в падежных формах единственного числа. Иначе говоря, в рассматриваемых образованиях выделяется суффикс *-en-* (*-ēn-* или *-ĕn-*), (впрочем, это делалось и раньше) и вторичный суффикс *t*.

Суффикс *-ę-t-* (*-en-t-*) имеет прямые параллели в балтийских языках. А. Лескин [41] указывал в древнепрусском суффикс *-ent-*, параллельный славянскому *-ęt-*: др.-прусск. *smunents*, в. п. *smunentin*; *maldenikis* — слав. *младеньць*. Это сближение было принято рядом исследователей, в том числе и А. Мейе.

Правда, в современных литовском и латышском языках суффикс *-t-* не представлен, а известна, как и в древнерусском, только первая часть — в виде *ĕn* или *ēn*, которой соответствует славянское *-ę-* (по мнению исследователей, опирающихся на данные акцентологии, *-ę-* восходит к *ēn*) [42], а также в других исходных фонетических условиях *-en-* (<**-ĕn-*) или *-ѣн-* (<**-ēn-*).

---

[35] Э. Бенвенист. Индоевропейское именное словообразование. М., 1955, стр. 156.

[36] Н. С. Шапошникова. Об определении уменьшительного значения некоторых древнерусских существительных. — НДВШ. Филологические науки, 1961, № 1, стр. 43—44.

[37] A. Meillet. Études II, стр. 430.

[38] K. Brugmann. Grundriss II, 1, стр. 596.

[39] J. Otrębski. Przyczynki słowiańsko-litewskie, t. II. Wilno, 1935, стр. 118.

[40] V. Machek LP I, стр. 90 и след.

[41] См.: A. Leskien BNL, стр. 383—384; A. Meillet. Études II, стр. 430; И. Эндзелин. СБЭ, стр. 129; Я. Эндзелин. ДСБЯС, стр. 72; J. Endzelīns LVG, § 147; J. Endzelīns BVSF, § 119.

[42] Ср.: A. Meillet. Études II, стр. 430.

Тот факт, что *-t-* распространилось не во всех балтийских языках и что в ранних памятниках старославянского языка он употребляется сравнительно реже, чем в более позднее время, и заменяется параллельными образованиями на *-ьць* или *-ишть* (*телѧ*, но и *тельць* и *дѣтишть*), говорит о его сравнительной молодости и его возникновении в основном не в балто-славянскую эпоху, а на славянской почве.

Что же касается исторического периода, то следует отметить следующие особенности употребления суффикса *-'ат-* в различных категориях слов древнерусского языка.

В названиях молодых животных сохранилась исконная парадигма склонения основ на *-т*: и. п. *козьля*, р. п. *козьляте* и т. д. Об этом говорят материалы словаря И. И. Срезневского, где зафиксированы следующие слова: *агня (ягня)*, *дѣтя (дитя)*, *клеща*, *клюся*, *козьля*, *куря*, *лися*, *овьча*, *осьля*, *порозя*, *порося (прася)*, *свиня*, *теля*, *утя*, *щеня*, *яря*, а также слова с более общей семантикой: *скотя*, — и названия лиц: *близня*, *къняжа*, *младя*. Обширный материал по образованиям на *-ат-* собран Г. А. Богатовой [43]. Приведенный ею материал, как и данные словаря И. И. Срезневского, показывают, что формы именительного падежа единственного числа и формы косвенных падежей названий молодых существ составляли единую парадигму склонения.

Совершенно другая картина получилась в заимствованных греко-христианских личных именах. Квалитативы от них имеют два ряда самостоятельно изменяющихся форм: 1) несуффиксальные: Вася, Ваня, р. п. Васѣ, Ванѣ (нам известны их более поздние формы р. п. Васи, Вани) и т. д., 2) суффиксальные: Васята, Ванята, р. п. Васяты, Ваняты и т. д. Этот параллелизм и самостоятельность двух парадигм склонения можно объяснять двояко: или они возникли в результате распада первоначально единой парадигмы на две параллельные или же сразу возникли (очевидно под влиянием разных грамматических типов имен) две парадигмы. Для решения этого вопроса мы не располагаем точными и надежными данными. Несомненно, рассматриваемые образования от греко-христианских имен возникли под влиянием соответствующих образований имен исконно славянских. Но мы не знаем, какова была грамматическая система в дохристианских личных именах и каковы были особенности взаимодействия разных типов дохристианских квалитативов и их отношения к квалитативам нарицательных имен. Можно только делать общие предположения. Так, сопоставление форм *отрокъ* — *отроча* — *отрочате*, *козьлъ* — *козьля* — *козьляте* с такими формами, как Василии — Вася — Васяте, позволяет предполагать, что основы на *-т* нарицательных имен не могли влиять на словообразование квалитативов от личных греко-христианских имен, потому что тогда мы имели бы формы Иванъ — Иваня — Иваняте, Василь —

---

[43] Г. А. Богатова. Из истории, стр. 56 и след.

Василя — Василяте, Степанъ — Степаня — Степаняте и т. п., а затем и самостоятельные квалитативы Иванята, Василята, Степанята. Поскольку в древнерусском языке старшего периода подобные образования неизвестны, то следует предполагать, что квалитативные формы типа Вася, Ваня и Васята, возникли позже, когда из состава нейтральных полных основ выделились сокращенные квалитативные основы Вас'-(а), Ван'-(а).

Обычно предполагается как само собой разумеющийся факт, что выделение квалитативных основ греко-христианских имен происходило под влиянием аналогичных основ дохристианских имен типа Теша — Тешата и т. п. или квалитативов от имен нарицательных. О последних мы только что сказали. Что же касается влияния дохристианских имен, то здесь возникает одна трудность. Дело в том, что в ранних дохристианских именах фактически представлены лишь образования с суффиксом *-'ат-* (Тешата, Милята и т. п.) и совсем неизвестны несуффиксальные формы типа Теша, Миля и т. п., то есть полная парадигма склонения основ на *-т* фактически неизвестна. Этот языковый факт можно объяснять двояко: или предполагать, что несуффиксальные и суффиксальные квалитативы личных имен входили первоначально в состав одной словоизменительной парадигмы, которая впоследствии распалась на два словообразовательных ряда имен, причем суффиксальные образования вытеснили несуффиксальные, — или же допускать, что несуффиксальные формы типа Теша, Миля, Моря и т. п. вообще в языке не существовали, но в таком случае суффиксальный ряд (Тешата, Милята и т. п.) потребует особого объяснения.

Исследователи обычно предполагают существование единой парадигмы, объединявшей в прошлом два ряда форм, к которым восходят более поздние суффиксальные и несуффиксальные квалитативы. Реальность существования этой парадигмы многими из них, начиная с А. И. Соболевского [44], доказывается ссылкой на аналогичные формы древнесербского языка: и. п. Миле, Андре — р. п. Милета, Андрета и т. д., которые представляют собой падежные формы единой парадигмы склонения основ на *т-* (*<-ęt-*). Однако и в сербском материале не все так ясно, как это обычно представляется. Судя по ранним примерам (XII в.), представленным в исследовании И. М. Железняк, формы и. п. Раде, Дворе, Драге и т. д.[45] и Доудета, Милета и т. д.[46] представляют собой формы двух разных парадигм. Что касается квалитативов от греко-христианских имен Андре — р. п. Андрета, то их образование совершилось сравнительно поздно под влиянием исконных

---

[44] А. И. Соболевский. Лекции, 1907, стр. 184; Он же. Материалы и исследования в области славянской филологии. СПб., 1910, стр. 244—251.

[45] И. М. Железняк. Очерк, стр. 81—82.

[46] Там же, стр. 85.

дохристианских сербских имен, и поэтому они ничего не проясняют в истории древнерусских имен; они сами, как и древнерусские имена, вызывают те же вопросы о формировании квалитативных сокращенных основ.

Нам представляется, что исходным в истории рассматриваемых квалитативов древнерусского языка был процесс выделения и формирования сокращенных квалитативных (несамостоятельных, а затем самостоятельных) основ: мягких Вас'-илии > Вас'-а и твердых: Кондр-атии > Кондр-а, Парф'-ении > Парф-а, Перх-урии > Перх-а и т. д. Этот процесс был сложным и совершался под влиянием целого комплекса параллельных словообразовательных моделей квалитативов дохристианских имен, например: Дом-ажиръ (Дом-анѣгъ и т. п.) > Дом-ъка, Дом-ата, Дом-ашь; Добр-омиръ (Добр-ославъ, Добр-огость) > Добр-ята, Добр-ило, Добр-ыня и т. д. По аналогии с квалитативами и их основами в дохристианских именах, складываются квалитативы и сокращенные основы типа Вас'-, Ван'- и т. п., к которым могли присоединяться разные суффиксы, в том числе и *-ат-*: Васята, Ванята, который был заимствован из реально существовавших квалитативных форм дохристианских имен. Что касается несуффиксальных форм с мягкой основой (Вася) и грамматически связанных с ними образований от твердых основ (Кондра), то происхождение их нам остается неясным. Возможно, конечное *-а* в них возникло под влиянием многочисленных суффиксальных квалитативных образований, изменявшихся по типу ā-основ.

В древнерусском языке рассматриваемый суффикс *'-ат-* представлен в следующих образованиях:

а) Квалитативы дохристианских имен.

1. Бернята 1433—47 сп. А I 111. Исх.: Берн- (ср. польск. *bern-y* 'пассивный').

2. Воята: рабъ божии Германъ . . . зовомыи Воята ЛН 48 об. (1188 г.).

3. Вышата: Вышатинскую пустошь 1448—70 сп., А II 120 [А II 290 л. 29 об.].

4. Городята: ГородѦтиничь Надп. 1118 г., Рыбаков 15.

5. Гостята: ГостѦты (р. п.) ГрБ 9, 70—90 XII в. Исх.: Гост- (<Гост-омыслъ).

6. Добрята: ДобрѦтинскимъ селомъ 1417, ДДГ 21. Исх.: Добро-миръ.

7. Жирята: у Жирятничеми 1359 сп., ГВНП 106. Исх.: Жир-ославъ.

8. Илдята: Бориса Илдятинича ЛН 145 (1268). Исх.: неясно, Г. Г. Гинкен предполагает первоначальное Ильята [47].

9. Инята: Ивашко ИнѦтинъ А III 323 а. Исх.: неясно; возможно, от Ин-ославъ (?).

---

[47] Г. Г. Гинкен, стр. 450.

10. Малята: Васко Гридин с(ы)нъ Малѧтина А II 288. Исх.: Мал-; это имя, в его нейтральной форме, известно в летописях.

11. Милята: Гаврыльць Милятиниць ЛН 83 об. (1216 г.). Исх.: Мил-ославъ; ср. Милятино ев.

12. Морята: Морята Васильев сын А II стр. 537 сп. Исх.?

13. Нежата: Нежатѣ Твьрдятицю ЛН 23 об. (1144 г.); Нѣжатѣ (д. п.) тж. 31 об. (1160 г.).

14. Пирята: селищо Пирѧтинское А II 330, (пустошь) Пирѧтино А III 131. Исх.: Пир-огость.

15. Радята: Никифора Радятинича ЛН 144 об. (1268 г.). Исх.: Рад-онѣгъ и т. п.

16. Станята: у Станѧте ГрБ 348, 60—70 XIII в. Исх.: Станимиръ или Стан-иславъ. Необычна форма род. падежа с мягким *т'* (реликт склонения основ на *-t*?).

17. Твердята: отъ Твьрьдѧты ГрБ 84, 10—30 XII в. Исх.: Твьрд-иславъ.

18. Тѣшата: Тѣшата, Тѣшѧтѣ (д. п.), Тѣшатина до 1299, Обн. Барх. 20. Исх.

19. Циплята: Циплѧтева деревнѧ 1492, А II 290 л. 23 (в примере отражается изменение типа склонения?).

20. Отметим также, что к квалитативам на *-ат* восходят и некоторые современные фамилии: Бабятинский, Барятинский, переулок Скарятинский и т. п.

б) Образования от заимствованных греческих имен.

1. Васята: Васяту Устав Всев. Мстиславича 1135—37 по сп. ЛН XV (см. ЛН, изд., стр. 486).

2. Гюрята: Гюрята Пинещиничь ЛН 127 (1240); Мирославу Гюрятиницю тж. 16 (1134). Исх.: (Георгии) > Гюр'-ии. Позднее возник вариант Юрята: Юрятин сын 1479—94 сп., АФЗ II 6. Исх.: Юр'-ии.

3. Климята: къ Климѧтѣ ГрБ 381, XII, Вячеслава Климятиця ЛН 81 (1215), д. п. Климѧте Надп. ок. 1218, Рыбаков 34; д. п. Климѧтѣ — до 1270, Обн. Барх. 16 [ГрБ 355 XIV; А I 71, ШД 35]. Исх.: Клим-ентии. Вариант: и. п. Климета, в. п. Климету 1483, ГВНП 340, ср. там же: Климяты.

4. Коснята: Полюда Къснятиниця ЛН 21 (1140). Исх.: (Къстянтинъ > Къснятинъ) > Къснят-а — несуффиксальная квалитативная основа, которая в результате переразложения морфем изменилась в Късн-ята (Косн-ята).

5. Курята. Известно в суффиксальном образовании Курятко: Лепъшинское село Куряткова XV, ГВНП 278. Исх.: неясно; возможно: 1) нарицательное *куря*, р. п. *куряте* > *курят-к-о*;

2) Кур'-ил (Кур'-јак, Кур'-јан < Курионъ с *у*=*ю*) > Кур-ят-а, откуда Кур-ят-ко с *о* по аналогии с другими образованиями на *-ко*.

6. Петрята: Петрятино дворищо 1128—32 сп., ДАИ I, 3а, б; на Петрятинѣ дворѣ ЛН 11 об. (1127). Исх.: Петр-,

7. Пронята: земля Пронятинская А I 571. Исх.: (Про-копии // Про-кофии или Про-хоръ) > Про-н'-а.

8. Селята: у Сѣлѧте (ѣ вм. *е*) ГрБ 348, 60—70 XIII в. Исх.: неясно; возможно, в основе лежит нейтральное имя (Силуанъ// Сильванъ) > Сел'-иван.

9. Известно образование от усеченной суффиксальной основы Ми-ш-а: Мишата: Карпи(так!) Мишатинич 1417 сп. XVII, Корецкий 9.

Суффикс *-ен(а)*, *-ен(ъ)*

XII. Суффикс *-ен-* представлен в очень редких квалитативах, которые склоняются по типу ā- и ŏ-основ (соответственно — суффиксы *-ена* и *-енъ*).

а) Суффикс *-ен(а)*

1. Кост-ена: Костена Радивонов 1504—65, А III 224. Исх.: Кост'-а.

2. Фед-ена: Федена 1474—75, А I 425. Исх.: Фед'-а.

3. Сюда же относится женское имя Огр-ена: Огрене (д. п. 1454, А I 251. Исх.: Огр-офена. Возможно, здесь мы имеем не суффиксальное образование, а выпадение одного из слогов слова (?).

4. Образование от нарицательного имени: Кот-ена: Иван Котена 1485—90, А I 524.

б) Суффикс *-ен(ъ)*

1. Кост-ен: брат(у). . . Костену. 1392—1427, А I 11 [А I 10]. Исх.: Кост'-а.

2. Фед-ен: Феден 1491—92 сп., АФЗ I 22 л. 36 об. Исх.: Фед'-а.

3. Хот-ен: с Хотеновскою землею 1485—90 сп., А II 483. Исх. неясно; может быть два объяснения: 1) Фот-ии > Хот-, ср. топоним (Московская обл.) Хотьково < Фотьково; форма Хот- известна по памятникам; 2) дохристианское Хотмысль [48] > Хот- (эта основа представлена в форме Хотъ // Хоть в былинных Хотинъ // Хотенъ, в топонимах Хотинъ // Хотѣнъ (город на Днестре), Хот-шинъ (город в Смоленской области — в текстах под 1150 г.) [49].

4. Отметим также образование от нарицательного имени: Солоден: Данило Солоденов XV/XVI, АФЗ II 24 сп.

5. Редкий случай осложнения суффикса и факт образования нового сложного суффикса *-ен-к-(о)* мы находим в примере: Ми-хн-/*ен-к*/-*о*: (село) Михненково 1470—72 сп., А III 58а.

---

[48] Сохранилось в названии города на Воркле Хотмысль — см. Г. Г. Гинкен, стр. 458

[49] Там же, стр. 461.

Суффикс *-ен-*, кроме квалитативов, представлен также в таких образованиях неквалитативного по существу характера, как названия молодых животных: *тел-ен-ъкъ*, в отдельных существительных: ст.-слав. *млад-ен-ьць* // др.-русск. *молод-ен-ьць*, *първ-ен-ьць*, *път-ен-ьць* и имеет связь с балтийским *-en-*: ср. латышск. *-en-*: *meĩtene*, латышск. *-en-is* [50], ср. также др.-прусск. *maldenikis* в соответствии со старославянским *младенець* [51].

Суффикс *-ен-* чередовался с *-ѣн-* (ср. старосл. *младеньць*, *младѣнищь*); последнему в балтийских языках соответствует *-en-* ср. латышск. *-en-* [52].

Суффикс *-еня (-ень)*

XIII. Зафиксирован в ряде поздних, XV в., образований. Пример Вышеня из текста XII/XIII вв. не показателен, потому что его можно членить двояко: Выш-еня, а также Выше-ня (<Выше-славъ). В XV в. *-ень* был чисто грамматическим вариантом к *-еня*. В данном суффиксе совпали два этимологически разных форманта: 1) **-en-ja*, первой части которого в балтийских языках соответствует *-en-*, то есть то же, что и в суффиксе *-ена*, *-енъ* (см. выше); 2) суффикс *-ьн-ь*, который после падения редуцированных выступал в виде двух вариантов *-ен'-* или *-н'-*: ср. Трушеня — Трушнев (с переходом имени в ŏ-склонение), Мишень — Мишня, Слабень — Слабня. Этот суффикс восходит к праславянскому **-ьn-jь*, причем первая часть его может быть сближена с балтийским *-in(j)a*, *-in(j)e*. Правда, в литовском квалитативов с этим суффиксом нет: в нем представлены другие образования, например прилагательные на *-inis*, *-ine* (*jūrinis vė̃jas* 'морской ветер' и т. п.) с *-in-*, соответствующим славянскому *-ьн-* в таких образованиях, как: старосл. братрьнь, оутрьнь, но в латышском языке есть также квалитативы с *-iņs*, *-iņa* в литературном языке и *-inis*, *-ine* в говорах Латгалии, а также на пограничье с литовским языком [53].

На славянской почве суффиксы *-еня* // *-ень* (<**-en-ja*) и *-еня* // *-ень* (<*-ьн-ь* (<**-in-ja*) перемещались, причем первый, поддержанный суффиксом *-ена(-енъ)*, оказался более продуктивным и, видимо, вытеснял второй.

В свое время квалитативами на *-еньк-* в прилагательных и существительных занимался Е. Ф. Карский [54], который *-ен-*

---

[50] J. Endzelīns LVG, § 144c; 146; J. Endzelīns BVSF, § 117; Я. Эндзелин. ДСБЯС, стр. 72.
[51] A. Leskien BNL, стр. 384.
[52] J. Endzelīns LVG, § 147; J. Endzelīns BVSF, § 119.
[53] J. Endzelīns LVG, § 151 c, 152b—c; J. Endzelīns BVSF, § 123; M. Saule-Sleine. Raksti V, стр. 111; V. Rūķe-Draviņa стр. 204—205.
[54] Е. Ф. Карский. О суффиксах в русских словах типа *теленокъ*, *Васенька*, *рученька*, *беленький*. — РФВ, т. XXII, Варшава, 1889, № 4.

в суффиксе *-ен-ок-* возводит не к основам на *-ent*, а к суффиксу прилагательных *-ьн-* (*овьнъ, полотьно*). В свете данных балтийских языков выявляется ошибочность данного взгляда. Кроме того, неправомерным является объединение в один словообразовательный тип таких квалитативных форм, как *тел-енок* и *речень-ка*, или в именах: Нáст'-енька — Наст'-óнка и т. п.[55], так как они разного происхождения: *-еньк* (*-ен'-к*) восходит к *-ен'-а* (*-ен'-ь*), а *-ен-к* к *-ен-а* (*-ен-ъ*).

а) Суффикс *-еня*

Примеры форм с суффиксом *-еня* датируются второй половиной XV в. Единственный пример конца XII—начала XIII в. морфологически неясен: Вышеня: (от Кюрьяка) къ Вышенѣ ГрБ 332. Исх. может быть: Выш-еня, но также и Више-ня, если предположить нейтральное имя Выше-славъ или Выш-еславъ.

Примеры:

1. Гашеня: Гашеня А I 148. Исх. неясно: (Га-врило, А-га-пии, А-га-фии, А-га-фон и т. п.) > Га-ш-а.

2. Митеня: Митеня АФЗ I 81 сп., тж. I 12 л. 22 об. сп. Исх.: (Мит-рии) > Мит'-а.

3. Мишеня: Мишеня АФЗ I 166 л. 199. Исх.: (Ми-хаилъ) > >Ми-ш-а.

4. Мошеня, р. п. Мошни: (деревня) Мошнино XV, Мейчик стр. 118а. Исх.: (Моисии > Мо-сии) > Мо-ш-а.

5. Прошеня: Лопухе Прошенину сыну 1505, А III 218. Исх.: (Прокофии // Прокопии) > Про-ш-а.

6. Трушеня, р. п. Трушни: (земля) Трушенинское А III 263 сп. Исх.: (Трофимъ) > Тр-уш-а; характерна утрата *е* в суффиксе: Салтык да Вислъ Степановы дѣти Трушневы А II стр. 315.

7. Юреня: Юреня, съ Юренею А I 340. Исх.: Юр'-ии или Юр-а с меной *р* > *р'*.

8. Известно также образование апеллятивного характера Котеня: Котеня, Иван Катеня (*а* вм. *о*) А I 587, Иван Котеня А I 525. Исх.: Кот-(ъ), ср. Ивашко Котов сын АФЗ I 298 сп.

б) Суффикс *-ень* (*-ьнъ*)

Этот суффикс является грамматическим вариантом предшествующего.

1. Гаврень: Андрею. . .Гавренева А III 130 сп. Исх.: Гавр'-ило.

2. Гришень: Гришень А I 343. Исх.: Гри-ш-а.

3. Мишень: Мишен(ь) А I стр. 517; жеребец Мишневск(и)и А II 470, у Мишня, АФЗ I 103, л. 116, об. сп.

---

[55] Эти суффиксы объединяет в примерах также: Г. А. Богатова. Из истории, стр. 65 и след.

4. Костень: (деревня) Костенево 1410—90 сп., А III 298. Исх.: Кост'-а.

5. Купрень: Кȣпрен(ь) А III стр. 184, Кȣпренѧ (в. п.) тж., стр. 185. Исх.: Купр'-еян.

Отметим несколько форм от имен с не всегда ясной этимологией: Семен Берсенев А III 262 сп., Козма Ерденев сер. XV, ГВНП 116: Гридѧ Иверенев А II 481, Мазень кузнець ШД 66 сп., Григорей Слабень, у Слабня, А I 391; (земля) Хлуденевские (р. п.) А III 43; сын Хлюденева А I 574 сп., Тургень Парфеньев сын АФЗ I 43 сп.

Суффикс *-н'а*

XIV. При помощи этого суффикса образуются квалитативы от несамостоятельных сокращенных основ на гласный. В памятниках отражается незначительное число женских имен (Ганя, Маня, Соня, Таня), а в основном — мужские имена. Все они изменяются по типу ā-основ.

Примеры:

1. Баку-ня: Сидоръ Бакунинъ А III 288. Исх.: Ам-баку-м.
2. Га-ня: Ганя А III 394 сп., с Ганею А III 425 сп. [А II 286, 288]. Исх.: А-га-фья.
3. Деме-ня: Деменя 1504—05, А III 224. Исх.: (Дометии) > Деме-нтии.
4. Доро-ня: Дороню А I 251, село Дорониское ШД 89 [А I 397, А II 463]. Исх.: Доро-феи.
5. Елсу-ня: Елсуня АФЗ I 12, л. 23 сп. [АФЗ I 166, л. 199]. Исх.: (Еупсухии=Еупсюхии) > Елсу-фии.
6. Е-ня: Еня А I 390 сп., А II стр. 416 сп. Исх.: (Иосифъ) > Е-сип (//Осип).
7. За-ня: Заня А II 288, Дмитръ Занин А II 481 [А II 296, А III 54, АФЗ I 46а сп.]. Исх.: За-харъ.
8. Иса-ня: двор Павловской Исанев 1392—1427 сп., А I 13. Исх.: Иса-к или Иса-j (р. п. Иса-я); в форме Исанев отражается влияние ŏ-основ: Исань.
9. Лу-ня: Луня Осташков 1504—05, А III 224, деревня Луньево (ь вм. *е*), XV в., Мейчик, стр. 118а, Луня Федотов А I 544 сп. Исх.: может быть два объяснения: а) Лу-ка > Луня; б) О-лу-мпии (>Олумпии с *у*=*ю*) или О-лу-пии (ср. Луп-ка < Олупка).
10. Ма-ня: Маня А III 395 сп. Исх.: Ма-рья.
11. Митро-ня: Митроня А I 51 сп. Исх.: Митро-фан.
12. Ога-ня: Оганя АФЗ I 12 л. 22 об. Исх.: Ога-пии // Ога-п.
13. Оки-ня: Окиня АФЗ I 22 л. 36 сп. Исх., вероятно: (Иоакимъ) > Акимъ > Оки-м, а не Иакинфъ > Окинфъ, потому что в народной речи господствовала форма Онкифъ.
14. Олту-ня: Олтунину сыну 1505, А III 218. Исх.: (Еутухии=Еутюхии) > Евтухии // Евтух > Олту-х.

15. Оста-ня: Останя А I 326 сп., в. п. Останю А I 612 [А I 474, А II 246, АФЗ I 50]. Исх.: Оста-фии // Оста-п.

16. Полу-ня: Дема Полунин А I 560 [А III 469]. Исх.: Полу-ян (<. . .Полуенъ=Полюенъ, греч. Πολύαινος); история имени сложна: ср. другие его формы: Полионъ > Поливонъ > Поливанъ).

17. Проку-ня 1392—1427 сп., А I 10 [АФЗ I 12 л. 23 об.]. Исх. неясно; может быть: а) Прок-уня (<Прок-опии // Прок-офии); б) Проку-ня (Проку-л < Проклъ; вариант Прокулъ известен по памятникам).

18. Про-ня: Проня А II 168, Пронин А III 89 [А I 51, 475, 476, 540, А II 62а, 168, 290 л. 21; стр. 444, А III 288, 393а]. Исх.: Про-копии // Про-кофии или Про-хоръ (?).

19. Се-ня: Сеня 1397—1427, А II 21 сп. [А I 522]. Исх.: (Сумеонъ=Сюмеонъ) > Се-мен.

20. Со-ня (ж. р.): жена его Соня А III 394 сп. Исх.: Со-фья.

21. Со-ня (м. р.): брат Соня А II стр. 416. Исх., вероятно, Со-фон(ии) или Со-фрон(ии).

22. Сте-ня: Стеня А I 587 [А I, 584, А III 231, 412]. Исх.: Сте-пан.

23. Та-ня: о Таньи ГрБ 129, XIV/XV; Танинское 1401—02 сп., ДДГ 17. Исх.: Та-тьяна.

24. Тимо-ня: Тимоня А II 63, деревню Тимонинскую А I 85 сп. [А I 410, 595, 619, А II 143, 290 л. 25 об., 463, А III 35, 218]. Исх.: Тимо-феи.

25. Тро-ня: Тронина сына А II 253 сп. Исх.: Тро-фим, но возможно: (Труфонъ=Трюфонъ) > Труфон // Труфан > Тро-фан.

26. Тру-ня: Труня АФЗ I 166 л. 198 сп. Исх.: Тру-фан (см. под Тро-ня). Позднее Труня стало квалитативом от Трофим: ср. совр. Трофим-Труша.

27. Фе-ня: девку Феню ШД 96, женат. . . на Фени А III 408 (2) сп. [А III стр. 243; 393а]. Исх.: (Феодосия) > Фе-досья или (Фео-дора) > Фе-дора.

28. Ха-ня: Ханя Ермолов А II 290 л. 17 исх.: Ха-ритонъ или За-ха-ръ (неясно).

В мужских именах известен также вариантный суффикс *-нь*:

1. Гри-нь: с тивуномъ. . . Гринемъ Гр. нач. XIV, АЮЗР II, 64/II; ср.: тивунъ Негневецкый Гринко там же; Гринко пан 1375, Укр. 10. Исх.: Гри-гории.

2. Возможно сюда же Оле-нь: тиуна Оленя Юрьева Васильевича 1397—1408, А II 2 сп. Исх. неясно; это может быть: 1) квалитатив Оле-нь от основы Оле-кса (Оле-ксии), 2) нарицательное *олень* в роли имени собственного.

Суффикс *-он'-(я)*

XV. По-видимому, самостоятельным, отдельным, но непродуктивным был суффикс *-оня*, который по своей функции мог быть чисто деривативным и квалитативным. Он представлен в совре-

менном *тих-он-я*. В древнерусском были аналогичные образования: от адъективных основ, употреблявшихся в роли личных имен: Лихоня 1498—99, АФЗ I 166 л. 199 об. Сравните также образования Миро-ня, Митро-ня (но в сознании говорящего могло также выделяться Мир-он-я, Митр-он-я). По аналогии со всеми этими образованиями и прежде всего с первыми возникла форма Лукон'-а при нейтральном Лук-а: на Луконня (=Луконне < Луконинѣ) поли XV сп., ГВНП 343.

В древнерусском языке суффикс *-оч-я*, как видно из материала, встречается очень редко, но в других языках он более продуктивен. Например, в польском получил широкое распространение как деривативный, так и квалитативный формант варианта этого суффикса *-оń*: *siwoń* и т. д.[56]

Принятые сокращения

Источники

А I, II, III	Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в., т. I—II—III. М., 1952, 1958, 1964.
АФЗ I, II	Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI веков, ч. 1, 2. М., 1951, 1956.
АЮЗР I, II	Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, т. 1, 2. СПб., 1863, 1865.
ГВНП	Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Под ред. С. Н. Валка. М.-Л., 1949.
ГПБ	Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).
Гранстрем	Е. Э. Гранстрем. Описание русских и славянских пергаменных рукописей. (Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Труды Отдела рукописей). Л., 1953.
ГрБ	Грамоты берестяные по изданиям: 1) А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.) М., 1951 (гр. № 1—10); 2) А. В. Арциховский. То же загл. (из раскопок 1952 г.) М., 1954 (гр. № 11—83); 3) А. В. Арциховский и В. И. Борковский. То же загл. (Из раскопок 1953—1954 г.) М., 1958 (гр. № 84—136); 4) То же (из раскопок 1955 г.) М., 1958 (гр. № 137—194); 5) то же (из раскопок 1958—1961 гг.), М., 1963 (гр. № 319—405).
ДАИ I	Дополнения к актам историческим, т. I, СПб., 1846.
ДДГ	Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. Подготовил к печати Л. В. Черепнин. Под ред. С. В. Бахрушина. М.—Л., 1950.
Дебольский	Н. Н. Дебольский. Из актов и грамот Кирило-Белозерского монастыря. СПб., 1900.

---

[56] A. Wilkoń. Nazwiska polskie typu Bystroń, Pigoń, Stachoń. Sprawozdania z posiedzeń Komisji językowej Polskiej Akademii Nauk, t. XII/2 1968. Kraków, 1969, стр. 441—443.

Корецкий; Корецкий. Приложение	В. И. Корецкий. Вновь открытые новгородские и псковские грамоты XIV—XV вв. «Археографический ежегодник за 1967 г.» М., 1969.
ЛИ	Летопись Ипатьевская, сп. ок. 1425 г., по изд. ПСРЛ, т. 2, СПб., 1868.
ЛЛ	Летопись Лаврентьевская, сп. 1377 г., по изд.: ПСРЛ, т. I, вып. 1, Л., 1926, вып. 2, Л., 1927.
ЛН	Летопись Новгородская (первая) по синодальному списку XIII—XIV вв., по изд.: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. М.—Л., 1950.
Лопарев	Х. Лопарев. Описание рукописей имп. Общества любителей древней письменности, ч. III, СПб., 1899.
Мейчик	Д. М. Мейчик. Грамоты XIV и XV вв. Московского Архива Министерства Юстиции. М., 1883.
Обн.—Барх.	С. П. Обнорский и С. Г. Бархударов. Хрестоматия по истории русского языка, ч. I, М., 1952.
Рыбаков	Б. А. Рыбаков. Русские датированные надписи XI—XIV вв. М., 1964.
СШД	М. Сибирцев и А. А. Шахматов. Еще несколько двинских грамот XV века. СПб., 1909 (Исследования по русскому языку, т. II, вып. 5).
Укр.	В. Розов. Українські грамоти, т. I. Київ, 1928.
Укр. 1965	Українські грамоти XV ст. Київ, 1965.
Уляницкий	В. А. Уляницкий. Материалы для истории взаимных отношений России, Польши, Молдавии, Валахии и Турции в XIV—XVI вв. Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском ун-те, 1887, кн. 3.
ШД	А. А. Шахматов. Исследование о двинских грамотах. XV в., ч. I и II. СПб., 1903.

Литература

А. Белич. Природа и происхождение	А. Белич. Природа и происхождение существительных субъективной оценки. «Јужнословенски филолог», XXII (Белград, 1957—1958), 1—4.
Г. А. Богатова. Из истории	Г. А. Богатова. Из истории древнерусских существительных со старой основой на *-ęt*. Вестник МГУ, 1958, Историко-филологическая серия, № 2.
Г. Г. Гинкен	Г. Г. Гинкен. Древнейшие русские двуосновные личные имена и их уменьшительные. — ЖСт., т. III (1893).
И. М. Железняк. Очерк	И. М. Железняк. Очерк сербохорватского антропонимического словообразования. Киев, 1969.
В. Сімович. Українські чоловічі ймення	В. Сімович. Українські чоловічі ймення осіб на *-но*. «Збірник комисії для дослідження історії української мови». Київ, 1931.
А. И. Соболевский. Лекции, 1907	А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка, изд. 4-е. М., 1907.
Я. Эндзелин. ДСБЯС	Я. Эндзелин. Древнейшие славяно-балтийские языковые связи. Труды Института языка и литературы АН Латв. ССР, т. II. Рига, 1953.
И. Эндзелин. СБЭ	И. Эндзелин. Славяно-балтийские этюды. Харьков, 1911.
A. Belić AfslPh XXIII	A. Belić. Zur Entwicklungsgeschichte der slavischen Deminutiv- und Amplifikativsuffixe. Archiv für slavische Philologie, Bd. XXIII, 1901.

K. Brugmann. Grundriss II, 1	K. B r u g m a n n und B. D e l b r ü c k. Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Bd., II, t. 1, Strassburg, 1889.
K. Dieterich	K. D i e t e r i c h. Untersuchungen zur Geschichte der griechischen Sprache von der hellenistischen Zeit zum 10. Jh. nach Christus. Leipzig, 1898.
W. Doroszewski PF XIII	W. D o r o s z e w s k i. Monografie słowotwórcze. Prace filologiczne, t. XIII, Warszawa, 1928.
J. Endzelīns BVSF	J. E n d z e l ī n s. Baltu valodu skaņas un formas. Rīgā, 1948.
J. Endzelīns LVG	J. E n d z e l ī n s. Latviešu valodas gramatika. Rīgā, 1951.
G. Eriksson ScSl VII	G. E r i k s s o n. Über einige Diminutivsuffixe in mittelalterlichen russischen Eigennamen. Scando—slavica, VII, 1961.
O. Hujer	O. H u j e r. Slovanská deklinace jmenná. Praha, 1910.
A. Leskien BNL	A. L e s k i e n. Bildung der Nomina im Litauischen. Leipzig, 1891.
V. Machek LP I	V. M a c h e k. Origines des thèmes nominaux en *-ęt-* du slave. Lingua posnaniensis, t. I, 1949.
V. Machek LP IV	V. M a c h e k. Les verbes slaves en *-chati*. Lingua posnaniensis, t. IV, 1953.
H. Pedersen IF V	H. P e d e r s e n. Das indo-germanische *s* im Slavischen. Indo-germanische Forschungen, Bd. V, 1895.
S. B. Psaltes	S. B. P s a l t e s. Grammatik der byzantinischen Chroniken. Göttingen, 1913.
V. Rūķe-Draviņa	V. R ū ķ e - D r a v i ņ a. Diminutive im Lettischen. Lund, 1959.
W. Vondrák VSG II, 1906	W. V o n d r á k. Vergleichende slavische Grammatik, Bd. II. Göttingen, 1906.

С. Каралюнас

К ЭТИМОЛОГИИ ЛИТ. *JÚODAS* 'ЧЕРНЫЙ'

Замечанием, что «дальнейшая этимологизация лит. *júodas* остается неясной», автор литовского этимологического словаря Эрнст Френкель[1] выразил отрицательное отношение к двум имеющимся попыткам объяснить происхождение лит. *júodas* 'черный'. Х. Петерссон сопоставил его с греч. ἰλύς 'тина, грязь' и ст.-слав. илъ, замечая при этом, что лит. *júodas* восходит к праформе **i̯ō-do-*, а и.-е. **ī-* в ἰλύς могло редуцироваться из **i̯ō-*[2]. Х. Педерсен наделил это литовское слово индоевропейской древностью[3], чтобы сблизить его с ирл. *adaig* 'ночь' и лат. *āter* 'черный' (согласно Педерсену, из **ādro-*).

В семантическом отношении возможны оба сближения: из и.-е. языков (и, по-видимому, не только из них) можно привести факты, указывающие на родственную связь семемы 'черный' как с 'ил, тина, грязь' (см. ниже), так и с 'ночь' (ср., например, др.-инд. *kr̥ṣṇás* 'черный': *kr̥ṣṇīṣ* 'ночь'; *śyāvá-* 'коричнево-черный': *śyāvī* 'ночь'). Эти гипотезы страдают недостатками фонетического характера. В словах, сопоставленных Х. Петерссоном, общим элементом является только один гласный **ī-*, что, естественно, делает это сопоставление крайне случайным. Хотя аблаут *ō*:*ā*(:*ə*) и возможен (ср., напр., φᾱμί: φωνή), но неясен ввиду своей изолированности. Случайность сопоставления литовского, ирландского и латинского слов, требующего признания согласного *j-* в начале литовского слова протетическим, по-видимому, была очевидна и самому автору, так как он говорит: «Mais, à ce que je sache, júodas serait le premier exemple d'une prothèse devant i.-e. *ō*. Cependant il serait très difficile de réfuter l'hypothèse qui verrait dans cette circonstance un pur hasard»[4]. Все три балтийских языка свидетельствуют о том, что согласный *j-* в рассматриваемом слове, скорее всего, является этимологическим (см. ниже).

Существует еще одна попытка этимологизации лит. *júodas*, оставшаяся неизвестной до последнего времени. Она принадлежит

[1] F r a e n k e l, стр. 197.

[2] H. P e t e r s s o n. Studien über die indogermanische Heteroklisie. Lund, 1921, стр. 125. — Непонятно, почему Е. Френкель в указ. соч. приводит и.-е. **ōi-*, если Х. Петерссон ясно говорит об и.-е. **i̯ō-*.

[3] H. P e d e r s e n. Une étymologie Balto-Celtique. «Studi Baltici». III, 1933, стр. 69—71.

[4] H. P e d e r s e n. Указ. соч., стр. 70.

талантливому литовскому языковеду Казимерасу Янюсу (1848—1908), который в течение нескольких десятилетий занимался исследованием отношений балтийских и прибалтийско-финских языков. В своем словаре финского и балтийского языков, составленном в конце XIX в. или в начале XX в., он сблизил лит. *júodas* с фин. *joudahuttaa* 'ускорять', *joudatta* 'торопить', *joudukas* 'быстрый, скорый, проворный', греч. *αἴθω* 'зажигаю; горю, пылаю' и лит. *judė̃ti* 'двигаться', *jùdinti* 'двигать; трогать' [5]. Сближение с финскими данными, естественно, теперь представляет некоторый интерес только в типологическом плане или же в плане ностратической гипотезы [6], греческое слово включается в другую семью лексем [7], но сопоставление лит. *júodas* с лит. *judė̃ti*, *jùdinti*, хотя и не аргументировано (правда, К. Янюс для *júodas* исходил из **jôdho-s* 'ustus, niger', что вполне возможно как с фонетической, так и с семантической стороны), остается в силе и требует проверки.

На то, что лит. *júodas* 'черный' в настоящее время является совершенно изолированной лексемой, обратил внимание еще X. Педерсен [8]: несомненные семантически близкие лексемы не были обнаружены ни в самом литовском языке, ни в ближайших родственных языках — латышском и древнепрусском. Однако и в них прежнее существование лексемы со значением 'черный' прослеживается в ее производных. Так, на то, что в латышском языке имелась эта лексема, недвусмысленно указывает лтш. *juodene* 'Bilsenkraut (hyoscyamus niger); eine gewisse schwarze Beere' [9] (о лтш. *juõds* 'ein Waldteufel'. . . см. ниже). Вполне возможно, что в таких древнепрусских антропонимах и топонимах, как *Jode*, *Jodeyko*, *Joduko*, *Jodute* (антроп.), *Joduthen*, *Jodisakka* (топ.), как предполагается [10], кроется прилагательное *jods* в значении 'черный', ср. тождество др.-прусск. *Jodeyko*=лит. *Juodeika*. Таким образом, *júodas*, имеющее соответствия в латышском и древнепрусском языках, восходит к глубокой древности, в чем получает свое объяснение полная его семантическая изолированность. Прибалтийская древность данной лексемы не умаляется тем обстоятельством, что балтийские языки имеют другие лексемы,

---

[5] Рукописное наследие языковеда Казимераса Янюса (Каталог и публикации). Вильнюс, 1971, стр. 241—242.

[6] Ср. В. М. Иллич-Свитыч. Опыт сравнения ностратических языков (Введение. Сравнительный словарь). М., 1971.

[7] Frisk I, стр. 37—38; в фонологическом отношении: R. Beekes. The Development of the Proto-Indo-European Laryngeals in Greek. The Hague—Paris, 1969, стр. 50, 129.

[8] H. Pedersen. Указ. соч., стр. 70.

[9] Mühlenbach — Endzelin II, стр. 125 (далее — ME); J. Endzelin und E. Hausenberg I, стр. 570 (далее — EH).

[10] G. Gerullis. Die altpreußischen Ortsnamen. Berlin und Leipzig, 1922, стр. 51, 216; R. Trautmann. Die altpreußischen Personennamen Göttingen, 1925, стр. 39, 126, 160; J. Endzelīns. Senprūšu valoda. Rīgā, 1943, стр. 184.

тоже древние, обозначающие 'черный', ср. др.-прусск. *kirsnan* 'черный', лит. *kiršnas* 'вороной', ст.-слав. чрънъ, др.-инд. *kṛṣṇás* 'черный'; лтш. *mel̃ns* 'черный', др.-прусск. *melne* 'синяк', греч. μελας 'черный'. В древние времена и у первобытных народов существовало, по-видимому, несколько наименований черного цвета, функционирование и содержание которых определялись обозначаемой конкретной реалией и конкретной языковой ситуацией. Собственно говоря, лошадь черной масти, или черная собака, или разлагавшееся потемневшее яблоко вряд ли в речи первобытного балтийца характеризовались одним и тем же эпитетом. Поэтому возможность существования нескольких обозначений черного цвета не имеет в себе ничего странного.

В этимологическом прояснении лит. *júodas* чрезвычайную важность приобретает тот до сих пор не замеченный факт, что в восточных говорах литовского языка, в окрестностях населенного пункта Таурагнай (Утенайский район), засвидетельствован глагол *jūdė̃ti* (praes. *jū̃di*) 'чернеть' [11]. Ни корневой вокализм *ū*, ни само существование этой лексемы не вызывают никаких сомнений, так как она зафиксирована всегда аккуратным в записывании слов К. Бугой, и притом в тех говорах, в которых монофтонгизация дифтонга *uo* не констатируется. Вряд ли можно также предполагать здесь какое-то аналогическое преобразование регулярного глагола *juodúoti* 'чернеть', деноминатива от *júodas*, потому что соотношение *júodas*: *jūdė̃ti* является в лексико-семантической системе литовского языка вполне регулярным, ср. *čiuožas* 'след (в траве, посеве)': *čiūžė̃ti* 'ползать; топтать, растаптывать'; *dúobas*, *dúoba* 'дупло': *dūbė̃ti* 'вваливаться, впадать; про-, издырявливаться'; *júosta* 'пояс': *jūsė̃ti* 'носить, подпоясываться'; *slúogas* 'гнет; тяжесть, груз': *slūgė̃tis* 'вдавливаться, сжиматься' и др.[12]

Поэтому единственным правдоподобным допущением было бы усмотреть в этом глаголе остаток пласта лексем, имевших корень *jūd-* и сегменты содержания, связанные семемой 'черный'. Глагол *jūdė̃ti* указывает на направление, в котором должны вестись поиски родственных лексем.

В говорах литовского языка, преимущественно жемайтских, зафиксированы лексемы *jùdros*, *jùdrės* 'die schwärzlichen Scheidezähne des Pferdes, nach denen man dessen Alter schätzt'. В латышском языке им соответствуют *judra* 'das Korn in den Zähnen der Pferde'. ME II 115, *judre* 'eine kleine Vertiefung in den Vorderzähnen eines Pferdes' EH I 566. О том, что эти латышские слова употребляются в аналогичных контекстах, что и соответствующие литовские слова, свидетельствует следующий фрагмент: piecu gadu vecumā zirgam vairs nau piena zuobu, bet tikai īstie.

[11] «Lietuvių kalbos žodynas», IV. Вильнюс, 1957, стр. 367 (далее — LKZ).
[12] См.: «Lietuvių kalbotyros klausimai» XIV. Vilnius, 1973, стр. 36—37, 67, 95, 100—101.

Šuo istuo priekšzuobu gali izskatās gareniski apaļi, vidū tiem iemelnas bedrītes (judras) «у лошади пяти лет нет больше молочных зубов, но только коренные. Концы этих передних зубов в поперечнике выглядят круглыми, внутри черноватые ямки, т. е. judras» ME II 115. Для наших целей здесь важно то, что и в литовском, и в латышском языках появляется сегмент плана содержания 'черноватый, темноватый', ср. лит. *jùdros*, *jùdrės* 'die schwärzlichen Schneidezähne. . .'., лтш. . . . *iemelnas bedrītes* (*judras*) '. . .черноватые ямки'. Ввиду этого представляется возможным лит. *jùdros*, *jùdrės*, лтш. *judra*, *judre* сопоставить с рассматриваемыми лексемами лит. *júodas jūdė́ti*.

С другой стороны, лтш. *judra*, *judre* обнаруживают непосредственную семантическую связь с такими лексемами, как *judre* (диал. juder) 'das angefaulte Innere einer Fichte', *judras kuoks* 'ein im Kern ausgefaulter Baum', *judraîns* 'in der Mitte ausgefault' ME II 115. *judrs* 'vermodert, weich, porös' EH I 566. Таким образом, в плане содержания латышских лексем, имеющих сегмент плана выражения *judr-*, мы находим сегмент 'черн(оват)ый', с одной стороны, и сегмент 'выгнивший, истлевший' — с другой. Эта констатация наводит на мысль о том, что семема 'черный, темный' своим происхождением, по-видимому, связана с сегментами плана содержания 'прогнивший, истлевший; гнилой, тухлый', 'гнить, тлеть; портиться, распадаться'. В подтверждение этого можно привести некоторые параллели аналогичного семантического развития. Наряду с лит. *gèsti* (praes. *geñda*) 'портиться' имеется *į-gèsti* 'попортиться; немного прогнить; почернеть; вкраситься'. Сегменты 'почернеть; вкраситься' хорошо выражаются в следующем контексте: Įgedo (gijas bedažant, žoles beraunant) rankos — negaliu numazgoti LKŽ III 277 [Почернели, т. е. испортились, руки (при крашении, вырывании трав) — не могу отмыть]. Лтш. *trusêt* означает не только 'faulen, modern', но и 'braun, fleckig werden (von Kartoffeiln)'. От этого глагола или от *trust* (praes. *trusu*) 'faulen, modern' при помощи суффикса *-l-* образованы в латышском два производных — I *trusls* 'faul, vermodert' и II *trusls* 'цвет, похожий на цвет ольхи' ME IV 248—9. Лит. *dujà* 'морось, мгла; газ; истлевшая, разложившаяся вещь' в латышском соответствует *dujs* 'schmutzig graubraun'. Соответствиями лтш. *tilêt* (praes. *-u*, *-ẽju*) 'bleichen (von Flachs, Hanf)' и *tìlt* [2] (*tilstu*, *tilu*) 'weich werden, verwittern (vom Flachs)' являются в славянских языках лексемы, полностью предназначенные для выражения гниения, разложения, тления; ср. др.-русск. *тьлѣти*, *-ѣю*, *тьлити*, *тьлю* 'портиться', ст.-слав. тьлѣти 'гнить' [13]. При таком положении вещей следовало бы подумать об этимологической связи загадочного русск. *гнедой* '(о лошади и некоторых других животных, например туре, лосе) темно-рыжей шерсти или масти с черным хвостом и гривой' (Даль [2] I 362)

[13] Фасмер IV, стр. 64,

и его соответствий в других славянских языках с корнем, представленным в глаголе русск. *гнить*, ст.-слав. гнити и др. Следовательно, из сегментов содержания 'прогнивший, истлевший, гнилой, тухлый', 'гнить, тлеть; портиться, распадаться' могут возникнуть сегменты содержания, ассоциирующиеся с определенными оттенками цветов: темного, черного, коричневого, бледного. Если так, то становится понятным, почему сегмент плана выражения *judr-* в литовском и латышском языках был использован для наименования определенных растений [Camelina (sativa) и др.], ср. лит. *judrà* 'рыжик', *jùdros* 'рыжики', *judrẽlė* 'Lepidium sativum' LKŽ IV 372, лтш. *judras*, *judres*, *judri* 'Leindotter (camelina sativa)' ME II 115, *jûdra* 'Leindotter' EH I 558.

Имена существительные лит. *judrà*, лтш. *judra* (с поздним преобразованием путем аналогии окончания *-a* в *-e*, ср. лит. *judrė*, лтш. *judre*) могут быть субстантивированными формами прилагательного, ср. лтш. *judrs*, ж. р. *judra* или, — что более правдоподобно, — вместе с *judrs* и *jûdra* 'Leindotter' при помощи суффикса *-r-* образованы от глаголов *jud-* 'гнить, тлеть; тухнуть, протухать, портиться', *jūd-* 'делаться темным, черным', ср. лит. *beñdras* '(nomen) соучастник', '(adj.) общий', *bendrẽ* 'общий луг', лтш. *biedrs* 'товарищ': др.-инд. *bandhati* 'связывает'; лит. *mìšras* 'смешанный': *mìšti* 'смешиваться', *miẽšti* 'разбавлять, разводить'; лит. *kaitrà* 'жара, зной': *kaĩsti* 'ставить на огонь, греть, нагревать' и др.[14]

Аналогичную словообразовательную модель представляет и лит. *judra* 'вихрь' (без ударения), зафиксированное в середине XIX в. Семантически оно относится как к корню *jud-* 'гнить, тлеть; распадаться, портиться' (ср. лит. *dvõkti* 'вонять, издавать зловоние; гнить, портиться, испуская зловоние', 'дуть, веять'; лтш. *dvaga* 'Dunst, schlechter Geruch', 'der Zugwind'), так и к глаголам лит. *jáudytis* (praes. *-osi*) 'шалить, баловаться, озорничать, шуметь, схватываться; гневаться, злиться, браниться, ругаться', *jáustis* (praes. *-džiasi*) 'браниться, ссориться; упрямиться' (ср. лит. *áudra* 'буря': лтш. *aũdrums* 'ein ausgelassenes, wildes, unbändiges Kind, ein solcher Mensch'). К *judra* 'вихрь' непосредственно примыкает лит. *jáudra* 'буря', слово, известное южным наречиям литовского языка (Лишкява, Пяляса). Если оно не имеет протетического *j-* (ср. общеупотребительное *áudra* 'буря'; ср. *avižà* 'овес': диал. *javižà* то же), то при помощи суффикса *-r-* оно может быть образовано от глаголов *jáustis*, *jáudytis*. Что последняя возможность более правдоподобна, показывает *jáudra* 'подзол', своим планом выражения идентичное слову *jáudra* 'буря'; *jáudra* 'подзол' семантически тоже, по-видимому, соотносится с *jud-* 'гнить, тлеть, портиться, разлагаться', так как семантическое

---

[14] P. Skardžius. Lietuvių kalbos žodžių daryba. Vilnius, 1943, стр. 298 и след.

отношение между *jáudra* 'подзол': *judrs* 'vermodert, weich, porös' повторяется в лит. *jáura* 'подзол; топкое место, трясина; болото; пески с суглинком': *jùrti* (praes. *jūra*) 'распадаться; разваливаться, разлагаться, разрушаться; смешиваться' (семасиологически ср. словен. *urna zemlja* 'рыхлая земля' при *uren* 'гибкий, податливый', *úriti*, *ûrim* 'упражняться', 'ускорять', 'созревать' [15]). Следовательно, лит. *jáudra*, лтш. *judrs* и все остальные здесь рассматриваемые слова, с одной стороны, и лит. *jáura*, *jùrti* — с другой, являются, по-видимому, однокоренными; иными словами, вся эта группа лексем, имеющих форманты *-d-*, *-r-*, восходит, как кажется, к корню, представленному в глаголах лит. *jáuti* (*jáuna*, *jõvė*) 'смешивать; перемешивать', лтш. *jàut* (praes. *jàunu*, *jàuju*, praet. *jàvu*, *javu*) 'mischen, (Teig) einrühren' [16].

Такое положение вещей позволяет выявить дополнительные семантические связи. Как видно, некоторые лексемы, принадлежащие к этому корню, напр. *jáura*, *jáudra*, *judrs*, употребляются для наименования топких мест, болот, песков и подзола и их свойств. Чтобы убедиться в том, что наименования болот и наименования определенных цветов исторически взаимосвязаны, достаточно вспомнить классические исследования В. Шульце [17]. В изучаемых лексемах как раз и выражаются не только черный, темный (ср. лит. *júodas*, *jūdėti*, *jùdros* и др.), но и желтый цвет (ср. *Jùdros geltonaì žydinčios auga linuose* «Рыжик, желто цветущий, растет во льне»). Таким образом, лексемы *júodas*, *jūdėti*, *judra*, *judre*, *jùdros*, *jùdrės* литовского и латышского языков, обозначающие черный и желтый цвета, представляют двоякую связь с остальными лексемами: через сегменты содержания 'прогнивший, истлевший, гнилой, тухлый' и через сегменты 'топкое место, болото; пески, подзол'.

Здесь целесообразно указать на то, что рассматриваемые лексемы имеют точки семантического соприкосновения (ср. семантическую связь *jáudra* с *jáudytis*, *jáustis*, см. выше; относительно связи *jud-* 'гнить, тлеть; портиться, распадаться' и *jáudytis* 'гневаться, злиться, браниться, ругаться' ср. русск. диал. *гнев* 'гниль', русск.-цслав. *гнѣвъ* 'гниль') с такими лексемами, как *jáustis* (praes. *-džiasi*) 'браниться, ссориться; упрямиться', *jáudytis* (praes. *-osi*) 'шалить, баловаться, озорничать, шуметь, схватываться; гневаться, злиться, браниться, ругаться', *jáudyti* (praes. *-o*), *jáudinti* 'волновать, возбуждать', лтш. *jaudît* 'bewegen', лит. *judėti* (praes. *jùda*) 'двигаться, шевелиться', лтш. *judêt* 'sich bewegen; laufen, eilen', лит. *jùdinti* 'двигать; шевелить; трогать',

---

[15] Л. В. Куркина. Славянские этимологии. «Этимология. 1971». М., 1973, стр. 72.

[16] О них и соответствиях в других и.-е. языках см.: Pokorny, стр. 507; Frenkel, стр. 191.

[17] W. Schulze. Kleine Schriften. Göttingen, 1933, стр. 111 и след.

judrùs 'подвижной, подвижный; резвый', *jaudrùs* 'возбудимый' [18].

Это явление объясняется, по-видимому, тем, что лексемы *jáustis*, *jáudyti(s)*, *jaudît*, *judė̃ti*, *judêt* и т. д. тоже могут восходить к корню, представленному *jáuti*, *jàut* 'mischen, (Teig) einrühren', ср. лит. *meĩšti* 'мешаться, вертеться, двигаться, ходить сюда или туда, бегать', *maišýti* 'мешать, перемешивать, смешивать'; нем. *rühren* 'двигать, шевелить', 'мешать, помешивать' (ср. den Brei rühren, in dem Brei rühren); англ. *stir* 'шевелить(ся); двигать(ся)', 'волновать, возбуждать', 'мешать, помешивать, размешивать'.

Кроме того, в отдельных случаях наблюдается сосуществование сегментов содержания 'гнить, тлеть; портиться, распадаться', 'двигать(ся)', 'шалить, баловаться, озорничать, шуметь', 'гневаться, злиться, браниться, ругаться'; ср. лит. *dūlė̃ti* (praes. *dū̃la*) 'тлеть; истлевать; трухляветь', *pri-dūlė̃ti* 'подкрасться, подкрадываться', *dū̃linti* 'идти потихоньку, брести, плестись'; *gèsti* (praes. *geñda*) 'гнить, портиться; трогаться, (за)двигаться, (за)шевелиться, беситься, бушевать'; *dvõkti* (praes. *dvãkia*) 'вонять, издавать зловоние; гнить, портиться, испуская зловоние', *dvokė̃tis* 'выдыхаться', лтш. *dvaka* 'übler Geruch, schlechte Luft', *dvakuôt* 'stinken', *dvaga* 'Dunst, schlechter Geruch; der Zugwind', лит. *dū̃kti* 'выдыхаться; гневаться, злиться; беситься, шалить, озорничать, шуметь', лтш. *dũkt* 'ohne Sorgen sein; sich trüben', *dukt* 'matt, abegemattet sein', *dugt* 'dunstig, trübe, finster, böse werden', *dugâties* 'verderben, schimmeln (von Speisen)'. *duga* 'schlechter Beigeschmak oder übler Geruch von Speisen; ein zäher, auf dem Wasser schwimmender Schleim, Schlamm'.

Таким образом, лит. *júodas* 'черный' с его соответствиями в латышском и древне-прусском языках (ср. лтш. *juodene* '. . .eine gewisse schwarze Beere', др.-прусск. *Jode*, *Jodeyko* и т. д.) в силу привлеченных данных перестает быть изолированным и включается в целый круг родственных лексем. Поэтому предположение К. Яунюса, как кажется, было небезосновательно — лит. *júodas*, следовательно, восходит, видимо, к праформе **jōud-*, алломорфа которой в редуцированной ступени аблаута была *jūd-*, ср. лит. *jūdė̃ti* 'чернеть'. В качестве аргумента к этому можно привести лтш. *juõdinat* 'jem. zu etwas antreiben, an etwas erinnern' ME II 125, которое через **jōud-* связывается с лтш. *jaudît* 'bewegen', *jũdît* 'langsam treiben; unruhig machen', *jûdît* 'zanken machen, verhetzen', *judêt* 'sich bewegen; laufen, eilen'. В развитии праформы **jōud-* в *juod-* существовала, по-видимому, промежуточная стадия **jōd-*, отражающаяся, может быть, в древне-прусских лексемах с *Jod-*.

---

[18] Корень *jud-* 'двигать(ся)', как кажется, имелся и в древнепрусском языке; ср. антропонимы *Jude* (ср. лит. *Judis*, *Judys*), *Judico* (ср. *Judikis*, *Judeika*), *Judel* (ср. лит. *Judelis*, *Judėla*), *Judenne* (ср. лит. *Judinas*).

Ввиду включения лит. *júodas* 'черный' в лексический круг, к которому относятся также *judėti*, *judêt* 'двигаться' и другие указанные лексемы, в новом свете может представляться лтш. *juõds* 'ein Waldteufel, ein Feldteufel; ein böser Geist, in der Vorstellung des Volkes nicht immer vom Teufel (velns) unterschieden' ME II 125, обычно сопоставляемое с лит. *juõdas* 'черный'[19]: семасиологически такое сопоставление вполне возможно, ср. лит. *juodàsis*, *júodasis*, *juodskis*, *juodžius* 'черт (собств. черный)', однако следует иметь в виду и то, что подобные семантические признаки позднее могли быть приписаны христианством. Непосредственное сопоставление лтш. *juõds* с *jaudît*, *jūdît*, *judêt* проясняло бы характеристики этого демона, представленные в народном верований: bargā laikā Kurzemē saka: Perkuons juodus gaiņā. Ziemeļa blāzmai plevinuoties saka: juodi kaujas, kaŗa ļaužu dvēseles kaujas «во время грозы в Курземе говорят: Перкун чертей гоняет. Когда играет северное сияние, говорят: черти дерутся, души воинов бьются» ME II 125, ср. лит. *jáustis*, *-džiasi* 'браниться, ссориться; упрямиться'. Семантические признаки '*Wald-*, *Feld-*' латышского демона в таком случае объяснялись бы планом содержания лексемы *jáudra* 'подзол' (ср. еще однокоренное *jáura* 'подзол, топкое место, трясина; болото; пески с суглинком').

Если учесть связь лтш. *juõds* 'черт' с корнем *jud-* 'гнить, тлеть; тухнуть, протухать, портиться', а также ассоциацию черта в балтийской мифологии с царством усопших[20] (ср. еще лит. *vélnias* лтш. *veĩns*), то получает объяснение непонятное с первого взгляда специфическое значение лтш. *juod*, мн. *juodi* 'души убитых на войне' (семасиологически ср. др.-исл. *valr* 'убитый на поле боя': др.-лит. *velinas*, лит. *vélnias*, лтш. *veĩns* 'черт').

Не случайно и то, что, наряду с *juõds*, как уже указывалось (см. выше), существуют лексемы *judra* 'вихрь' и *jáudra* 'буря'. Сосуществование значений 'черт' и 'вихрь', 'буря' хорошо согласуется с распространенным мотивом литовских сказок о появлении и исчезновении черта, сопровождаемом всегда ветром, вихрем и грозой[21]. Аналогичные представления находим и в славянской мифологии[22].

При таком положении вещей на сравнение с лтш. *juõds* невольно напрашивается болг. *юдя* 'зла самодива, която се носи на вих-

---

[19] П. Шмитс (см. P. Š m i t s. Latviešu mītoliģija. Otrs pārstrādāts izdevums. Rīgā, 1926, стр. 62) отрицает связь с лит. *juõdas* 'черный' и считает лтш. *juõds* странствующим культурным словом, происходящим, как и эст. *juudas*, фин. *juutas* 'черт', из библейского имени 'Ιούδαι 'Иуда'.

[20] V. V. I v a n o v, V. N. T o p o r o v. A Comparative Study of the Group of Baltic Mythological Terms from the Root **vel-*. «Baltistica», IX, 1973, стр. 15 и след.

[21] Из последних работ ср.: A. S e s e l s k y t ė. «Velnias ir mergina pirtyje» lietuvių liaudies pasakojamojoje tradicijoje. «Lietuvos TSR Mokslų akademijos darbai», A serija, 1 (42) t., 1973, стр. 191.

[22] K. M o s z y ń s k i. Kultura ludowa Słowian. T. II, część 1. Warszawa, 1967, стр. 473, 476.

рушка из въздуха' (ср. еще укр. *юда* 'род злого духа, нечистой силы'), наряду с которым существуют глаголы *юдя* 'мамя, подмамвам, изкушавам', *юдя се* 'плезя се, кривя се, правя грозни гримаси' [23]. Слав. **juditi* (болг. *юдя*, укр. *юдити* 'искушать, соблазнять, подстрекать, натравливать', блр. *юдзиць* 'поступать лицемерно; чернить, клеветать', польск. *judzić* 'подстрекать; подзуживать, науськивать, натравливать', словен. *júdati* 'дурно обращаться с кем, *júdati se* 'ссориться; биться, драться') и балт. *jáustis*, *jáudyti(s)*, *jaudît* являются родственными лексемами [24]. Так же, по-видимому, следует объяснить и глубокий параллелизм между болг. *юдя* 'зла самодива. . .', укр. *юда* 'род злого духа. . .' (из **joud-*) и лтш. *juõds* 'ein Waldteufel. . .' (из **jōud-*) [25].

---

[23] Л. Андрейчин, Л. Георгиев и др. Български тълковен речник, изд. 2. София, 1963, стр. 1016.

[24] Sławski I, стр. 1016.

[25] Семантическое отношение между *юдя*, *юда* и **juditi* повторяется в лексемах слав. **čr̥tъ* 'черт' и словен. *čȓt* 'черт, ненависть, вражда', *čŕtiti* 'ненавидеть', сербо-хорв. *цр́тити*, *цр́тӣм* 'заклинать, клясть', что вряд ли обоснованно пытается опровергать Г. Шустер-Шевц (см.: H. Schuster-Šewc. Slawische Etymologien. 1. Zur ursprünglichen Bedeutung von slaw. **čŕ̥tъ* «Teufel». — ZfSl, XVI, 1971, стр. 371), тем более что аналогичные значения обнаруживают балтийские лексемы *juõds* и *jaudît*, *jáudyti(s)*, *jáustis*. Со словен. *čŕtiti*, сербохорв. *цр́тити*, возможно, соотносятся лит. *kirténtis* 'биться, драться', *kerténtis* 'устраивать драку; шалить, баловаться, озорничать', *kirtëti* 'несколько жать' и, наконец, *kiȓsti* (praes. *keȓta*) 'рубить; жать; кусать; ударять', лтш. *cìrst* (praes. *cèrtu*) 'рубить, ударять', возвратные формы которых дают искомое значение 'биться, драться'.

И. М. Оранский

ЕСТЬ ЛИ ЭТИМОЛОГИЧЕСКАЯ СВЯЗЬ МЕЖДУ РУССК. *БЕРЕЗА* И ТАДЖ. *BURS* 'АРЧА'?

В известном «Историко-этимологическом словаре осетинского языка» В. И. Абаева (т. I, 1958, стр. 253) осет. *bærz* (ирон.) *bærzæ* (диг.) 'береза' (< др.-ир. **barza-*, и.-е. **bhrəg'o-*) сопоставляется с тадж. *burz*[1], *burs* 'арча', вахан. *furz* 'береза', сангл. *bərež*, шугн. *bəruǰ*, *bərüž* 'береста', 'береза', сакко-хот. *bramja* (следует читать *brāṃjä*) 'береза', *bruṃjə* 'береста' и т. д. С ссылкой на указанный словарь это сопоставление проводится и в новейшем этимологическом словаре славянских языков[2]. В этой связи представляется целесообразным предложить два уточнения:

1) Тадж. *burs* 'арча', совр. перс. *bors*[3] 'плоды можжевельника' (< ср.-перс. турф. **aburs*), как и этимологически родственные бел. *apūrs* 'можжевельник', афг. *obə́x̌ta*, *obə́šta*, *wōbə́šta*[4], йидга *yovurso* и т. д. восходят к др.-ир. (авест.) *hapərəsī-*[5] и в этимологическом отношении должны быть отделены от осет. *bærz*/*bærzæ* (др.-ир. **barza-*, и.-е. **bherəĝ-*, **bhr̥̄ĝ-*, праслав. **berza*, русск. *береза* и т. д.).

2) Приведенные памирские формы с начальным *b-* (сегодня их список может быть значительно пополнен и уточнен: шугн. *birūǰ*, руш. *b(ẹ)rūǰ*, орош. *b(ẹ)r'ūǰ*, барт. *b(ẹ)rūǰ*, *b(ẹ)rūč*, язг.

---

1 В известных мне материалах по таджикскому литературному языку и таджикским говорам *burz* 'арча' не зафиксировано. Упомянутое Зарубиным (Зар. МЯ, 172) и повторенное Моргенстьерне (Morg. IIFL II, 276) перс.-тадж. *burz* 'береза' никакими другими записями не подтверждается и должно, по-видимому, рассматриваться как недоразумение.

2 «Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд», вып. 1. М., 1974, стр. 203.

3 Новый персидско-немецкий словарь (Junker-Alavi, PDW, 94) дает чтение *bars* (по-видимому, с ошибочной огласовкой).

4 Новейшие словари приводят также формы *obə́x̣t*, *ubúxta* (ж. р.) (Асланов, АРС, 84), *avex̣tá* (ж. р.) (Лебедев—Яцевич—Калинина, РАС, 334).

5 См. Morg. Irano-Dardica, 84, 94, 102, 151; Morg. EVShGr, 14 (s. v. *ambax̌c*). Слово *hapərəsī-* (название растения) засвидетельствовано в Авесте только один раз (Yt. 14. 55), при этом из контекста следует, что ортодоксальным зороастрийцам возбранялось использование этого растения в качестве топлива, но что «люди, поклоняющиеся дэвам» (mašyāka daēvayāzō), приносили его к (священному) огню. (Bartholomae, AiWb., 1765). В этой связи Моргенстьерне (Morg., Irano-Dardica, 152) обратил внимание на то, что кафиры до сих пор используют можжевельник при обрядах жертвоприношения.

bərúǰ, *bərúž*, ишк. *bərəẓ̌*, *b(ə)ruǰ* etc., сангл. *bᵊrež* etc., зеб. *bruǰ*, *bᵊrež*) вместе с таджикскими диалектными формами (кул. *bəruǰ*, бад. *buruǰ*, тадж.-вах. *brəǰ*), афг. *barǰ* и сакско-хот. *brāṃjä*, *bruṃja* не могут быть возведены непосредственно к др.-ир. **barza-*: приведенные формы отражают не иранскую[6], а индоарийскую (др.-инд. *bhūrja-*) линию развития и.-е. **bherəǵ-*, **bhr̥ǵ-* и были, по-видимому, в разное время заимствованы из индоарийских языков[7]. В недавно опубликованной статье[8] автор этих строк пытался объяснить распространение индоарийских форм данного слова в иранских языках Памирско-Гиндукушского и Синьцзянского ареалов как культурное заимствование. При этом отмечалось, что др.-инд. *bhūjra-*, **bhaujra-* обозначают не только разновидность березы (Betula Bhojpattra), но и березовую кору, бересту, и различные изделия из бересты, в частности, бересту как материал для письма, откуда значения «документ», «рукопись», «долговое обязательство» и т. п. Береста как материал для письма, различные плетеные изделия из бересты, трубки, амулеты и т. п. издавна служили предметами торгового обмена, и вместе с этими предметами само индоарийское слово, обозначающее бересту (и березу), вошло в местные иранские языки[9].

В настоящее время можно добавить, что письменные документы на бересте были распространены не только в Северной и Северо-

---

[6] Собственно иранская линия развития отражена, помимо осет. *bærz/baerzæ*, шугн. *vēγ̌ʒn*, *vɛ̄γ̌ʒn* 'берёза', руш. *vāu̯zn*, *vāwzn*, барт. *vōu̯z*, *vōwzn*, орош. *vōuz*, язг. *vawz* (< **barznī*), мундж. -йидга *vízvirγa etc.* (**br̥za-wāraka-* или **br̥za-pāϑrakā-*); парачи *bhīn* (**br̥zn(y)a-*) и, возможно, также вахан. *fərz*, *furz*, хотя появление начального *f-* в последнем случае и требует специального объяснения. См. Morg., IIFL I, 240; II, 276; Morg., EVShGr., 84.

[7] См. Morg., EVP, 15; Morg., IIFL II, 386; Mayrhofer, стр. 514—515 (с ссылкой на: H. W. Bailey. — TPhS, 1955, 77).

[8] I. M. Oranskij, Indo-Iranica IV. «Mélanges Linguistiques offerts à Émile Benveniste». Paris, 1975.

[9] Аналогичное явление произошло и в другой части ираноязычного мира. В иранских языках, распространенных на территории современного Ирана, где береза растет только в высокогорных лесах Прикаспия (см. Habibollah Sabeti, Trees and Shrubs of Iran, Tehran, 1966, стр. 54—55 [на перс. яз.]), Закавказья (за исключением осетинского) и в равнинной части Средней Азии, индоевропейская основа со значением 'береза' (см. выше) не сохранилась. Перс. *tus* береза (Betula alba), тадж. *tůs*, курд. (курм.) *tûz* [*tuz*] (Курдоев, КРС, 771), татск. *tuz* id. (А. Л. Грюнберг. Язык североазербайджанских татов. Л., 1963, стр. 118) отражают, по всей видимости, тюркское слово с первоначальным значением 'береста'. Ср. др.-тюрк. *toz* 'береста', 'береста как материал для письма' и т. п. (ДТС, 579, s. v. toz II; Doerfer, TMEiN, 611—612; Clauson, ED, 571), казах. *toz*, якут. *tuos*, хакас. *toz*, татар. *tuz*, башк. *tuz*, узб. *tůs* (*тўс*) и т. д. 'береста', 'кора', 'берестовина' (см. Л. В. Дмитриева. Названия растений в тюркских и других алтайских языках. «Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков». Л., 1972, стр. 155, 161). Показательно, что в памятниках ранненовоперсидской литературы (например, у Фирдоуси) и средневековых персидских толковых словарях (фархангах) это слово (*tōz*, *tōž*) обозначает еще кору дерева (вероятнее всего, березы), и изделия из нее — футляры для лука (оружие) и пр. (Wolff, Glossar, 252; BQ, 532—533).

западной Индии [10] и Восточном Туркестане, но и в Средней Азии. Документы, написанные письмом брахми и датируемые ориентировочно VII—началом VIII вв. н. э. (но не ранее V—VI вв. н. э.), найдены, в частности, при археологических раскопках в долине Сурхандарьи [11].

Можно указать сейчас и разновидность березы, кора которой использовалась для указанной цели. Как сообщает Дж. Ф. Дастур в своей работе о полезных растениях Индии и Пакистана [12], под местным названием *bhujpattra* здесь понимаются две разновидности березы: Betula Alnoides Buch. Ham. и Betula Utilis Don. Prodr. Как материал для письма, для амулетов, для записи священных песен использовалась кора второй разновидности (Betula Utilis Don. Prodr.), обладающая ароматическими и антисептическими свойствами. Ареал этой разновидности — Средние Гималаи (Temperate Himalayas).

Принятые сокращения

Асланов, АРС	М. Г. Асланов, Афганско-русский словарь, М., 1966.
Зар. МЯ	Ив./И./Зарубин. К характеристике мунджанского языка. «Иран», I. Л., 1927.
Курдоев, КРС	К. К. Курдоев. Курдско-русский словарь. М., 1960.
Лебедев—Яцевич—Калинина, РАС	К. А. Лебедев, Л. С. Яцевич и З. М. Калинина, Русско-афганский словарь. М., 1973.
BQ	Moḥammad Ḥosayn ebn-e Khalaf de Tabrīz, Borhān-e Qāte ʿ(dichtionnaire de la langue persan). Edition entièrement revue, annotée et illustrée, avec des additions par Moḥ. Moʿīn, vol. 1—5. Teheran, 1963.
BSOS	«Bulletin of the School of Oriental Studies» (London).
Clauson ED	G. Clauson. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish, Oxford, 1972.
Doerfer, TMEiN	G. Doerfer. Türkische und Mongolische Elemente im Neupersischen, Bd. I—III. Wiesbaden, 1963—1967.
Junker—Alavi, PDW	H. F. J. Junker und B. Alavi. Persisch-Deutsches Wörterbuch. Leipzig, 1965.
Morg. EVP	G. Morgenstierne. An Etymological Vocabulary of Pashto. Oslo, 1927.
Morg. EVShGr	G. Morgenstierne. Etymological Vocabulary of the Shughhi Group. Wiesbaden, 1974.
Morg. IIFL	G. Morgenstierne. Indo-Iranian Frontier Languages, vol. I (1929) — II (1938). Oslo.
org. Irano-Dardica	G. Morgenstierne. Irano-Dardica, Wiesbaden, 1973.
Wolff, Glossar	F. Wolff. Glossar zu Firdosis Schahname. Berlin, 1935.

[10] См., например, T. Burrow. Some Dravidian Words in Sanskrit, TPhS, 1945 (1946), стр. 113.

[11] См. Л. И. Альбаум. Новые раскопки в Занг-тепе и индийские документы. «Индия в древности». М., 1964, стр. 206—208.

[12] J. F. Dastur. Useful Plants of India and Pakistan, Bombay, D. B. Taraporevala Sons and Co. Private Ltd., 1964, стр. 34—35.

М. П. Дадашев

О НЕКОТОРЫХ ГЕРМАНО-ИРАНСКИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ПАРАЛЛЕЛЯХ

Германо-иранские лексические параллели представляют собой словарные схождения или ареальные изоглоссы германских и иранских языков, возникшие в результате доисторических географических контактов германоязычных и ираноязычных племен [1].

«Под ареальными понимаются такие изоглоссы, которые не возводимы к единому праязыку и возникли в послепраязычный период на почве исторически складывавшихся территориальных общностей» [2].

В предлагаемой статье рассматриваются некоторые ареальные параллели из сферы лексики германских и иранских языков. Германо-иранские словарные изоглоссы, отразившие временную локальную общность, можно считать новообразованиями, или инновациями. Новшества из сферы лексики двух групп генетически родственных индоевропейских языков, германских и иранских, характеризуются наличием в их словарных гнездах общего корнеслова.

Под корнесловом сравниваемых германских и иранских языков я понимаю содержащийся в их словарных гнездах общий корень — носитель материально-семантической функции, т. е. ту общую часть германо-иранских словарных гнезд, которая на германской или иранской почве представляется нерасчленимой на морфологические элементы: словообразовательные и словоизменительные [3]. Однако эта общая часть германо-иранских словарных гнезд, для которой устанавливается архетип (или праформа), представляется расчленимой на составные индоевропейские элементы (корень, суффикс, распространитель), если привлечь соответствующий корнеслов других индоевропейских языков и сопоставить его с германо-иранским. При этом под суффиксом я понимаю вслед за К. Аммером индоевропейский элемент, имеющий словообразовательное или словоизменительное значе-

---

[1] См.: В. И. Абаев. Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965, стр. 3—147; М. П. Дадашев. Лексические связи германских языков с иранскими.— Уч. зап. 1-го МГПИИЯ им. М. Тореза, т. 29. М., 1965, стр. 323—341.

[2] В. И. Абаев. Скифо-европейские изоглоссы, стр. 145—146.

[3] Ср. K. Ammer. Studien zur indogermanischen Wurzelstruktur. «Die Sprache», 2, 4. Wien, 1952, стр. 193—196.

ние, а под распространителем — элемент, не несущий внутри германо-иранских корнесловов какой-либо функционально-семантической нагрузки. Термин «распространение» я употребляю, следовательно, не в том смысле, в каком его употребляет Э. Бенвенист, по теории которого в общеиндоевропейскую эпоху один и тот же элемент основы мог выполнять и роль суффикса, и роль распространителя в зависимости от характера огласовки этого элемента [4].

Среди общих для германских и иранских языков лексических параллелей можно выделить, во-первых, изоглоссы германо-иранские; во-вторых, изоглоссы германо-индо-иранские, или германо-арийские, т. е. с участием древнеиндийского языка; в-третьих, изоглоссы с участием германского, иранского и еще какого-нибудь или каких-нибудь неарийских языков; в-четвертых, изоглоссы с участием германского, арийского и еще какого-нибудь и.-е. языка. Сравнительно-историческое изучение германо-иранских ареальных изоглосс представляет определенный научный интерес для германистики и индо-иранской филологии. Перейдем к описанию нескольких словарных параллелей германских и иранских языков.

'Лето, время года'

Германские языки: др.-исл. *sumar* ср. р., *sumarr* м. р. 'лето'; др.-англ. *sumor* (англ. *summer*), др.-фризск. *sumur*, др.-сакс., др.-в.-нем. *sumar* 'лето'. Корнеслов германских языков сводится к прагерм. **sum-* в нулевой ступени чередования из и.-е. **sem-*/**som-*/**sm̥-* 'лето' [5].
Иранские языки: авест. *ham-* м. р. 'лето', *hąmina-* ср. р. 'летнее время', бактр. *hamino* 'лето', 'зной', курд. *havîn* 'лето', татск. *hæminón* 'лето', 'летом' (ср. др.-инд. *sámā-* 'полугодие, год, время года'). Др.-иран. **ham-* 'лето', 'сезон' закономерно соответствует общеарийск. **sam-*.

Германо-арийское лексическое совпадение со значением 'лето' имеет этимологические параллели в армянском и кельтских языках: ср. арм. *am* 'год', *amarn* 'лето' (**səmərom*); др.-ирл. *sam* (*rad*) 'лето', др.-кимр. *ham*, брет. *hañw* 'лето' [6]. Это же самое понятие передается в северогерманских, славянских и кельтских языках и.-е. корнем **lēt-*: др.-гутн. *lāþigs* 'весной', швед. диал. *låding*, *lång* 'весна', *i lådigs* 'прошлой весной', ст.-слав. лѣто 'теплое время года', 'год', русск. *лето*; др.-ирл. *la(i)the* 'день', галльск. *lat* 'день' [7]. С германо-арийско-армяно-кельским обозначением понятия 'лето, время года, год' корнем **sem-*/**som-*/**sm̥-*

---

[4] См. Э. Бенвенист. Индоевропейское именное словообразование. М., 1955, стр. 178—204.
[5] Kluge[15], стр. 715; de Vries, стр. 560.
[6] Pokorny, стр. 905.
[7] Н. С. Чемоданов. Место германских языков среди других индоевропейских языков. «Сравнительная грамматика германских языков», т. I. М., 1962, стр. 56.

не связаны образования от и.-е. **aidh-* 'жечь (о солнце); палить, сжигать', 'светить, сиять, сверкать', напр. лат. *aestās* ж. р. 'теплое время года, лето', 'летняя жара', *aestūs* м. р. 'жар', 'летний зной, лето' (<и.-е. **aidh-s-t-*). Таким образом, корень **sem-/*som-/*sm̥-* в рассмотренных значениях присутствует только в лексике германских, индо-иранских, армянского и кельтских языков.

'Отвратительный, противный, неприятный, плохой; злой; гнусный, мерзкий и т. д.'

Германские языки: гот. *agls* прилаг. 'плохой, позорный, постыдный; гнусный, мерзкий', *agliþa*, *aglō* ж. р. 'нужда; бедствие; печаль, горе, скорбь', *us-agljan* 'притеснять, угнетать', др.-англ. *eg(e)le* 'противный, отвратительный; утомительный', *eglan* 'причинять боль', *eglian* 'находиться в болезненном состоянии', англ. *ail* 'болеть, беспокоить; причинять страдание', ср.-н.-нем. *egelen* 'причинять боль; навести тоску, горе'.

Для корнеслова германских языков можно установить праформу **ag-la-*, которая развивается из и.-е. **agh-lo-* 'противный, отвратительный, неприятный' [8], где **agh-* — это и.-е. корневая морфема, а *-l-* выступает как и.-е. суффиксальный элемент.

Иранские языки: авест. *aγa* прилаг. 'плохой, скверный; злой', *aγā-* ж. р. 'зло, вред; ущерб', *aγavant-* прилаг. 'злобный' [9]. Сюда я отношу также татск. *åγū*, *åγulæ* 'яд', *åγujæ* 'ядовитый, противный; злой'.

Авестийско-татские слова наводят на мысль о существовании в праиранском формы **aγa-la-*. С др.-иран. **aγa-la-* смыкаются индоарийские обозначения: ср. др.-инд. *aghas*, *aghalás* 'злой; плохой, неприятный', ср. р. 'зло, вред; ущерб', предполагающие наличие в арийском архетипа **agha-la-*.

С точки зрения М. Майрхофера, германо-индо-иранские лексические образования не должны быть древними, о чем свидетельствуют их структурные особенности [10].

За пределами германских и арийских языков привлекают для сравнения следующие слова в кельских языках: др.-ирл. *āil* 'позор, стыд', ср.-ирл. *ālad* ср. р. 'рана' (<**agloton*), ср.-кимр. *aelu* 'болезненный', *aelou* м. р. 'боль' (<**aglou*) [11].

В наличии этимологической связи между германо-арийским совпадением и др.-ирл. *ail* сомневается С. Файст [12].

'Грусть, скорбь, печаль, обида, огорчение; стыд, стыдливость'

Германские языки: др.-исл. *harmr* м. р. 'грусть, печаль, обида'; др.-англ. *hearm* (англ. *harm*) 'боль, печаль, забота', др.-фризск.

---

[8] Pokorny, стр. 8.
[9] Bartholomae, стр. 47—48.
[10] Mayrhofer, стр. 19.
[11] Pokorny, стр. 8.
[12] Feist, стр. 15.

herm, др.-сакс. *harm*, др.-в.-н. *har(a)m* 'боль, обида; позор', н.-в.-нем. *Harm* м. р. 'грусть, скорбь, печаль, обида'. Все это происходит из германской основы **harma-*, представляющей собой закономерное развитие и.-е. базы **k̂ormo-* 'мучение, боль; стыд, позор'.

Иранские языки: авест. *fšarəma* 'стыд', вост.-осет. (ирон.) *æfsærm*, *æfsarm*, зап.-осет. (диг.) *æfsarm*, *æfsar* 'стыд, стыдливость, соблюдение приличий', ср.-перс., н.-перс. *šarm*, совр. перс. *šáerm*, тадж. *šarm*, татск. *šáerm*, белудж. *šarm*, курд. *šerm*, афган. *šarm* 'стыд, срам, позор, стыдливость' и т. д. Названные слова из восточноиранских и западноиранских языков В. И. Абаев возводит к общеиранской базе **fšarma-* [13], представляющей собой, на мой взгляд, первоначально сложное образование **abi-šarma-* или **api-šarma-*, первый компонент которого имел самостоятельное употребление как в индо-иранских, так и в других индоевропейских языках, ср., например: авест. *aibī*, *aiwi*, *aivi*, др.-перс. *abiy* 'к', 'по направлению к чему-либо' // др.-инд. *abhí* (< арийск. **abhí* < и.-е. **m̥bhi*) // др.-исл. *um(b)*, др.-в.-нем. *umbi* 'вокруг' // лат. *ambi* 'вокруг' // греч. ἀμφί 'вокруг'; или авест. *aipī*, др.-перс. *apiy* 'также, подобным или равным образом', 'у, при, после' // др.-инд. *ápi* 'и, даже, также' (< арийск. **ap(h)i* < и.-е. **ep(h)i* // арм. *ev* 'и' // греч. ἔπι, ἐπί 'в, к, на' [14].

Если только считать, что иранская основа **fšarma-* развивается из праиран. **abi-šarma-*/**api-šarma-*, то представляется возможным объяснить сохранение в ней в анлауте морфемного элемента *f-*. Начальный звук *f* в общеиранском архетипе **fšarma-* (из предполагаемого **abi-šarma-*/**api-šarma* < и.-е. **m̥bhi-k̂ormo-*, **ep(h)i-k̂ormo-*) возник, вероятно, из *-b-*/*-p-* в позиции перед глухим согласным *š* (< и.-е. *k̂*) после редукции или выпадения гласных в двух чередующихся формах первой части рассматриваемого сложного существительного. Следует также сказать, что в двух древнеиранских диалектах, авестийском и древнеперсидском, засвидетельствованы сложные образования с **abi-*/**api-* в роли первого компонента, в составе которых он обнаруживает, по-видимому, усилительное значение [15], ср., например: авест. *aipi-awra* 'облачный, пасмурный', *aibī-ǰarətar* 'превозносить, восхвалять', др.-перс. *abī-čariš* 'пастбищные угодья' и другие.

Если только наше толкование праиран. **fšarma-* верно, то и.-е. базу **k̂ormo-* с основой на тематический гласный в значениях, представленных на почве германских и иранских языков, можно считать общим германо-иранским лексическим новообразованием.

С германо-иранской лексической параллелью сравниваются обозначения понятия 'стыд, срам, позор' в славянских языках,

---

[13] А б а е в I, стр. 482—483.

[14] M a y r h o f e r, стр. 39, 41; R. G. K e n t. Old Persian: Grammar, Texts, Lexicon. New Haven, 1950, стр. 168; K l u g e [15], стр. 803; B a r t h o l o m a e, стр. 82, 83, 87.

[15] B a r t h o l o m a e, стр. 82—83, 85, 87—90.

ср., например: ст.-слав. срамъ (<*sormъ) м. р. 'стыд, срам, позор', др.-русск. соромъ 'стыд', совр. русск. сором 'срам' [16] и т. д.

К и.-е. *k̂ormo- относится, может быть, еще и ирл. *cron* 'боль, страдание, печаль; несправедливость' [17].

'Теснить, напирать, давить; заставлять; зажатый, сдавленный, стесненный и т. д.'

Германские языки: др.-исл. *þryngva*, *þryngja* сильн. гл. 'напирать, теснить, давить, жать; вынуждать, заставлять'; гот. *þreihan* (герм. **þrinhan*) 'теснить, напирать; притеснять, угнетать'; др.-англ. *ðringan* 'давить, жать, теснить'; др.-фризск. *thringa*, др.-сакс., др.-в.-н. *thringan* 'теснить, напирать, давить, жать; вынуждать, заставлять'.

Германский корнеслов предполагает наличие в прагерманском двух чередующихся вариантов **þrinh-*/*þring-*, восходящих к и.-е. глагольному корню **trenk-*.

Иранские языки: с герм. **þrinh-*/*þring-* соотносится авест. *ϑraχta* прилаг., адъектив. причастие 'зажатый, сдавленный, уплотненный, стесненный' (<арийск. **traŋk-ta*) [18].

С германо-авестийским соответствием в генетической связи находятся следующие слова в балтийских языках: лит. *trenkiù* 'толкать с шумом', *trañksmas* 'шум, треск, грохот; суматоха, сутолока', лтш. *trìekt(-cu)* 'растолкать; раздавить, размолоть' и т. д.

И.-е. глагольный корень известен, помимо германских, иранских (авестийского) и балтийских языков, еще в кельтском и италийском, ср. др.-ирл. *di-fo-tracc* 'желать'; лат. *truncus* 'ствол дерева', 'обрубленный; изувеченный, изуродованный'. Однако по значению слов, содержащих общий корень, сближаются только германские, иранские (авестийский) и балтийские языки.

'Борьба, состязание, поединок и т. д.'

Германские языки: др.-исл. *ern* прилаг. 'сильный, крепкий, энергичный' (<герм. **arnia*), *jarna* сущ. 'борьба, состязание'; гот. *arniba* нареч. 'безопасно, надежно; твердо, уверенно'; др.-англ. *eornost* ж. р. 'борьба, состязание, поединок; серьезность, пыл, рвение'; ср.-н.-нем. *ernest*, ср.-нидерл. *ernst*, др.-сакс., др.-в.-нем. *ernust* м. р., ж. р., ср. р. 'серьезность; твердость, стойкость, непоколебимость', ср.-в.-нем. *ernest* 'борьба, состязание, серьезность'. В западногерманских языках *-u-st-* является суффиксом с эпентетическим гласным *-u-* [19].

---

[16] Pokorny, стр. 615; Johannesson, стр. 255—256; Фасмер III, стр. 724.
[17] Kluge [15], стр. 289.
[18] Bartholomae, стр. 801; Kluge [15], стр. 143; de Vries, стр. 624.
[19] Kluge [15], стр. 172.

Основа германских слов восходит к прагерм. **arni-*, **arnja-* 'решительное выступление', т. е. к слову с основой на *-ja-* [20], где *-n-* — это словообразовательный формант. Фр. Мецгер полагает, что др.-в.-нем., др.-сакс. *ernust* принадлежит к основе на *-u-* [21]; в таком случае прагерманская форма для *ernust* была бы *ernu-*.

Прагерм. **arni-*, **arnja-*, **ernu-* можно рассмотреть как производное образование с суффиксом *-n-*, которое состоит из индоевропейской базы **ernįo-/*ornįo-*, **ernu-* [22], восходящей в свою очередь к и.-е. глагольному корню **er-/*or-* 'приводить в движение; возбуждать' в сочетании со словообразовательной морфемой *-n-* [23].

Иранские языки: Ближайшими этимологическими соответствиями в иранских языках являются авест. *arənav-* м. р. 'борьба, состязание' [24] и др.-перс. *ham-arana* 'сражение' [25] // ср. др.-инд. *sam-araṇa-* 'борьба'.

И.-е. глагольный корень **er-/*or-/r̥-* широко распространен в индо-европейских языках, ср. например: лат. *orior* 'подниматься, двигать, возбуждать', др.-инд. *r̥ṇóti* 'подниматься, двигаться' и т. д. Но следует сказать, что и.-е. **ernįo-/*ernu-* с формантом *-n-* в значении 'борьба, состязание, поединок' наличествует только в лексике германских и арийских языков.

'Худой, маленький, малый; незначительный'

Германские языки: н.-в.-нем. *háger* 'худой, тощий' развивается из др.-герм. **hág(a)raz* (<прагерм. **hah(a)ráz* < и.-е. **kak-rós*) с озвончением *-h-* в *-g-* по закону К. Вернера и дальнейшей стабилизацией ударения на корневом слоге в позднегерманскую эпоху [26]. И.-е. база **kak-ró-s* образована путем сочетания глагольного корня **kak-* 'исхудать' с суффиксом *-ró-s* [27].

Иранские языки: авест. *kasav-*, *kasu-* прилаг. 'маленький, малый; незначительный', *kasuah* сравн. ст. 'более маленький; более незначительный', *kasišta* превосх. ст. 'самый маленький, самый незначительный', вост.-тег. *kessar* 'маленький', *kessertér* 'более

---

[20] H. Krahe. Über *st*-Bildungen in den germ. und idg. Sprachen. — PBB, 71, 2—3, Halle (Saale), 1949, стр. 237—238.

[21] Fr. Mezger. Zugesandte Druckschriften.— KZ 72, 1—2, Göttingen, 1955, стр. 127.

[22] Pokorny, стр. 327—328, 331.

[23] de Vries, стр. 105.

[24] Bartholomae, стр. 196—197; Chr. Bartholomae. Beiträge zur Etymologie der germanischen Sprachen. III, 8. Ahd. *ernust*, ags. *eornost*. — ZfdWf, Bd. 6. Straßburg, 1904—1905, стр. 355.

[25] R. G. Kent. Old Persian. New Haven, 1950, стр. 213.

[26] См. Э. А. Макаев. Понятие общегерманского языка и его периодизация. «Сравнительная грамматика германских языков», т. I. М., 1962, стр. 115.

[27] R. Trautmann. Germanische Etymologien. — ZfdWf, 7. Straßburg, 1905—1906, стр. 267; Kluge [15], стр. 280.

маленький', ср.-перс. *kasist*, *kēhist* 'самый маленький, самый незначительный', н.-перс. *kih* 'маленький' [28].

Общеиранский корень **kas-* возникает из и.-е. **kak̂-* (<и.-е. **kak-*) с переходом палатализованного *k̂* в *s* на иранской почве.

Для сравнения с германо-иранской лексической изоглоссой привлекают лит. *nukašėti* 'совсем обессилеть' [29].

В других индоевропейских языках **kak-* в рассмотренных значениях неизвестен. Так, например, греч. κακός 'плохой, безобразный, дурной, злой, неприятный; изношенный' по значению нельзя связать с германо-ирано-балтийским схождением [30].

'Еда, наживка, приманка'

Германские языки: др.-исл. *agn* ср. р., н.-исл., фар., н.-норв., н.-дат., н.-швед., *agn* 'приманка, наживка', швед. *agn*, *egna* гл. 'применять что-либо как приманку'. Северогерманское обозначение понятия 'наживка, приманка' предполагает существование позднегерм. **ag-na-* (из прагерм. **ah-ná-*/**ag-ná-* < и.-е. **ek̂-nó-*/**ok̂-nó-*, где и.-е. глагольный корень **ek̂-*/**ok̂-* 'есть' сочетается со словообразовательным формантом *-no-*) [31].

Иранские языки: на индо-иранской почве отмечаются слова, восходящие как к **ek̂-*/*ok̂-*, так и к **ek̂-nó*/**ok̂-nó-*, ср., например: авест. *kahrk-āsa-* сущ. (сложное) 'коршун', т. е. 'куроед', перс. *āš* 'еда, суп', татск. *åš* 'еда, каша' (вместо ожидаемого перс.-татск. **ås*).

В. И. Абаев относит сюда также вост-осет. (ирон.) *bas*, зап.-осет. (диг.) *basae* 'суп', 'похлебка', пам. язг. *paš*, 'густой компот из абрикосов' из иран. **upa-āsa*, где наблюдается сращение приставки осет. *ba-*, и, вероятно, пам. *pa-* (<**upa-*) с корнем **as-* 'есть; вкушать' [32]. Общеиран. **as-* имеет ближайшее этимологическое соответствие в индоарийском, ср., например: др.-инд. *áśnāti* 'ест, кушает, пожирает', *áśana* 'еда' (из арийск. **as-na-* < и.-е. **ok̂-nó-*).

Данную германо-арийскую изоглоссу можно считать сепаратным лексическим новообразованием, в отличие от общеиндоевропейской базы **ed-*, обозначающей понятие 'есть', ср., например: русск. *еда*, *есть* 'кушать'; лат. *edō* 'ем', гот. *itan* 'есть', др.-в.-нем. *ezzan*, нем. essen 'есть'; др.-прусск. *īst* 'есть', лит. *ėda*, *ėsti* 'есть (о животных)', лтш. *ęda* 'наживка, приманка'; др.-исл. *át* ср. р., *áta* ж. р. 'еда, кушанье'; др.-инд. *ádmi* 'ем', *átti* 'ест'; арм. *utem* 'ем'; греч. ἔδω 'ем' [33] и т. д.

---

[28] Bartholomae, стр. 460; H. Hübschmann. Persische Studien Straßburg, 1895, стр. 115.
[29] Frisk, стр. 758—759.
[30] R. Trautmann. Germanische Etymologien. — ZfdWf, 7. Straßburg, 1905—1906, стр. 267.
[31] Переход *k* > *h* объясняется, как известно, законом общегерманского передвижения согласных, а чередование *h*/*g* — законом К. Вернера.
[32] Абаев, стр. 239.
[33] Фасмер I, стр. 8—9, 18.

В. В. Иванов

НАЗВАНИЯ СЛОНА В ЯЗЫКАХ ЕВРАЗИИ. 1—3

1. Русс. *индрик, индер*

Фольклорное русское наименование сказочного животного *Индрик-Зверь* нельзя считать достаточно разъясненным. Давно уже предложенное объяснение этого слова и его вариантов (*Вындрик*, *Индрок*, *Индрия*, *Индра*) как результата трансформации др.-русск. *инърогъ*, *инорог* ʽединорог' [1] (калька греч. μονόκερως, ср. аналогичные кальки типа лат. *ūnicornis* в литературных западноевропейских языках) не кажется убедительным как ввиду фонетических и словообразовательных трудностей, так и потому, что эта гипотеза не учитывает особенностей семантики этого слова. По поводу девичьей фамилии бабушки героя «Подвига» *Индрикова*, образованной от *индрик*, Набоков писал: «Девичья фамилия бабки, волшебным происхождением разнясь от Волковых, Куницыных, Белкиных, относилась к русской сказочной фауне. Дивные звери рыскали некогда на нашей земле» («Подвиг»). Среди этих дивных зверей Индрик-Зверь был главным действующим лицом: он был матерью всех зверей (по Голубиной книге), что заставляет сразу же предположить наличие влияний тех евразийских мифологий (типа сибирских), для которых (в отличие, в частности, от всех древних индоевропейских традиций, в том числе и древнеславянской) характерно наличие Матери (хозяйки) зверей. Но особенно существенно то, что у Индрика-Зверя голова и хвост коня, а тело рыбы [2]: Индрия-Зверь водный (Азбуковник, изданный Сахаровым). Первое обстоятельство несовместимо с прямым возведением имени этого животного к названию единорога.

---

[1] Фасмер II, стр. 132. О. Н. Трубачев указал автору на возможность возведения русск. *Индрик-Зверь* как «полукальки» к греч.* 'Ινδρικοθηριον, ср. К. Индикоплов при греч. 'Ινδικοπλέυστης. Но это последнее восстанавливается только на основе современного палеонтологического термина типа русск. *индрикотерий* (название вымершего носорога). Термин же этот является поздним книжным образованием.

[2] См.: В. Ф. Миллер. О лютом звере народных песен древности. «Труды Московского археологического общества». М., 1877, т. VII, вып. 1, стр. 3 и сл.; Г. Н. Потанин. Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе. М., 1899, стр. 182. — О волшебных славянских средневековых бестиариях, в которых Индрик отсутствует, но отчасти сходную функцию царя всех зверей исполнял исследованный Веселовским Китоврас, см.: Н. Баталин. Сказание об Индейском царстве. «Филологические записки», г. 13. Воронеж, 1874, стр. 34 и сл.

Вместе с тем эта его характеристика позволяет четко очертить круг мифологических источников, из которых могло быть почерпнуто подобное представление. Фантастическое животное, у которого рыбьи плавники сочетаются с головой и ногами млекопитающих животных (чаще всего слона, но иногда тапира, носорога и других копытных), в высшей степени показательно для поверий (отраженных и в изобразительном искусстве) Индии и стран индийской культуры (в том числе и для таких областей Средней Азии, как древний Пянджикент). Обычно это животное обозначается санскритским термином *makara* 'макара, морское животное, морское чудище, крокодил, акула, дельфин' и производными от него словами [3]. Фантастические животные такого типа, соединяющие черты рыбы и копытного животного, встречаются и в более ранних памятниках культуры народов, испытавших воздействие древне-переднеазиатских культурных традиций: так, для типологии черт, объединяемых в образе Индрика, могут представить особый интерес доэллинистические этрусские изображения коней с рыбьими хвостами [4]. Общую культурно-историческую

---

[3] О первоначальном значении древнеиндийского слова *makara* и характере соответствующего ему образа и изображений ср. Ph. Vogel. Errors in Sanskrit dictionaries. — BSOAS, 1957, vol. XX, стр. 561—562; Он же. Le makara dans la sculpture de l'Inde. «Revue des Arts Asiatiques». Paris, vol. VI, 1929—1930, № 3, стр. 133—143 (в частности, о копытных макарах стр. 136—137), № 14—17, 21; O. Viennot. Typologie du makara et essai de chronologie. «Arts asiatiques», Paris, vol. I, 1954, fasc. 3 (см. о копытных макарах табл. VII, № 6—9), стр. 189 и сл.; Она же. — «Arts asiatiques», vol. V, 1958, fasc. 3; D. K. Bosch. The Golden germ. The Hague—Paris, 1960, стр. 21—22; А. М. Беленицкий. Новые памятники искусства древнего Пянджикента. Опыт иконографического истолкования. «Скульптура и живопись Пянджикента». М., 1954, стр. 73—77, табл. XXXI—XXXII; Н. В. Дьяконова, С. С. Сорокин. Хотанские древности. Л., 1960, стр. 107, №№ 1613, 1614; Е. С. Семека. Опыт типологического истолкования некоторых символов раннего цейлонского буддизма. «IV сессия по Древнему Востоку. Тезисы докладов». М., 1968; B. D. Robins, K. F. Bussabarker. The Makara, a mythical monster from India. «Archeology». New York, 23, 1970, № 1, стр. 38—43. Ср. также о сложных композициях, включающих макару и сходных образах в искусстве Юго-Восточной Азии: G. de Coral-Remusat. Influences javanaises dans l'art de Roluŏḥ (IX siècle) et l'influence de l'art de Roluŏḥ sur le temple de Bantā̆n Srĕi (fin de Xe siècle). «Journal asiatique», 1933, стр. 190—192; Она же. Concerning some Indian influences in Khmer Arts. «Indian Art and Letters». Delhi, vol. VII, 1933, стр. 110 и сл.; Она же. Animaux fantastiques de l'Indochine, de l'Insulinde et de la Chine. Conférence faite au Musée Louis Fingt le 27 janv. 1936. «Bulletin de l'École Française d'Extrême Orient». Hanoi, t. XXXVI, 1937, стр. 428; M. Hallade. Arts de l'Asie anciennes, thèmes et motifs. II. L'Asie du Sud-Est. Paris, 1924, tabl. XXIV, 254, 257, 259; XXXIII, 327, 328, 334; XXXVI, 364 и S. B. Deo. A note on the «Makarika» ornament. «Journal of the Oriental Institute M. S. University of Baroda». Baroda, vol. XVI, 1968, № 2, стр. 164—165.

[4] G. A. Mansuelli. Le sens architectural dans les peintures des tombes tarquiniennes, avant l'époque Hellenistique. «Revue archéologique». Paris, 1967, fasc. I, стр. 41—74. Многочисленные примеры более поздних передне-

типологию подобных фантастических «комбинированных» животных-драконов наметил В. Я. Пропп, указавший, что они характерны для мифологии и искусства древних государств: Египта, Вавилона, Индии, Греции, Китая, где дракон обычно состоит из двух, трех, четырех и более животных, чаще всего пресмыкающегося и птицы, но иногда и других животных (пантеры, льва, козла и т. д.) [5]. Наиболее ранние образцы таких комбинированных существ представлены уже в искусстве Верхнего Палеолита, в частности, в известной фигуре «Колдуна» из Труа-Фрер с ногами и головой человека, хвостом лошади, лапами медведя, «бородой» серны, лицом и клювом совы, глазами волка, рогами и ушами оленя [6]. Помимо случаев присоединения звериных (зооморфных) атрибутов к человеческой фигуре в графике Верхнего Палеолита обнаруживаются и другие комбинированные изображения, включающие разных животных, в том числе лошадь. Анализ этих наиболее архаичных комбинированных животных привел крупнейшего исследователя первобытного искусства А. Леруа-Гурана к выводу, что в них обычно соединяются символы, которые служат для передачи близких или полярных (синонимических или антонимических) значений [7]. Этот вывод представляется верным и по отношению к хронологически более поздним, но по типу архаическим комбинированным мифологическим животным типа индийской Макары и русск. Индрик-Зверя. Они либо обозначают комбинацию зооморфных символов разных мифологических миров, например, коня — символ среднего мира [8] и рыбы — символ нижнего мира, либо сочетание зооморфных символов одного мира. Первый случай (комбинация антонимических зооморфных символов) представлен в сочетании коня и рыбы в образе Индрика, причем исполняемая им функция Матери всех зверей согласуется с представлением его как комбинированного животного, объединяющего черты животных среднего и нижнего миров. Второй случай (сочетание синонимических зооморфных символов) представлен в тех образах макары, где объединяются символы рыбы

азиатских комбинированных фантастических изображений этого типа, см.: E. Baer. «Fish-Pond». Ornaments on Persian and Mamluk metal vessels. — BSOAS, vol. XXXI, 1968, pt. 1, стр. 14—27.

[5] В. Я. Пропп. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946, стр. 226.

[6] Б. А. Фролов. Числа в графике палеолита. Новосибирск, 1974, стр. 89 (там же о роли числа разных видов, объединяемых воедино) и 221, табл. 48, 6. — Замечание Б. А. Фирсова об отсутствии аналогий «межвидовым» комбинированным комплектам и неизученности этой проблемы не учитывает цитируемой ниже работы А. Леруа-Гурана.

[7] A. Leroi-Gourhan. Le geste et la parole. La mémoire et les rythmes. Paris, 1965, стр. 247—251 (и стр. 151—153).

[8] Более подробно об этом и других подобных зооморфных символах см. В. В. Иванов. Опыт истолкования древнеиндийских ритуальных и мифологических терминов, образованных от *aśva-* 'конь' (Культ коня и дерево *aśvattha* в Древней Индии). «Проблемы истории и культуры народов Индии. Сборник статей памяти В. С. Воробьева-Десятовского». М., 1974.

и слона, которые оба понимались как животные нижнего (водного) мира, ср. характерную для древнеиндийского языка многозначность слова *nāga* 'слон-змей'. Соответствующее мифологическое представление о слоне-змее как водном животном не ограничено пределами влияния области индийской культуры, а является общеевразийским. В частности, этим объясняется то, что финские названия *norsu* 'слон' и *norsunluu* 'слоновая кость' связаны с *mursu* 'морж'[9]. Почти все атрибуты слона как мифологического водного и подземного животного нижнего мира встречаются и у Индрика, которого (как и слонов индийской мифологии) считали причиной землетрясений; о нем сообщается, что он живет под землей, с его огромным рогом связывали происхождение рек и колодцев. То, что рассказывают об Индрике, согласуется и с теми повериями сибирских народов, в которых в качестве подобного змееобразного животного нижнего (водного) мира выступает не слон, а мамонт. По поверьям ханты, манси, кетов, югов (сымских кетов), селькупов, эвенков, мамонт, подобный лосю или быку, живет под землей в нижнем, водном мире. Согласно эвенкской мифологии, мамонт, живущий в море, представляет собой огромную рогатую полурыбу, полузмея с головой сохатого и туловищем рыбы[10]. Сходные представления отражены и в кетском мифе, где речь идет о 'рогах' (ɥo-ŋ) — бивнях мамонта (*t'ēl'*), подобного киту или акуле[11]. Мамонт изображается в этом мифе как огромная рыба, чьи рога примерзают зимой ко льду (ко дну моря — нижнего мира). По данным О. В. Тыгановой, записанным Г. К. Вернером, который любезно сообщил их автору, кетское сложное слово *qôt-tel'* (буквально 'мамонт-щука', ср. селькуп. *кощар. пичи* с тем же значением) означает 'животное, о котором поют шаманы; крокодил' (вне этого сложения слова *tēl'* 'мамонт' в пространном тексте мифа та же информантка переводила 'акула', что записавший это значение покойный А. П. Дульзон в письме к автору объяснял наличием у Тыгановой школьного образования). Любопытно, что 'крокодил' и 'акула' представляют собой

---

9 V. Kiparsky. L'histoire du morse (Annales Academiae Scientiarum Fennicae. Ser. B, t. 73, 3). Helsinki, 1952.

10 С. В. Иванов. Мамонт в искусстве народов Сибири. «Сборник Музея антропологии и этнографии». М.—Л., 1949, т. IX, стр. 133—134; Он же. Скульптура народов Севера Сибири XIX—первой половины XX в. Л., 1970, стр. 229—231, рис. 38, 5, стр. 157—158, рис. 139—140, стр. 103, рис. 92.4. — в связи с вопросом об Индрике этих сибирских представлений коснулся уже В. Ф. Миллер. Указ. соч., стр. 6.

11 А. П. Дульзон. Кетские сказки и другие тексты. «Кетский сборник. Мифология. Этнография. Тексты». М., 1969, № 57; В. В. Иванов. Восстановление первоначального текста кетского мифа о разорителе орлиных гнезд. «Материалы Всесоюзного Симпозиума по вторичным моделирующим системам. 1 (5)». Тарту, 1974, стр. 56—57. — Из типологических параллелей ср. выражение 'рог слона' в значении 'слоновая кость' в древней Эфиопии: E. Littmann. Indien und Abissinien. — «Beiträge zur Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte Indiens. Festgabe Hermann Jacobi zum 75. Geburtstag». Bonn, 1926, стр. 414.

обычные переводные эквиваленты санскритского *makara*, служащего названием сходного комбинированного мифологического животного нижнего мира.

Приведенные данные древнеиндийской и сибирских мифологических систем позволяют понять и несомненную связь русск. Индрик-Зверя с *индер* 'мамонт в виде змея' [12]. Поскольку 'мамонт' и 'слон' оказываются взаимозаменяемыми мифологическими образами сказочных животных нижнего (водного) мира, в свете указанных фактов кажется возможным искать в общих мифологических русских терминах отражение старого обозначения одного из этих животных (а не единорога). Такое обозначение могло бы быть либо заимствовано из индоарийских языков, либо вторично переосмыслено (в случае, если непосредственный источник следует искать в греческом) в связи с Индрой, так как санскр. *Indra* означало бога, чьим священным животным — ваханой (др.-инд. *vāhana* 'животное, на котором ездит соответствующее божество', родственно месопотам. арийск. *u̯ašanna-* 'стадион', согд. *wzn* 'дорога' в '*nxr-wzn*' 'круг Зодиака, дорога звезд' [13]) был слон. Связь бога грозы Индры со слоном запечатлена, начиная с пуранической литературы, где в разговоре Кришны с царем Нандой в «Брахмавайварте-пуране» (XXI, 102, 117) говорится о слоне, поднимающем хоботом воду из моря и передающем ее облакам, и вплоть до поэмы «Облако-вестник» («Meghadhūta») Калидасы, где речь идет о слоненке-облаке, помощнике бога Индры, изливающем воду вниз и вновь напивающемся из источников [14]. Вахана Индры — слон Айравата (др.-инд. *Airāvata* 'слон, змей, радуга', возможно, родственно корню хет. *illui̯anka-* 'дракон, демон, змей' [15]) изображается изливающим поток дождя на землю на восточном фронтоне храма 1 Бантеай Срей (X в. н. э.) [16]. Слон Айравата считался прародителем слонов и главой мировых сло-

[12] Г. Н. Потанин. Указ. соч., стр. 300. К отвергнутому Афанасьевым предположению о связи названия *Индрика* (*Индры-Зверя*) с именем бога Индры ср. В. Ф. Миллер. Указ. соч., стр. 3.

[13] E. Benveniste. Hittite et indo-européen. Paris, 1962, стр. 9; V. V. Ivanov. Aryen du Mitanni *aika*(-)*vartanna* et védique *ekavr̥t-*. «Mélanges linguistiques offerts à Emile Benveniste». (Collection linguistiques publiée par la Société de linguistique de Paris, LXX). Paris, 1975, стр. 287—288. — Первичность значения 'стадион, дорога' в этом индо-иранском слове (родственном др.-англ. *wæ*(*g*)*n* 'повозка', нем. *Wagen* и т. п.) вытекает из того, что в ведах ваханы еще не представлены, см. J. Gonda. Change and continuity in Indian religion. The Hague, 1965, стр. 71—114.

[14] Соответствующее мифологическое представление могло иметь и некоторые реальные основания, ср. о «Слоновых колодцах» в Кении: D. Holman. The Elephant people. London, 1967, стр. 19.

[15] См. об этом и других возможных этимологических объяснениях В. В. Иванов, В. Н. Топоров. Исследования в области славянских древностей. М., 1974, стр. 134 и сл., ср. там же, стр. 84.

[16] А. Маршаль. Ангкор. М., 1968, стр. 121; H. G. Franz. Hinduistische und islamische Kunst Indiens. Leipzig, 1967, стр. 265; O. Viennot. Le culte de l'arbre dans l'Inde ancienne. Paris, 1954, стр. 153. Об Индре и Айравате ср. также С. Л. Невелева. Мифология древнеиндийского эпоса (Пантеон). М., 1975, стр. 65.

нов. Если принять предположение о том, что слова *Индрик*, *индер* заимствованы из индо-арийских языков, то суффикс *-ик* в *Индрике*, вызывавший недоумение исследователей, можно было бы связать с частым суффиксом *-ika* в таких словах, как санскр. *makar-ika* 'включающий макару' (орнамент) от *makara* 'макара'. Подобные образования на *-ka* (ср. вариант *Индрок*) в древнеиндийском часто выступают в качестве названий животных или зооморфных существ: *aśvaka* 'лошадка', 'нечто напоминающее лошадь'; *śaśaka* 'заяц'; *jambuka-* 'шакал', ср. также производные типа *mātṛka-* 'материнское существо' [17] и т. п. Исходными в равной степени могли быть формы **indrik(a)-* и **indrak(a)-* (хотя предполагавшееся в связи с традиционной этимологией наличие сложения с русским названием 'рога' или позднейшее народно-этимологическое установление связи с такими сложениями и получило бы типологическое подкрепление в приведенных поверьях о «рогах» мамонта, оно не кажется фонетически вероятным). Относительно поздняя дата заимствования удостоверяется судьбой начального сочетания гласного с носовым (ср. как пример древнего слова той же исходной структуры праславянское *ję̨dr-*, возможно исконно родственное имени Индры [18]) и отсутствием параллелей в других славянских языках. Поэтому кажется возможным соотнести хронологически это заимствование, засвидетельствованное в Голубиной книге, с отмеченными именно в этом памятнике русской литературы, как и в некоторых других явлениях старой русской культуры, индийскими влияниями [19].

2. Этимология русск. *слон*

Воздействие индийских и других восточных представлений о сказочном змее-слоне, возможно, контаминировавшееся с общеевропейским (в частности, общесибирским) мифологическим образом змея-мамонта, представляется возможным видеть и по отношению к характерному для восточнославянского фольклора образу Змея [20] с несколькими хоботами [21]. С общесибирским обра-

---

[17] Ср. A. Thumb — R. Hauschild. Handbuch des Sanskrit, II t. Formenlehre. Heidelberg, 1959, стр. 43—44; J. Wackernagel, A. Debrunner. Altindische Grammatik, Bd. II, 2, § 44 и сл.; 194 и сл.; 360 и сл.; P. Hartmann. Nominale Ausdruckweise, стр. 31 и сл.

[18] В. В. Иванов, В. Н. Топоров. Указ. соч., стр. 190—191.

[19] В. Н. Топоров. Дхаммапада и буддийская литература. «Дхаммапада». М., 1960, стр. 9. Ср. также: Н. Баталин. Указ. соч., Н. В. Водовозов. Былина Кирши Данилова о Волхе и древние русско-индийские отношения. «Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы», XIV. М.-Л., 1958, стр. 212—216.

[20] Б. Н. Путилов. Русские и южнославянские эпические песни о змееборстве. «Русский фольклор. XV. Исторические связи в славянском фольклоре». М.—Л., 1968, стр. 29; ср. Б. Н. Путилов. Русский и южнославянский героический эпос. М., 1971.

[21] А. И. Никифоров. Победитель Змея (из севернорусских сказок). «Советский фольклор», 1936, № 4—5, сказка 7. Ср. . В. Новиков.

зом мамонта как огромного лося-сохатого сближается и представление, отраженное в сочетании «Жили слоны сохатныя» [22]. По фольклорным речениям «Слон — сущее чудище» [23].

Типологическое сходство восточнославянского фольклорного образа чудовищного слона-лося (близкого к Змею с хоботом) и общесибирского мифологического представления о мамонте-лосе заставляет отнестись с вниманием к недавно предложенному сближению русск. *слон* с сибирскими названиями мамонта. Однако в том виде, в каком эта гипотеза сформулирована Г. Е. Корниловым [24], она неприемлема: предположение заимствования (очевидно, достаточно позднего) через булгарско-чувашский в русский оставляет неразъясненными формы других славянских языков (польск. *słoń*, ср. др.-польск. *wsłoń*, чеш. *slon*, слвц. *slon*, в.-луж. *słóń*, н.-луж. *słon*, словен. *slòn*, болг. *слон*), указывающие на более раннюю дату заимствования. Кроме того, поскольку варианты чуваш. *слун*, *слон* явно заимствованы из русского, представляется, что и форма *сăлан* являлась вторичным результатом преобразования начального сочетания *сл*-, чуждого чувашскому языку, поэтому отпадает и объяснение второй половины слова (*сăл-ан*) на почве чувашского (из *анг* 'зверь' или аффикса причастия). В более раннем чувашском языке в том же значении (слон) использовался переднеазиатский миграционный термин *пил* [25].

Г. Е. Корнилов ошибочно указывает кетскую форму названия мамонта, которая ему представляется близкой к чувашскому. В кетском языке это слово представлено в приведенной выше форме *tēl'*, тогда как быть может отдаленно родственное ему (и

Образы восточнославянской волшебной сказки. Л., 1974, стр. 181, см. там же, стр. 192 о Змее в свете изложенного выше типологического вывода В. Я. Проппа о животных; Сказки и предания Самарского Края, собраны и записаны Д. Н. Садовниковым. «Записки Русского Географического общества по Отделению этнографии», т. XII. СПб., 1884, сказка 1; Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г., т. II. М.—Л., 1951, стр. 57; Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. М., 1909, № 24.

[22] Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М., 1938.

[23] Даль [2] IV, стр. 612. — В том же плане может представить интерес и подпись под старинным русским лубком, изображающим слона, из собрания Д. Ровинского, см. Русские народные картинки. Собрал и описал Д. Ровинский. Кн. I—V. СПб., 1881. — К евразийским представлениям о чудесном олене-лосе ср. Г. Г. Шаповалова. Севернорусская легенда об олене. «Фольклор и этнография русского Севера». Л., 1973.

[24] Г. Е. Корнилов. Алтайские параллели к чувашским названиям оленя, верблюда и слона. «Проблема общности алтайских языков». Л., 1971, стр. 211.

[25] «Историческое развитие лексики тюркских языков». М., 1955, стр. 140; В. Г. Егоров. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964, стр. 160. — Связь с этим миграционным термином (в анлауте которого начальное *s*- выступает в грузинском) славянского названия слона, предполагавшаяся К. Оштиром (K. Oštir. Slav. *slonъ* 'Elephant'. «Slavia», VI, 1, 1927, стр. 17), не представляется доказуемой.

другим сибирским названиям мамонта типа эвенк. *сэли* 'рога мамонта' в якутизированных говорах при обычном *хэли*, ср. якут. *хэли* ~ *сели* [26]) кетское слово *śel'* < **seli* (курейск. бакланих. ^{4}*sɛ* : *l'i*) имеет значение 'олень'. Различие между анлаутами и конечными плавными двух этих слов должно быть возведено к достаточно древнему периоду, как показывает сравнение с югск. (сымско-кетск.) ^{4} *se*^{h}: *r* 'олень': ^{1}*čel* 'мамонт'. Фарингализованный 4-й тон в югском (сымск.-кетском) в данном случае можно связать с исчезновением гласного второго слога и превращением слова в моносиллабическое [27]; следовательно, как исходное (с учетом обычного для югского перехода *l'* > *-r*) восстанавливается общеенис. **se:l'i* 'олень', фонетически совпадающее с диалектным эвенкским *сэли* и якутским *сели* 'рога мамонта'. Семантическая связь между названием оленя и рогов мамонта может объясняться описанными выше общесибирскими мифологическими представлениями. Поэтому по семантическим причинам вероятна и связь общеенис. **se:l'i* и **te:l* (откуда кетск. *tel'*, югск. *čel* с фонологическим развитием, предполагающим отсутствие конечного *-*i*), хотя происхождение различных анлаутов остается неясным и скорее всего должно объясняться древними табуистическими преобразованиями. Но для славянского не может быть исходной именно кетская форма названия мамонта. Тем не менее в принципе наличие центрально-азиатских источников для названия слона кажется возможным как по указанным данным сравнительной мифологии, так и ввиду наличия недавно открытых изображений слона-номадикуса в Западной Монголии [28]. Якутский и тунгусо-маньчжурский варианты слова с начальным *х* могут послужить аргументами в пользу связи с этим миграционным термином и таких сибирских названий мамонта, как нганасан.

---

[26] Г. М. Василевич. Языковые данные по термину *хэл*~*кэл*. «Сборник Музея антропологии и этнографии», т. XI. М.—Л., 1949, стр. 154—155.

[27] Ср. о типологических параллелях такому развитию в енисейских языках (в частности, в ливском и тви): В. В. Иванов. К синхронной и диахронической типологии просодических систем с ларингализованными и фарингализованными тонемами. «Очерки по фонологии восточных языков». М., 1975. — Автор признателен Г. К. Вернеру за сообщенные им в письмах акцентуационные и семантические данные о приводимых кетских и югских словах.

[28] А. П. Окладников. Центральноазиатский очаг первобытного искусства (Пещерные росписи Хойт-Цэнкерагуй (Сэнгри-Агуй), Западная Монголия). Новосибирск, 1972, стр. 37—38. Ср. о хронологическом несовпадении датировок исчезновения слонов и времени их наскальных изображений: H. G. Bandi. Eiszeitkunst und Zoologie. «Anthropos», Wien, vol. 63—64, 1968—1969. О многократно обсуждавшейся сходной проблеме по отношению к древнему искусству Нового Света см. уже W. Stempell. Die Tierbilder der Mayainschriften. «Zeitschrift für Ethnologie», Berlin, 1908, 40 Jg., Hft. V, стр. 716—719. Археологические данные о слоне и мамонте в Евразии см. R. Berger, H. Protsch. The domestication of plants and animals in Europe and the Near East. «Orientalia», n. s., vol. 42, 1973, f. 1—2.

калайа, юкагир. *кол-гул* 'мамонт' и ряда других форм с начальным *к*, сопоставленных с приведенными словами Г. М. Василевич [29]. Поэтому при допущении табуистических замен начального согласного представляется возможным и предложенное Р. О. Якобсоном сопоставление слав. *slon(ъ)* с тохарским названием слона [30], которое в этом случае представляет собой одно из недостающих промежуточных звеньев между центрально-евразийскими и сибирскими формами этого миграционного термина.

Тох. А *oṅkaläm*, В (куч.) *oṅkolmo* 'слон' Сэпир с точки зрения внутренней структуры сравнивал с тибет. класс. *glaŋ* 'слон', 'бык' [31]. Наибольший интерес для выяснения истоков общеслав. **slon(ъ)* представляют родственные этому тибетскому слову архаические кит. **sδaŋ*, бирм. *sʰaŋ* < **slaŋ* [32], по своей морфологической структуре аналогичные таким названиям животных, как древнеписьмен. тибет. **mraŋ* > *rmaŋ* 'конь' [33], др.-бирм. *mraŋ*, др.-кит. *mra* [34] < **mraŋ* (при алтайских соответствиях и индоевро-

---

[29] Г. М. Василевич. Указ. соч., стр. 155—156.

[30] R. Jakobson. Selected Writings, vol. II. The Hague—Paris, 1971, 643 (впервые опубликовано в 1959 г.; тохарская форма приведена неточно). Ср. о возможном сближении с тибетским: В. В. Иванов. Тибетские кальки в тохарских текстах. «Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР. VII. Сборник памяти Ю. Н. Рериха». М., 1961, стр. 36.

[31] E. Sapir. Tibetan influence on Tocharian. — Selected writings of Edward Sapir in language, culture and personality, ed. by D. Mandelbaum. Berkeley—Angeles, 1951 (статья впервые издана в 1936 г. после смерти Сэпира). Семантически сближение названий слона и быка поддерживается приведенным евразийским представлением мамонта как лося и быка. В первой части тохарского слова можно было бы предположить *oṅ-* (в значении типа тюрк. *аң-* 'зверь'). В словах индоевропейского происхождения типа тох. А *oṅkrac*, В (куч.) *oṅkrocce* 'бессмертный' группа *on-* может отражать слоговой носовой, см. N. van Brock. Le traitement des nasales voyelles en tokharien. — KZ, Bd. 85, 1971, Hft. 2, стр. 283, 293—295.

[32] K. Sedláček. Die Frikative *-δ- in Sibilantenreihen des Altchinesischen. ZDMG, Bd. 116, 1966, Hft. 1, стр. 164. Относительно некоторых из слов, рассмотренных в этой статье, в последнее время высказывается допущение о наличии в анлауте **l* (а не *δ-) в качестве второй фонемы, см. Kun Chang. Sino-Tibetan 'Iron': *qʰleks-* JAOS, vol. 92, 1972, стр. 441. В этом случае старая китайская форма (как и форма, исходная для бирманской) имеют ту же группу **sl-* в анлауте, что и славянская. Огласовка **o*, а не **a* отражена в среднекитайском (диалектном) варианте *yò* наряду с *ziaŋ* 'слон': E. G. Pulleyblank. The Consonantal System of Old Chinese. P. II. «Asia Mayor», new series, vol. IX, pt. 25, 1963, стр. 233.

[33] W. S. Coblin. An early Tibetan word for horse. — JAOS, vol. 94, 1974, стр. 124—125.

[34] Соответствие китайскому названию лошади в бирм. *mraŋ* и других словах сино-тибетских языков было вслед за Конради указано уже в кн. П. П. Шмидт. Опыт мандаринской грамматики с текстами для упражнений. Владивосток, 1902, стр. 8; ср. Е. Д. Поливанов. О происхождении древневосточных орудий письма. «Сборник в честь проф. А. Э. Шмидта», Ташкент, 1924; Он же. Введение в языкознание для востоковедных ВУЗ'ов. М., 1928, стр. 52—54; Он же. Предварительное сообщение об этимологическом словаре японского языка. «Проблемы востоковедения», 1960, № 3, стр. 175—177; Он же. Избранные работы по общему языкознанию. М., 1968, стр. 63 (прим. 16), 167—168 и коммен-

пейских и дравидских формах того же миграционного слова, предполагающих основу *mor-). По-видимому, форма типа кит. *sδaŋ, бирм. *slaŋ послужила (возможно, через промежуточные центрально-азиатские формы, еще не выявленные) исходной для славянской, тогда как формы типа тиб. g(a)laŋ могли бы быть связаны с приведенными общесибирскими названиями мамонта-лося. Очевидно, к другому варианту того же миграционного термина с анлаутом типа *k'l- > *šl- и преобразованным (быть может, по фонетическим причинам) исходом основы восходит лит. *šlẽjus* 'слон', тогда как лтш. *ziluonis*, *zīluonis* 'слон' (ср. *ziluonkaũls*, *ziluoņkauls*, *zīluonkauls* 'слоновая кость')[35] отражает форму, более близкую к славянской, хотя и свидетельствующую об особой трактовке анлаута (со звонким согласным, за которым следовал гласный).

Литовская и латышская формы, сходство которых со славянскими несомненно, говорят против часто предлагавшегося сопоставления славянского названия слона с тюркскими обозначениями льва[36] (тур., азерб., чагат., уйгур., карачаев., балкар. *аслан* 'лев', чуваш. *арӑслан*, ср. арх. чуваш. *услан* в *услан кайак* 'лев — зверь дикий', татар. *арслан*, тув. *арзылан*, башк., туркм. *арыслан*, кирг. *арстан*, казах. *арыстан*). Эту гипотезу, вероятно, следует оставить, подобному тому, как давно уже признана искусственной (и в лучшем случае остающейся в качестве народной этимологии) предлагавшаяся ранее связь имени существительного *slon(ъ)* с глаголом *sloniti* sę.

тарий II к этому месту (там же о тамил. *ma*). Относительно возможных связей между родственными словами алтайских языков ср. A. Sauvageot. [Рец.]: «Bulletin de la Société de linguistique de Paris», v. 54, 1959, f. 2, стр. 316.

[35] Mühlenbach — Endzelin IV, стр. 721, 739.

[36] Фасмер III, стр. 674—675, там же литература, к которой следует добавить указанную В. И. Абаевым структурную параллель с русск. *слан* из тюрк. *aslam*: В. И. Абаев. Из истории слов. 1. Русское *абрек*. «Вопросы языкознания», 1958, № 1, стр. 121, ср. там же о переносе значения 'лев' → 'слон'. В качестве семантической параллели В. И. Абаев указывает на осет. *dombaj* 'лев' < 'зубр' (ср. В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, I. M.—Л., 1949, стр. 32; Он же. Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. I. M.—Л., 1958, стр. 365), иллюстрирующее закономерность, которую можно проследить и на значении этимологически с ним связанного (через исходное *zǫb- < *$g^h omb^h$- > *damb-*, см.: В. В. Иванов. Проблема названия зубра в балканских, славянских и балтийских языках. «Первый симпозиум по балканскому языкознанию. Античная балканистика. Предварительные материалы». М., 1972; V. V. Ivanov. Caucasian parallels to Rumanian *zimbru*, Russian *zubr*, Lituanian *stum̃bras* 'aurochs'. «Revue roumaine de linguistique», 1975) др.-чеш. *zubr* 'тигр' < 'зубр' (V. Vondrák. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. Bd. 1, 1924, стр. 558). Однако тюркское слово колеблется в пределах значений 'лев' — 'котенок' — 'дикий зверь' (Э. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков, I. М., 1974, стр. 178), от которых значение 'слон' отделено достаточно существенным семантическим расстоянием.

3. Хет. *laḫpa* 'слоновая кость' и греч. ἐλέφας

В качестве миграционного термина следует рассматривать и греческое название слона и слоновой кости. В древнегреческий язык это название было заимствовано еще до микенской эпохи, как показывают многочисленные случаи его употребления в микенских (кносских — KN и пилосских — PY) текстах, ср. им. п. ед. ч. *e-re-pa* (KN Sd 4412, PY 249)=*elephans* (гомер. ἐλέφας, Δ 141, δ 73), род. п. *e-re-pa-to* (KN 684, PY 287)=*elephantos* (гомер. ἐλέφαντος), дат. твор. пад. *e-re-pa-te* (KN 163, 266, PY 239)—*elephantei*, вин. пад. *e-re-pa-ta* (KN Og 7504). В микенских текстах засвидетельствовано также производное прилагательное, относящееся к столам и разным другим предметам из слоновой кости: м. р. *e-re-pa-te-jo*[37] (KN 265, PY 239)=*elephanteios* (ср. ἐλεφάντειος, Diosc.), ж. р. *e-re-pa-te-ja* (PY 240)=*elephanteiā*, твор. пад. мн. ч. м. р. *e-re-pa-te-jo-pi* (KN 276)=*elephanteiophi*, твор. пад. мн. ч. ж. р. *e-re-pa-te-ja-pi*=*elephanteiāphi*[38] (PY 242). Несомненна этимологическая связь с основой этих греческих слов хеттского *laḫpa-* 'слоновая кость', значение которого удостоверяется благодаря засвидетельствованному в шумеро-аккадско-хеттском трехъязычном тексте ряду шумер. *zú*, аккад. *šinnu*, хетт. *la-aḫ-pa-aš*[39]. От этого слова в хеттском языке могла быть образована и активная одушевленная форма на *-ant-* **laḫp-ant-*, которая по суффиксу совпадала с греч. ἐλεφαντ- и поэтому могла бы рассматриваться как источник греческого заимствования, подобного ряду других архаических греческих терминов (исконное родство исключается в виду соответствия хетт. *-aḫ-* в греч. ε, тогда как в общеиндоевропейских основах этой хеттской группе фонем должен был бы соответствовать долгий гласный). Но при предположении заимствования из хеттского в греческий оставался бы неразъясненным начальный протетический гласный ἐ и качество ε гласного во втором слоге греческого слова. Поэтому более вероятным представляется независимое заимствование из одного и того же источника в греческий и в хеттский, где наличие группы *-ḫp-* (в случае, если слово не содержит морфемного шва после корневого *-ḫ-* перед суффиксом *-pa* типа представленного в др.-хетт. *u̯aš-pa* 'одежда': *u̯eš-*, ср. корень *laḫ-* в редуплицированном глаголе *laḫlaḫ-* 'пускать галопом лошадей' и 'быть озабоченным') и употребление слова *laḫpa-* с глоссовым клином позволяет определить его как иноязычное.

---

[37] См. об этой форме G. Nagy. Greek dialects and the transformation of an Indo-European process. Cambridge. Mass., 1970, стр. 149.

[38] M. Ventris, J. Chadwick. Documents in Mycenean Greek, 2 ed. by J. Chadwick. Cambridge, 1973, стр. 545.

[39] E. Laroche. Sur le nom grec de l'ivoire. «Revue de philologie, de littérature et d'histoire ancienne», 1965, № 1; ср. E. Masson. Recherches sur les plus anciens emprunts sémitiques en grec. Paris, 1967, стр. 82; Publication de la Mission archéologique de Ras Shamra, f. XVI, стр. 310 и след., 773 и след.

Это название слоновой кости с глоссовым клином, отмечавшим чаще всего лувийские слова, встречается в хеттском поэтическом фрагменте, где речь идет о том, как Океан принимает у себя бога Солнца: *la-aḫ-pa-aš ú-nu-wa-an-du* [40] 'пусть они украсят слоновой костью' (стол или сиденье, на котором потом сидит Бог Солнца), KUB XXXVI 25. В идеографическом написании слоновая кость (в менее ясном контексте) встречается и в другом мифологическом повествовании — о гневе Великого Бога, сохранившемся как в хеттской версии, так и в лувийской [41] (KUB XXXV 41, 107; KBo IX 127).

В некоторых из хеттских описаний богов встречаются такие их атрибуты, как орел из слоновой кости, лев из слоновой кости [42]. Из соответствующих археологических находок следует упомянуть два предмета слоновой кости из Анатолии в собрании Лувра [43]. В цитированном поэтическом фрагменте хет. *laḫpa* относится к праздничному столу из слоновой кости, как и приведенное мик. греч. *e-re-pa-te-jo*. О значении (в том числе ритуальном) подобных изделий для микенской культуры свидетельствуют упомянутые выше тексты [44], в которых встречаются перечисленные формы, и многочисленные археологические открытия. В частности, недавно обнаруженная в Микенах мастерская мастера-резчика по слоновой кости находилась рядом с алтарем и фреской богини Potnia [45] («Госпожи»), что удостоверяет сакральную значимость

---

40 E. Laroche. Textes mythologiques hittites en transcription. Deuxième partie. Mythologie d'origine étrangère. — «Revue hittite et asianique», t. XXVI, 1968, стр. 187; H. Otten. Mythen vom Gotte Kumarbi. Neue Fragmente. Berlin, 1950, стр. 31 и сл.

41 H. Otten. Luvische Texte in Umschrift. Berlin, 1953, стр. 99—101; E. Laroche. Dictionnaire de la langue louvite. Paris, 1959, стр. 159—162. Может быть, здесь слоновая кость имеет и некоторое мифологическое значение, но это трудно утверждать.

42 G. Brandenstein. Hethitische Götter nach Bildbeschreibungen in Keilschrifttexten (MVAG, Bd. 46, Hft. 2), Leipzig 1943, стр. 18; L.-Jakob-Rost. Zu dem hethitischen Bildbeschreibungen, t. I—II; «Mitteilungen des Instituts für Orientsforschung», Bd. VIII, Hft. 2, 1961; Bd. IX, Heft 2/3, 1963; В. Г. Ардзинба. Двоичные символы в хеттских ритуальных текстах и функции хеттских придворных. «Древний Восток», сб. 1. М., 1975, стр. 265.

43 № 1067 и 1068: C. Descamps de Mertzenfeld. Inventaires commentés des ivoires phéniciens et apparentés découverts dans le Proche-Orient. Paris, 1954.

44 Ср. также: P. Chantraine. Termes mycéniens relatifs au travail d'ivoire. «Revue des études grecques», 70, 1958, стр. 201—211.

45 W. D. Taylor. Mycenae. 1968. «Antiquity», vol. 43, 1969, стр. 91—92; Он же: New light on Mycenean religion. «Antiquity», vol. 44, 1970, стр. 270—280. Ср. о слоновой кости в Угарите: Publications de la Mission archéologique de Ras Shamra dirigées par C. R. A. Schaeffer, f. XIV. Le palais royal d'Ugarit. VIII. Ivoires du palais d'Ugarit suivis d'une étude d'ensemble des ivoires syriens du deuxième millénaire. Paris. Из более ранней литературы ср. R. D. Barnett. Early Greek and Oriental Ivories. — JHS, vol. LXVIII, 1948.

работы мастера [46], ср. помещение аналогичного мастера в «Доме щитов» [47], а также находки изделий из слоновой кости в склепе Спаты (XIV—начало XIII в. до н. э.), в гробнице в Афинах, на Делосе и в Кноссе [48]. Эти произведения микенских мастеров всегда предположительно рассматривались как результат обработки привозного материала; несомненно, что привозным материалом слоновая кость была и у хеттов. Для определения вероятных путей заимствования может представить интерес сопоставление с лат. *ebur* 'слоновая кость', возводимым к египет. *ȝbw* (на основании коптского восстанавливается **(j)ebu* [49]). Эту последнюю гипотезу можно подтвердить и указаниями на ввоз слонов и слоновой кости в Рим из Эфиопии в «Сатирах» Ювенала (rursus ad Aethiopum populos aliosque elephantos — 'вплоть до племен Эфиопии и мест, где еще больше слонов!' [50], X, 148—55, ср. XI, 124; XII, 103, 104). Вместе с тем возможным представляется в свою очередь и сближение егип. *ȝbw* (**jebu*) с др.-инд. *íbhaḥ* [51], которое, в свою очередь, согласуется с возведением эфиоп. *nagē* 'слон' (мн. ч. *nagēyāt*, *nagayāt*, вариант в книге Еноха, 86, 4, *nāgəyāt*) к др.-инд. *nāga* 'слон' [52]. С предполагаемым египетским источником лат. *ebur* согласуется возможная афроазиатская (семито-хамитская) этимология греч. ἐλέφας. Это слово обнаруживает разительное сходство с котоко **ʌr(ʌ)pʌ* 'слон', кушит. **'ʌr(ʌ)b-* [53]. Основным отличием формы котоко (и ку-

---

[46] M. Ventris, J. Chadwick. Указ. соч., стр. 411, 509.

[47] A. J. B. Wace. Ivory carvings from Mycenae. — «Archeology», 7, 1954, № 2, стр. 149—155; Т. В. Блаватская. Греция во втором тысячелетии до н. э. М., 1966, стр. 118, ср. о склепе Спаты, стр. 112.

[48] О трех последних местах находок см. T. B. Webster. From Mycenae to Homer. London, 1958, стр. 27, tabl. 2, стр. 28, 102.

[49] E. Masson. Указ. соч., стр. 82; E. Laroche. Указ. соч., стр. 56—57. Исход лат. *ebur* сопоставим и с мик. греч. *e-re-pa-i-ro* (KN Vc 212), *e-re-pa-ro* (KN Vc 212).

[50] E. Laughton. Juvenal's other elephants. — «The Classical Review», № 5, vol. IV, 1956, № 3—4, стр. 201, ср. там же о связи названия Элефантины (упоминаемой Иосифом Флавием в «Иудейской войне», IV, 61) со слонами, о чем также: F. Daumas. La civilisation de l'Egypte pharaonique. Paris, 1967, стр. 598—599; ср. о слоне как эмблеме первого нома Верхнего Египта (Элефантины): Г. Чайльд. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956, стр. 129—130.

[51] M. Mayrhofer. Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Bd. 1. Heidelberg, 1956, стр. 90. Ср. данные о восточном происхождении (из Индии?) слоновой кости в микенской культуре, ср. L. A. Stella. La civiltà micenea nei documenti contemporanei. Roma, 1965, стр. 199—200.

[52] J. Helevy. Traces d'influence indo-parsie en Abyssinie. «Revue sémitique d'épigraphie et d'histoire ancienne», t. IV, 1896, стр. 258; E. Littmann. Указ. соч., стр. 408—414; M. Mayrhofer. Указ. соч. Lief. 10. Heidelberg, 1958, стр. 150—151; J. Vercoutter. Un palais des «Candaces» contemporaine d'Auguste (Fouilles à Wad-ban-Mage, 1958—1960). «Syria», t. 29, 1962, f. 3—4, стр. 285.

[53] Формы приводятся согласно докладу А. Б. Долгопольского «Новые афроазийские этимологии» на расширенном заседании Ленинградского Город-

шитской) от греческой является соответствие *r* греческому λ, что позволяет думать об устранении начального *r* при заимствовании. В этом случае преобразование объединяет греческий язык (до микенской эпохи) с хеттским (хотя появление *ḫ* в хет. *laḫpa* в этом случае остается необъясненным, поскольку связывать его с начальным кушитским *' не представляется возможным). Поэтому разбираемые слова [54] могут относиться к числу древних заимствований из афро-азиатских языков, объединяющих хеттский и греческий.

То обстоятельство, что в южные и юго-западные (лувийские) области Малой Азии в среднехеттскую эпоху изделия из слоновой кости привозили из Египта, доказывается письмом, в котором египетский фараон (Аменхотеп III, именующий себя Нимутрия — Ni-mu-ut-ri-ya) обещает правителю Арцавы прислать среди прочих даров 10 престолов из черного дерева и слоновой кости (10 ^{GIŠ}GU. ZA *ŠA* ^{GIŠ}ESI *IŠ. TU* KA X UD A [M — SI]) V Bo T 1, 37. Это может служить доводом в пользу афро-азиатской этимологии лувийского названия слоновой кости.

ского Ассириологического Семинара, посвященном 60-летию И. М. Дьяконова, 6 февраля 1975 г. Сближение этих форм с егип. **jeb-* не кажется реальным.

[54] К проблеме смешения в словах, этимологически связанных с хет. *laḫpa*, названий слона и верблюда, существенной для истории обозначения верблюда в славянских языках, значительный интерес представляет шумерский текст, где упоминается сладкое молоко животного *am-si-ḫar-ra-an*, отождествляемого с *i-bi-lu*, что объясняется смешением с *pi-i-lu* 'слон': B. Landsberger. Die Faune des alten Mesopotamien nach der 14. Tafel der Serie ḪAR. RA-ḫubullu. «Abh. d. Sachs. Akad. d. Wiss.», XLII, N VI, 1934, стр. 92; W. Nagel. Frühe Tierwelt in Südwestasien. «Zeitschrift für Assyriologie», Neue Folge, Bd. 21 (55), 1959, стр. 193. Согласно гипотезе Клаузона, тюркское название верблюда *arpa* происходит из тохарского (**alpi*), как и двусложное (а потому заимствованное) китайское: G. Clauson. Philology and archeology. «Antiquity», vol. XLVII, 1973, стр. 40 (ср. о китайском также E. G. Pulleyblank. Указ. соч., стр. 245). При несомненной важности верблюдов как средства передвижения в древней культуре Средней Азии, что подтверждается и раскопками в Южной Туркмении, достоверным можно считать только наличие древнего общего индо-иранского слова для верблюда (др.-инд. *uṣṭra-*, авест. *uštra-*).

Г. А. Климов

КАРТВЕЛЬСКОЕ *ОТХО- 'ЧЕТЫРЕ' ∾ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ *OḰTO-

Возможная ареальная мотивация ряда общекартвельских числительных уже неоднократно служила предметом обсуждения. При этом обычно имелись в виду обозначения чисел не ниже шести. В настоящей заметке обращается внимание на еще один не менее интересный в этом отношении параллелизм общекартвельского *otxo- 'четыре' и общеиндоевропейского *oḱtō(u) 'восемь'.

Предлагаемое сопоставление становится возможным при условии внесения некоторых коррективов в соответствующую картвельскую праформу, имеющую облик *otx- или *$o(s_1)tx(w)$- [1]. Прежде всего следует, по всей вероятности, вернуться к реконструкции в исходе данной основы гласного *o*, отстаивавшейся в свое время еще И. А. Джавахишвили [2], и аргументы в пользу которой можно усмотреть во всех картвельских языках. За это, во-первых, говорят продолжения рассматриваемой основы в территориально разобщенных лазском и сванском языках — *otxo* и *wošdxw*, соответственно (отражение старого ауслаутного *o* сванским *w* закономерно). Необходимо упомянуть далее, что в мегрельском наряду с самостоятельным *otx-i* 'четыре' существует, как и в лазском, сложение *otxo-n-eči* 'восемьдесят' (букв. 'четырежды двадцать'). Наконец, в грузинском неусеченную форму основы возможно представляет сохраненная в толковом словаре Саба Сулхана Орбелиани глосса *otxo-* 'игра в четыре бабки' [3]. С другой стороны, следует учесть и то обстоятельство, что комплекс $(s_1)t$, постулируемый в ряде общекартвельских основ ввиду показаний одного лишь сванского языка, возможно соотносим все же

---

[1] Ср. А. С. Чикобава. Чанско-мегрельско-грузинский сравнительный словарь. Тбилиси, 1938, стр. 215 (на груз. яз.); Г. А. Климов. Этимологический словарь картвельских языков. М., 1964, стр. 150; Т. В. Гамкрелидзе, Г. И. Мачавариани. Система сонантов и аблаут в картвельских языках. Типология общекартвельской структуры. Тбилиси, 1965, стр. 316 (на груз. яз.).

[2] Ср. И. А. Джавахишвили. Первоначальный строй и родство грузинского и кавказских языков. Тбилиси, 1937, стр. 405 (на груз. яз.); Г. И. Мачавариани. Некоторые вопросы диахронической фонологии картвельских языков. «Тбилисский университет Георгию Ахвледиани». Тбилиси, 1969, стр. 159 (на груз. яз.).

[3] См. И. А. Джавахишвили. Указ. соч., стр. 405.

лишь с пресванским, а не с общекартвельским состоянием. В пользу подобного предположения свидетельствует как будто то, что в противном случае для исконного словаря придется постулировать слишком высокий процент аномальных с точки зрения консонантной структуры картвельского корня основ. Этот комплекс мог иметь своей предпосылкой преаспирированное произношение придыхательного *t* в сванском.

Если реконструкция праформы **otxo*- 'четыре' для общекартвельского корректна, то возникает возможность сопоставить последнюю с индоевропейским обозначением восьми **oḱtō(u)*, как известно, обычно трактующимся в качестве формы двойственного числа с признаком -*o(u)* и предполагающим исходное **oḱto* 'четыре' [4]. Общая близость сопоставляемых прототипов едва ли может вызвать сомнения. В связи со спирантом *x* картвельских лексем интересно заметить, что индоевропейское палатальное *ḱ* в части языков также подвергалось спирантизации или ассибиляции (ср. гот. *ahtau*, др.-индийск. *aṣṭāú* и др.). Вместе с тем представленная в картвельской праформе консонантная последовательность образует характерный для картвельских языков гармонический комплекс. По-видимому, уже одним фактом своего существования картвельское **otxo*- 'четыре' подтверждает правильность обычного анализа индоевропейского **oḱtō(u)* как формы дуалиса.

Предложенное сопоставление дополняет совокупность других параллелизмов картвельских языков с индоевропейскими и семитскими в области числительных (ср. картв. **ekwṣ*$_1$- 'шесть' ~ и.-е.**(s)u̯eḱs*, картв. **š(i)wid*- 'семь' ~ семит. **šibit*, картв. **arwa*- 'восемь' ~ семит. *'*arba*ʿ 'четыре', картв. **as*$_1$*ir*- 'сто' ~ семит. **eśir* 'десять'). В свете того, что известно об историко-культурных контактах древних картвелов с народами Передней Азии, вполне естественна мысль об ареальной природе всех этих параллелизмов. В ее пользу говорит и в большинстве случаев несколько аномальный с точки зрения структуры картвельского корня их фонологический облик (ср., в частности, два *o* в рассмотренной здесь лексеме, комплекс *rw* в обозначении восьми, случаи гласного анлаута основы и др.). Однако, если принять во внимание грамматически несколько необычный статус соответствующих числительных по крайней мере и в индоевропейском, то от сколько-нибудь более определенной характеристики путей формирования этих схождений пока приходится воздержаться. Возможно, что свет на решение данного вопроса удалось бы пролить в случае успеха в деле реконструкции системы числительных в урартском языке.

---

[4] См. W. B. Henning. Oktō(u). «Transactions of the Philological Society (1948)». London, 1949, стр. 69; «Сравнительная грамматика германских языков. III. Морфология». М., 1963, стр. 355.

К. Костов

ЦЫГАНСКИЕ *Č(H)ANG* 'НОГА' И *Č(H)ANGALO* 'С (ДЛИННЫМИ) НОГАМИ' КАК ОБЩИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В НЕКОТОРЫХ ЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ

Болгарский языковед М. Москов, занимающийся прежде всего вопросами влияния тюркского суперстрата на лексику южнославянских языков, часто базирует свои этимологизации главным образом на учете звуковых соответствий. Его этимологические догадки уже не раз давали повод к критическим замечаниям. Поэтому здесь нельзя не указать на критику Ж. Бояджиева [1]. Он правильно заметил, что этимология болг. *чонгали*, *джонгали*, слвц. *čungaly*, венг. *csongár*, которые являются предметом настоящей статьи, очень проблематична. Москов говорил об этих словах на Первом международном съезде по балканистике, но он не печатал свой доклад в Актах съезда. Он рассмотрел эти лексические единицы в специальной статье, озаглавленной «Словашки и чешки думи от тюркски произход», которая помещена в журнале «Slavica Slovaca» IV, 1969, стр. 71—74.

По мнению Москова, в болгарском, венгерском, словацком, чешском и сербохорватском языках есть ряд слов, представляющих интерес с точки зрения фонетических особенностей. На основе «чередования» корневого гласного *а* ↔ *о* ↔ *у* он классифицировал эти лексические единицы следующим образом. В 1-ю группу он отобрал слова с корневым *а*: чеш. *čang-al-y* 'dluhé, neohrabané nohy' (posměšně) [2]; слвц. *čang-al-y* 'dlouhé nohy' [3]; с.-хорв. *čàng-al-ast* 'dugih noga, štrkljast' [4]; болг. *чанг-ар-ица* 'коляно на крака', *джанг-ал-и* 'крака' — с оттенком пренебрежения. Во 2-ю группу входят слова с корневым *о*: слвц. *čong-ál-e* 'dlhé, šmatlavé nohy' [5]; болг. *джонг-ал-и* 'дълги крака' — с оттенком пренебрежения; венг. *csong-ár-?* 'vékony lábszár' [6], то есть 'худая нога'. Группа 3 включает в себя слова с корневым *у*: слвц. *čung-ál-e* 'dlhé, šmatlavé nohy' [7]; чеш. *čung-al-y* 'nohy' [8].

---

[1] Actes du Premier congrès international des études balkaniques et sudest européennes. VI. Linguistique. Sofia, 1968, стр. 254.
[2] Kott V—VI, стр. 1159.
[3] Machek [1], стр. 78—79; эти слова не включены в новый Etymologický slovník jazyka českého (Praha, 1968).
[4] A. Škaljić. Turcizmi u srpskohrvatskom jeziku. Sarajevo, 1966, стр. 162.
[5] SSJ I, стр. 221.
[6] Gombocz Z. és Melich J. Magyar etymológiai szótár, I. Budapest, 1914—1930, стб. 1141.
[7] SSJ I, стр. 225.
[8] Kott VII, стр. 1224.

Общий вывод статьи Москова состоит в том, что эти лексические единицы, которые образуют семантическое единство потому, что между их значениями есть смысловая близость, — тюркского происхождения. Их можно отнести к числу лексических элементов тюркского суперстрата в языках чехов, словаков, мадьяр, сербов и болгар, которые давно уже ассимилировали племена печенегов, куманов, узов и татар.

Таким образом, М. Москов занимался этимологическим толкованием некоторых слов, происхождение которых до сих пор не вполне понятно. Однако он не принял во внимание авторитетное мнение венгерских исследователей, которые проэтимологизировали некоторые из вышеприведенных слов. В связи с этим нельзя не упомянуть толкование венг. *csonk* 'törzs, törzsök, Rumpf, Stamm'. Этимологический словарь современного венгерского языка оценивает возведение этого существительного к тюркскому или монгольскому корню как ошибочную этимологию [9]. Москов утверждает, что венг. *csong* и *csonk* означают 'част от крака над глезена'. Это неверное утверждение. З. Гомбоц и Я. Мелих писали, что *csong* — гапакс, точное значение и происхождение которого неизвестно. Слово *csonk* имеет значение 'csomó, sereg, falka', т. е. 'толпа, войско, орда'; оно также гапакс неясного происхождения [10].

Из критических замечаний следует, что Москов неправильно поместил некоторые слова разного происхождения в группы, объединяющиеся только какой-нибудь предполагаемой «аблаутной» последовательностью корневых гласных исследуемых лексических единиц, хотя и их значения не позволяют исследователю вскрыть этимологические связи там, где нет убедительных доказательств для выяснения перехода данного слова из одного языка в другой.

Однако, среди проэтимологизированных автором слов есть и такие, происхождение которых можно отнести к цыганскому языку как источнику, из которого социальные жаргоны обогащали свой словарный состав. Москов неправ, если считает, что в разных европейских языках нет общих заимствований из языка цыган [11]. Так, болг. слово *джангали* 'крака', употребительное

---

[9] A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára, I. Budapest, стр. 553.

[10] Gombocz Z. és Melich J. Указ. соч., стлб. 1141, 1143.

[11] Здесь достаточно упомянуть некоторые исследования о цыганских лексических элементах в жаргонах европейских языков, чтобы обнаружить несостоятельность мнения автора; ср., например: F. Miklosich. Zigeunerische Elemente in den Gaunersprachen Europas. Beiträge zur Kenntnis der Zigeunermundarten, III (см. Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Klasse der Wiener Akademie der Wissenschaften, Bd. 86, Wien, 1876), стр. 535—562; А. П. Баранников. Цыганские элементы в русском воровском арго. «Язык и литература», VII, 1931, стр. 139—158; A. Graur. Les mots tsiganes en roumain. «Bulletin linguistique» II, 1934, стр. 108—200; M. L. Wagner. Übersicht über neuere Veröffentlichungen über italienische Sondersprachen. Deren zigeunerische Bestandteile.

только с оттенком презрения, является заимствованием из цыганского языка. Оно — производное от цыг. существительного *čhang* 'нога'. Так как цыг. слово *čhang* распространено также в европейских языках (оно встречается в венгерском и в итальянском языках), считаем уместным предложить сначала этимологическое толкование этого слова.

Интересно, что М. Москов не приводит венг. *csáng* 'ember laba', 'Bein(e) des Menschen (als spöttische Benennung)' в своей статье для подтверждения суперстратного происхождения лексических единиц с корневым *a*, включенных в группу 1, ср., например, слвц. *čangale* и с.-хорв. *čàngalast*. Уже Й. Шмидт отметил, что венг. *csáng* можно возвести к др.-инд. *jáṅghā-* 'der untere Teil des Beines vom Knöchel bis zum Knie (bei Menschen und Tieren)' или н.-перс. *čäng* 'Pfote, Klaue, Kralle'[12]. Здесь нужно подчеркнуть, что семантическая связь между венг. словом и индийско-иранской формой в предложенном этимологическом сравнении достаточно тесна, чтобы семантические изменения не казались трудными. Однако затруднения при этом сравнении обнаруживаются в том, что важный вопрос о возрасте и пути заимствования венг. слова *csáng* не выяснен.

Современный венгерский этимологический словарь решает вопрос о времени заимствования слова следующим образом: *csáng*, вероятно, получено венгерским языком непосредственно из цыганского языка[13]. Это положение означает, что индийское происхождение венг. *csáng* убедительно доказано, хотя оно в этом случае и не является старым заимствованием в языке мадьяр.

Для доказательства цыганского происхождения венг. *csáng* очень важно, что в итальянском языке встречается существительное *cianca* 'gamba in modo scherzevole e specialmente di gamba non sana, o non forte', которое само, в свою очередь, заимствовано из цыг. *čhang*. Об этимологии ит. *cianca* писал уже давно В. Пизани[14], который обратил внимание на то, что итальянское слово

«Vox Romanica» I, 1936, стр. 264—317; C. Tagliavini—A. Menarini. Voci zingare nel gergo bolognese. «Archivum Romanicum» XXII, 1938, стр. 242—280; R. Uhlik. Ciganizmi u šatrovačkom argou i u sličnim govorima. «Glasnik Zemaljskog muzeja u Sarajevo», 1954, стр. 5—31; К. Костов. Цигански думи в българските тайни говори. «Известия на Института за български език» IV, 1956, стр. 411—425; он же. Lehnwörter zigeunerischen Ursprungs im türkischen Argot. «Linguistique balkanique» XIV, 2, 1970, стр. 83—97.

Видно, что цыганские слова прежде всего употребляются в пределах социальных или профессиональных жаргонов. Однако, они могут переходить из этих жаргонов в территориальные говоры, которые являются и сейчас источником литературного языка. Любопытно, что цыг. существительное *čhang* и его производное прилагательное *čhangalo* не встречаются в вышеназванных трудах.

[12] Schmidt J. Árja-magyar egyeztetések. «Magyar nyelvőr» 53, 1924, с. 55.

[13] A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára, I. Budapest, 1967, стр. 477.

[14] V. Pisani. Due note etimologiche. «L'Italia dialettale» IX, 1933, стр. 245—250: II. *čaňka* e *zaňka*.

перешло из какого-то социального жаргона в просторечие. Оно характеризуется выразительностью и юмористическими оттенками, свойственными простой устной речи. Это толкование принято авторами большого этимологического словаря итальянского языка К. Баттисти и Дж. Алессио [15].

Здесь любопытно сравнение ит. *cianka* с венг. словом *csáng*. Некоторые лингвисты считали слово *cianka* первоначальным источником, из которого как раз и получено венг. *csáng* [16]. Другие исследователи [17] хотели толковать венг. *csáng* как исконный элемент венгерской лексики и указывали на угро-финские соответствия. Все эти гипотезы не являются вероятными.

Как уже упомянуто выше, в цыганском языке есть прилагательное *čhangalo*, которое имеет значение 'с (длинными) ногами'. Оно является производным от существительного *čhang*, образованным с помощью суффикса *-(a)lo*. В этом случае цыганская словообразовательная модель совпадает со славянскими образованиями типа *бородатый* 'с бородою'. В семантическом отношении цыг. *č(h)angalo* можно сравнить с с.-хорв. прилагательными *ногат* 'с большими ногами' (<*нога*) и *кракат* 'с длинными ногами' (<*крак*). Цыганское прилагательное *č(h)angalo* субстантивировано в некоторых цыг. диалектах Югославии и в форме женского рода *čangali* [18] оно значит 'аист', т. е. 'длинноногая (птица)'.

Цыганское прилагательное *čhangalo* заимствовали некоторые славянские языки в Юго-Восточной и Центральной Европе. Болг. *джангали* и его вариант *джонгали* давно удовлетворительно объяснены как заимствования из диалектов цыган. Этимологическое сопоставление болг. *джангали* < цыг. *čhang*=др.-инд. *jáṅghā-* восходит еще к Ст. Младенову [19]. Потом болгарский этимологический словарь уточнил морфологическую структуру заимствования: болг. *джангали* < цыг. прилагательного *čhangalo* [20]. Переход начального согласного *ч* (ср. болг. *чингарица*) > > *дж* убедительно проиллюстрировал Р. Бернар [21] примерами из турецкого языка и болгарских местных диалектов, ср. тур. *çep-*

---

[15] C. Battisti—G. Alessio. Dizionario etimologico italiano, II. Firenze, 1951, стр. 917, s. v. *cianka* [1].

[16] Ср. Kőrösi S. Olasz kölcsönszók. «Magyar nyelvőr» XV, 1886, стр. 353, см. также: Karinthy F. Olasz jövevénszavaink. Budapest, 1947, стр. 42—43.

[17] K. F. Karjalainen. Beiträge zur Geschichte der finnisch-ugrischen dentalen Nasale. — JSFOu 30, 1913, № 24, стр. 19—20.

[18] Цит. по: S. A. Wolf. Groβes Wöterbuch der Zigeunersprache (romani tšiw). Wortschatz deutscher und anderer europäischer Zigeunerdialekte. Mannheim (1960), стр. 233 (N 3435), так как словарь R. Uhlik'a Srpskohrvatsko-Ciganski rečnik (Romane alava). Sarajevo, 1947 мне сейчас недоступен.

[19] Ст. Младенов. Увод во всеобщото езикознание. София, 1928 [2], стр. 238.

[20] БЕР I, стр. 367.

[21] Р. Бернар. Две румънски думи от славянски произход, обратни заемки в български. «Български език», XII, 1962, стр. 536.

ken > *cepken*=болг. *чепкен* и *джепкен* 'вид къса турска дреха' или болг. *чоголно* (ми е) > *джоголно* (ми е) от старого болг. глагола *чеголити* (ὀρύσσειν).

В сербохорватском языке форма *čàngalast* 'дугих ногу' образована на основе цыганского слова *čhangalo* с помощью славянского суффикса. Сближение двух одинаковых слов, болг. *джангали* и с.-хорв. *čàngalast*, оправдано как близостью значений, так и звуковым составом. Тур. *çangal* 'suvišan dodatak, nešto što je pridodato' или тур. *çangalli* 'ono što je razgranuto kao rogovi u jelena' не могут служить источниками с.-хорв. *čàngalast*. Турецкие слова имеют черты фонетической, но не смысловой близости. Это немаловажный аргумент, который не учитывает А. Шкалич [22].

Чеш. и слвц. формы *čangaly*, *čongále*, *čungaly*, о венгерском происхождении которых говорит В. Махек в своем этимологическом словаре [23], нельзя не сравнить с болг. *джангали* или с с.-хорв. *čàngalast*. И в этом случае близость фонетической и семантической структуры является убедительным доводом, который можно привести в доказательство этимологических связей между южнослав. и западнослав. словами. Здесь действительно необходимо признать, что в болгарском, сербохорватском, словацком и чешском языках есть общие заимствования из цыганских диалектов, хотя это положение для Москова невозможно.

Наконец, мы должны выяснить еще одну фонетическую и одну морфологическую черту, которые характеризуют некоторые лексические единицы, происходящие от цыг. слов *čhang* и *čhangalo*. Во-первых, это изменение корневого гласного *а* ↔ *о* ↔ *у* в болг. *чонгали* (*джонгали*), слвц. *čongále* (чеш. *čongaly*) и слвц. *čungaly*; во-вторых, интересны болг. *чангарица* и венг. *csongár* (если найдутся доказательства, которые позволят исследователю вскрыть этимологические связи между этим словом и цыг. *čhang*). Они имеют усложненную форму, оканчивающуюся на *-ар(-ица)/-ár*. К сожалению, мы не в состоянии выяснить причины данного фонетического изменения и (суффиксального?) удлинения.

Тут едва ли нужно говорить о том, что уяснение причин возникновения экспрессивных средств выражения вышеназванного лексического разряда гораздо труднее, чем раскрытие этимона в венг. *csáng*, болг. *джангали*, с.-хорв. *čàngalast* и слвц. *čangále*. При этимологизации в области словарного состава социальных жаргонов не всегда возможно добраться до стройного обусловленного сочетания фонетических и морфологических особенностей данного слова с его семантической стороной. Итак, что касается вышерассмотренных слов в болгарском, сербохорватском, венгерском, словацком языках, нельзя не признать, что они близки по происхождению, так как они представляют собой производные от основы, которую мы находим в цыг. слове *čhang*.

---

[22] A. Škaljić. Turcizmi u srpskohrvatskom jeziku. Sarajevo, 1966, стр. 162.
[23] Machek [1], стр. 79: «Z mad' . *csont* kost, hnát?».

КРИТИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ

«Słownik prasłowiański». T. I (A—B). Pod red. F. Sławskiego. Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk, 1974

Этот нарядный, отлично изданный том объемом около сорока авторских листов как бы увенчивает продолжительную и нелегкую работу целой группы польских лингвистов, начатую более двадцати лет тому назад в осуществление идеи Т. Лер-Сплавинского (см. «Wstęp», стр. 5). В 1961 г. вышел скромный «Zeszyt próbny» на 100 словарных статей, но похоже, что самая напряженная работа по уточнению принципов и пополнению материала пришлась на последнее десятилетие. Задача «Праславянского словаря» польских ученых — воссоздание праславянского словарного состава VII—VIII веков нашей эры, т. е. накануне появления древнейших письменных текстов. Авторы отдают себе полный отчет в наличии не всегда разрешимых трудностей реконструкции (формальной, семантической). Словообразование и его продукт — всевозможные производные слова — пользуются самым пристальным вниманием у составителей Словаря. Праславянские диалектизмы характеризуются как показатели древней диалектной дифференциации праславянского словаря. Отметим, что примерно из 900 словарных статей на *A* и *B* в настоящем 1-м томе около 400 словарных статей, по мнению авторов, представляют собой очевидные диалектизмы («Wstęp», стр. 10).

Из «Вступления» мы узнаем, что вышедший том — это одна десятая или даже одна двенадцатая часть целого. Весь «Праславянский словарь» составит, таким образом, более десяти таких томов. Можно только пожелать успеха польским коллегам в скорейшем осуществлении столь внушительного по своим масштабам труда.

В словаре привлечена значительная литература по этимологии и лексикографии славянских языков. Обращает на себя внимание включенный в 1-й том «Очерк праславянского словообразования» (стр. 43—141) Ф. Славского. В этой части очерка охарактеризована структура глагола и отчасти — имени существительного, в следующих томах предполагается дать сведения по прилагательному и сложным словам. При очевидной в общем априорности такого очерка, который, естественно, будет выглядеть во многом иначе после завершения всего словаря (и, как нам кажется, должен был бы опираться на такую объективную базу как полный обратный словарь праславянского языка, сейчас пока еще отсутствующий), настоящий «Очерк» выполнен Ф. Славским весьма тщательно и принесет определенную пользу как обобщение известных на данном этапе науки сведений. Пересмотра заслуживают отдельные традиционные толкования, напр. праслав. **děvica* < **devi-ka* < < **děvi*, отождествляемого с др.-инд. *deví* 'богиня' (стр. 99 «Очерка»), что сомнительно семантически ('девушка' = 'богиня'?), фонетически (праслав. **děva* более вероятно толкуется из и.-е. **dhē(i̯)-*, т. е. как 'существо, уже способное кормить грудью', а и.-е. корень со значением 'бог, богиня и т. п.' характеризуется, как известно, четким отсутствием придыхательности начального зубного согласного и восходит к первоначальному обозначению дня, дневного света), словообразовательно (ср. внутриформантную апофо-

нию, которая связывает суффикс *-ica* с другими суффиксами на *k/c*, а также словообразовательную функцию **děvica* как субстантивации первоначально адъективного **děva* подобно **vьdovica—*vьdova* и т. п.; все эти аспекты в сущности игнорируются этимологией праслав. **děvica*: др.-инд. *deví*). То же можно, пожалуй, сказать о недостаточно четком разграничении в «Очерке» суффиксальных производных на *-l-* и на *-dl-*: вместо **nača̧lo*, традиционно реконструируемого на стр. 104, мы дали бы праформу **nača̧dlo*, а вместо **ryl'ь* (стр. 105) — **rydlь*. Намеренно опуская здесь свои критические замечания по отдельным чисто этимологическим вопросам, мы выделили лишь то, что затрагивает целые словообразовательные категории реконструируемого праславянского словарного состава.

Словарные статьи «Праславянского словаря» начинаются со слова — реконструкции; сразу за этой праформой приводится польское слово. Можно счесть это чисто формальной деталью, но определенное нарушение установившейся славистической традиции (и, как кажется, нарушение, не мотивированное объективно) здесь имеется: ведь ближе всего подходят к искомому позднепраславянскому времени (VII—VIII вв., см. выше) отнюдь не польские и не собственно западнославянские письменные тексты, а старославянские письменные тексты X—XI вв. с их болгаро-македонской основой и различными редакциями, откуда и ведет свое начало принятый в науке порядок обзора родственных славянских форм (ю.-слав., затем — зап.-слав. и вост.-слав.).

Сло́вник (лексический индекс, реестр) «Праславянского словаря» привлекает при чтении, естественно, особое внимание. Для словаря такого типа он является как бы целью и главным результатом всего труда. Здесь находит свое выражение авторская концепция древнего лексического состава. Этот словник, как нам кажется, должен регистрировать словообразование и тем более словоизменение (морфологию) лишь в лексикализованной форме. Регулярные парадигмы словоизменения (лицо, число, время, залог, падеж) надлежит при этом трактовать импликативно, т. е. как бы подразумевать их, не включая, однако, в словник. Такова, собственно говоря, суть наших возражений по поводу статьи «*bitъ*, partic. praet. pass. do *biti*» (стр. 252). Другое дело, когда единая грамматическая парадигма представляет собой вторичную грамматикализацию первоначально лексически самостоятельных, разных основ: типичный пример — гетероклиза, супплетивизм именной и глагольный. Здесь лексическая реконструкция вправе выделить фактический примат лексического над грамматическим и трактовать как особые словарные позиции, скажем, местоименные падежные формы **azъ* и **mene*, глагольные основы **esmь*, **estь* и **byti*.

В краткой рецензии-аннотации невозможно сколько-нибудь подробно осветить те многие вопросы, которые возникают при чтении этого полезного труда польских славистов. Иногда при этом появляются вопросы отнюдь не специальные и, видимо, заслуживающие проверки и обстоятельных размышлений. Возьмем хотя бы отсылки, отсылочные слова, известные вообще в лексикографической практике и, надо сказать, в очень широких размерах применяемые в «Праславянском словаре». Напр., половину страницы 360 занимают отсылочные статьи *bratrana* см. *bratana*; *bratrěnъ* см. *bratěnъ*; *bratrikъ* см. *bratikъ*; *bratrina* см. *bratina*; *bratriti* см. *bratiti*; *bratrъ* см. *bratъ*; *bratrъja* см. *bratъja*; *bratrъn'ь* см. *bratъn'ь* и т. д. Именно обширность пассажа порождает у нас некоторые сомнения в правильности этой практики как таковой. Из удобного приема отсылка грозит перерасти в категорию оценки, так как она как правило не просто «отсылает», но и квалифицирует, решает, какое слово основное, а какое — «отсылочное», тем самым как бы рекомендуя лишь на одном из них сосредоточить поиски этимологии и прочей информации. Здесь наличествует момент составительского произвола. Ведь в языковой действительности — наблюдаемой или реконструируемой — нет деления на второстепенные и основные слова, поэтому невольно задумываешься над полезностью этого деления в лексикографии, особенно если учесть возможность обратного негативного наложения лексикографической практики на лексикологическую теорию. Я не говорю уже о том, что у бегло упомяну-

тых в «Праславянском словаре» (см. выше) отсылочных форм *bratrьcь*, *bratrьja* есть свои старые индоевропейские соответствия, которые при этом (в лучшем случае) остается искать в статье на основное слово. «Основным» при этом, кстати сказать, оказывается как раз относительно более молодое слово *bratьcь*, *bratьja* и т. п. Впрочем, выход из положения тут, наверное, не в том, чтобы быстро поменять местами отсылочное и основное, а в тех более общих и далеко идущих соображениях, которые побудили теперь, кажется, уже всех лексикографов перейти от гнездового принципа к адекватной трактовке 'словарная статья'='отдельное слово'.

О. Н. Трубачев

F. Sławski.
Słownik etymologiczny języka polskiego. T. IV, zesz. 5 (20): łabet — łapucha. Kraków, 1974 (стр. 401—480).

Настоящим, 20-м выпуском заканчивается IV том периодически рецензируемого нами польского этимологического словаря Ф. Славского. Общая характеристика этого труда хорошо известна нашим читателям, что дает нам право ограничиться ниже конкретными наблюдениями о материале и этимологическом анализе, явившимися при чтении нового выпуска.

Небольшой выпуск охватывает несколько лексических гнезд. Из них наше внимание привлекают прежде всего *łacny* и *łacwi*, два старых прилагательных со значением 'легкий, нетрудный'. Первое из них реконструируется как **latjьnъ* и связывается с глаголом **latiti/*latjati* с обобщенным значением 'браться, хвататься (напр. за дело)' (стр. 413). Глагол известен преимущественно из южнославянских языков (сербохорватский, словенский), в польском языке он не сохранился, что указывает на старый характер словопроизводства. Ст.-польск. *łacwi* (с XV в., как и *łacny*, выше) нам кажется естественным объяснять как форму, тесно родственную *łacny*, т. е. реконструировать **latjьvъ* (или **latjivъ*), суффиксальное производное от упоминавшегося глагола. Автор на стр. 414 говорит — самое большее — о контаминации с *łacny*, в остальном же полагает, вслед за Розвадовским, что «праформа **latvjь-jь* (: **latvъ-jь*, см. *łatwy*) могла развиться регулярным путем в *łacwi*». Это вызывает возражения как со стороны словообразования, так и (главным образом) со стороны фонетики. В отношениях **latvъ* : **latvjь* совершенно неясна словообразовательная функция йотового форманта, который, между прочим, был наделен в праславянском словообразовании достаточно четкой функцией производности и принадлежности. Это должно было отразиться и в семантических отличиях ст.-польск. *łacwi* и соврем. польск. *łatwy* 'легкий, нетрудный', однако таковых попросту не имеется, оба слова совершенно однозначны. Сказанное делает сомнительной реконструкцию **latvjь* и позволяет отдать предпочтение праформе **latjьvъ*, наряду с **latvъ*. Все различие между ними сводится к видовому различию производящих глаголов **latiti* и **latjati* и соответствующему различию в фонетической трактовке согласного конца основы. Понятно, что видовое противопоставление исходных глаголов снимается в производных прилагательных, чем, может быть, и объясняется недолговечность, непрочность существования пары синонимичных польск. (стар. и диал.) *łacwi*, *łacwy* — *łatwy*.

Пожалуй, еще более принципиальный характер носят возражения по поводу фонетической природы предполагаемого Славским объяснения *łacwi* < **latvjь*, поскольку при этом неизбежно затрагиваются кардинальные проблемы западнославянской фонетической эволюции. Принимая за Розвадовским изменение **tvj* > *cv*, Славский существенно противоречит, например, сохранности однотипного звукосочетания *kv* в палатализующих условиях (обычно перед *ě*) именно в западнославянском, в отличие от обычного перехода *kv* > *cv* на южнославянской и восточнославянской почве. Причину можно видеть в свойственной западнославянскому раздельной артикуляции *kv* как [*k·v*] аналогично *dl* [*d·l*], которое избежало ассимиля-

тивного изменения и упрощения в том же ареале. У нас нет оснований считать, что в совершенно однотипном сочетании *tv* в польском действовали противоположные тенденции, которые сделали возможным развитие *łacwi* из *łatwy*.

Рецензируемый выпуск не содержит, пожалуй, этимологически особо трудных случаев, а вместе с тем и этимологических решений, которые специально привлекали бы наше внимание, хотя примеры, интересные своей семантикой и древними диалектными особенностями, здесь могут быть названы, ср. любопытное только польское диал. *łanitwa* 'санный полоз' < праслав. **olnita*/**olnitva* с преобладающими всюду значениями 'щека, скула', 'челюсть' (стр. 460). Более актуальным нам показался поэтому вопрос лексических гнезд во всем комплексе соответствующей проблематики, причем этимология как правило бывает ясна и сомнений в принципе не вызывает, зато конкретные пути словопроизводства допускают весьма различное толкование. При этом общее правдоподобие избранного автором способа толкования иногда основано на недооценке, казалось бы, незначительных моментов словообразования, морфологии, фонетики (ср. выше) или же шире — типологии, в связи с чем критический пересмотр всей аргументации приводит к мысли, что авторское решение в этих случаях — не единственно возможное и не всегда лучшее. Интересным, хотя, может быть, не самым простым примером такого рода служит польск. диал. *łapie* 'быстро, живо, скоро, мигом', ср. и укр. диал. (Верхратский, Желеховский) *лапі* 'быстро, скоро', ст.-чеш. *lap* 'вдруг, разом, тотчас', др.-русск. *лапь* 'снова', 'прямо, не задумываясь'. Об этимологической связи с **lapati* (см. стр. 475 выпуска) спорить не приходится. Но это еще не ответ на вопрос, как «сделано» слово *łapie*. Автор довольствуется, вслед за Вайяном, объяснением из наречия **lapь* с переводом в продуктивный тип наречий, на *-ě*. Но ведь последние обычно производятся от прилагательных, а здесь как будто таковых нет. Не следует ли предположить древнее наличие императивного **lapi!* 'хватай!', откуда совершенно закономерно др.-русск. *лапь*, в прочих же славянских — либо утрата мягкости губного (ст.-чеш. *lap*), либо упомянутая огласовка *-ě* (вторичная). О первичной императивности говорили бы и ст.-чеш. *lap kto* 'кто-нибудь' и такая близкая аналогия, как, скажем, русск. *хвать*. Авторская реконструкция **lapъ* ввиду ее функциональной неясности тогда отпадает.

О. Н. Трубачев

В. И. Георгиев, Й. Заимов, Ст. Илчев, М. Чалъков. Български етимологичен речник. Св. IX—X (т. II): И — калапу́шник. София, 1974, 160 стр.

Новым спаренным выпуском IX—X начата публикация следующего, II тома этимологического словаря болгарского языка нескольких авторов. Основываясь на картотеке болгарского диалектного словаря, новый болгарский этимологический словарь, как всегда, подкупает читателя несравненным богатством своих лексических материалов, которые развертываются здесь всеми возможными способами — гнездовым (см. статьи *и́мам*, особенно — *ка́звам*, *ка́жа* и *кал*, где собраны по обыкновению этого словаря многочисленные производные от названных основ), алфавитным. Последний, аналитический способ ярко представлен в настоящем выпуске весьма продуктивной (главным образом глагольной) словообразовательной моделью 'приставка *из-*+основа слова'. Правда, богатство фактического материала — это далеко не все, чего обычно ждут от этимологического словаря. Этимологический анализ и этимологическая библиография рецензируемого словаря как раз не всегда отличаются требуемой глубиной, полнотой и разносторонностью, что придает труду в целом характер несколько неровный, не адекватный уникальному обилию фактов, подчас вводимых в научный обиход впервые.

На стр. 3 сообщается известная фракийская этимология названия реки *Йбър* 'Марица', греч. 'Έβρος, 'Έβρος, в конечном счете — от и.-е. **ei̯bhro-s* (в словаре: **ejbhro-s*). Не совсем понятны тогда заключительные слова этой статьи: «или, может быть, от греч. εὐρύς 'широкий'».

В статье о слове *ѝвер* 1 'щепка', 'палочка' на следующей, 4-й странице слишком кратко сказано об «исчезновении начального *i-* в польск. *wiór*, слвц. *very*». Следовало бы раскрыть природу этого элемента, которая весьма разнилась прежде всего морфологически (мы понимаем *jь-* в праслав. **jьverъ* как особый древний префикс, вариантный к распространенному *jьz-*) от начала слов **jьmēti* (польск. *mieć*, в рецензируемом словаре опечатка: *meć*), **jьgra* (польск. *gra*, русск. *игрá*), где *jь-* входило в основу слова. На стр. 16, в статье о слове *ѝзба*, составителей словаря можно понять таким образом, что объяснение из романского принадлежит Цв. Тодорову (ИИБЕз 8, 1962), тогда как аналогичная этимология уже давно выдвигалась целым рядом ученых от Мейе до Махека. В краткой статье *ѝзвръстен* 'прекрасный, изысканный' (стр. 23), кроме ст.-слав. изврьстнъ, диал. *ѝзварсно* и связи с *връст*, явно не хватает соотнесения с сербохорв. *ѝзврстан*, *ѝзврсно* 'превосходно, отлично', не говоря о возможных источниках калькирования в древних и новых европейских языках. Болг. диал. *изгорѝди* 'шкварки', скорее всего, целиком заимствовано из новогреческой формы греч. σκωρίδι(ον) 'шлак', а не образовано от *изгор-* (*изгáрям*, *горя́*), якобы контаминированного с (*я*)*горѝди*, ср. *ягорѝда*, как утверждают составители словаря на стр. 26. Очень сомнительно семантически, а особенно — в лингвогеографическом отношении истолкование слова *изкавáлям* 'играть, танцевать' как **из-ковалям* от неизвестного болгарскому языку **ковал* 'кузнец' (стр. 31). Более правдоподобным здесь было бы предположение о наличии приставок *из-*, *ка-* при глагольной основе *валя-*.

Не без удивления мы читаем на стр. 72, что сближение болг. *ѝмел*, сербохорв. *ѝмела*, русск. *омёла* и т. д. 'растение Viscum album' со ст.-слав. ѩти, имѫ 'хватать' выдвинул Скок, хотя речь идет о весьма старой этимологии названия этого растения с клейкой корой, использовавшейся с давних пор для ловли птиц. Скок (I, 718) лишь повторяет эту этимологию за своими предшественниками.

Большое количество довольно поздних местных, подчас ограниченных отдельными диалектами, заимствований из турецкого и греческого языков обращает на себя внимание как существеннейший компонент болгарской лексики на *к-* начальное. Это накладывает отпечаток и на общую ориентацию рецензируемого словаря, если иметь в виду, что общеславистическая, праязыковая и т. п. проблематика занимает в словаре довольно скромное место, трактуется бегло и неравномерно, хотя попадаются отдельные полезные примеры и наблюдения также из этой области. Так, на стр. 129 в связи с болг. диал. *кадá*, нареч. 'когда' снова поднимается вопрос о существовании праслав. **koda* (в словаре — **kadā*, что следует, очевидно, читать как традиционное **koda*, если исходить из теории В. И. Георгиева о праслав. *ă* : *ā*), которое соответствовало лит. *kadà*, др.-инд. *kadā*, авест. *kadā* с тем же значением.

О. Н. Трубачев

Г. П. Клепикова.
Славянская пастушеская терминология.
Изд. «Наука». М., 1974, 256 стр.

Оживление интереса к карпато-балканской проблематике определило появление многих работ, которые характеризует стремление наиболее полно изучить и научно освоить богатый диалектный, исторический, этнографический материал, освещающий разные стороны материальной и духовной жизни славян карпато-балканской зоны. В работе Г. П. Клепиковой предметом

исследования избирается группа лексики, связанная с пастушеством и характерная прежде всего для карпато-балканской зоны. Особенности пастушеской терминологии изучаются на материале карпато-украинских говоров в сопоставлении с соответствующими материалами славянских и неславянских языков в границах карпато-балканской зоны. Работа Г. П. Клепиковой является в известном смысле продолжением и обобщением результатов обследования Карпатской области по Программе Карпатского диалектологического атласа.

Исследование состоит из пяти частей. Основной части предпослано введение, в котором сжато дается этнографическое описание, характеристика горного пастушества, кратко определяются исходные понятия и методика исследования. Материал пастушеской терминологии изучается выборочно методом лингвистической географии. За единицу сопоставления принимаются лексемы в строго терминологическом значении. Изучаемые термины пастушества разбиваются на три тематические группы: 1) термины, связанные с обозначениями животных по внешнему виду, полу, возрасту (названия с корнями *p(v)rč(k-)*, **tsap*, **pьrv-*, **nelěp-*, **birka (byrka)*, **běl-*, **bal(bāl)-*, **broz(br'az)-*, **bar(d)z-*, **vakeša*, **kornut(a)*, **šut*, **čul*); 2) термины, связанные с доением и переработкой молока (термины с корнями **mьlz-*, **doj-*, **c(v)rkati*, **sěr-*, далее **kolastra*, **melzivo*, **žentica*, **(d)zer*, **syrvatka*, **ryndza* и др.); 3) названия построек, используемых в пастушестве (**staja*, **salaš*, **obor(a)*, **košar(a)*, **okol*, **koliba*, **komarnik*, **podišar*). В заключение автор формулирует некоторые выводы, касающиеся различных аспектов функционирования пастушеской терминологии в современных диалектах карпатского ареала, а также ее генезиса.

Каждая из глав распадается на самостоятельные этюды преимущественно семасиологического характера, в которых с исчерпывающей полнотой представлено семантическое наполнение избранных для изучения терминов. При этом автор не ограничивает задачи своего исследования изучением семантической дифференциации пастушеских терминов в карпатоукраинских говорах и соседних славянских и неславянских языках карпато-балканской области. Локальное сходство и различие, обнаруживаемое в этой области, прослеживается на широком славянском фоне с учетом диалектных материалов южнославянских и севернославянских языков. В работе широко используются материалы по северновеликорусским говорам, последние данные по говорам Полесья. Автор четко очерчивает ареалы терминов пастушества и показывает, как карпатские изоглоссы продолжаются на территории южно- и севернославянских языков, а также на территории румынского, венгерского, греческого, албанского и других языков. Все данные о семантике и географии изучаемых слов иллюстрируются на картах, схемах.

Ценность работы определяется широким использованием всех доступных диалектных, этнографических, фольклорных материалов, что позволяет уточнить семантику и ареалы пастушеских терминов по всей славянской территории, помогает выявить сходство и различие в развитии этой группы лексики по славянским языкам. Детальное лингвогеографическое описание содержит интересные данные для изучения семантики южнославянских слов, выявления своеобразия семантического функционирования многих карпатизмов (ср. сохранение каузатива **dojiti* с первоначальным значением 'давать сосать, кормить грудью' преимущественно в южнославянских диалектах, стр. 99 и след.).

В результате исследования устанавливается несколько типов пространственных отношений изучаемой лексической группы и тем самым несколько диалектных зон. Автор выделяет три важнейшие диалектные зоны для лексем, выступающих в качестве терминов пастушества. Исключительно карпатский ареал имеют лексемы **vakoša*, **bu(n)(d)z*, **žentica*, **podišor*, **salaš*. Карпатобалканские изоглоссы включают лексемы **kornut*, **balan (balaia)*, **tsark*, **strunga*, **ryn(d)za*. Для некоторых лексем удается проследить более широкое распространение. Помимо карпато-балканской области они представлены в севернославянских (ср. **kl'ag*, **tsap*, **šut(a)*, **staja* и др.) и западнославянских языках (ср. **běl-*, **doj-*, **obora* и др.).

Карпато-балканская зона является областью длительного исторического взаимодействия славянских и неславянских языков. В составе пастушеских терминов наряду с исконно славянскими основами, имеющими общеславянское или более узкое распространение, довольно значительное число заимствований из балканских языков. В ходе исследования подробно освещается взаимопроникновение лексики соседних языков, когда один и тот же термин имеет различное происхождение в славянских языках: в одних языках он является исконно славянским, в других — заимствованием из балканских языков, куда он, в свою очередь, проник из южнославянских языков (ср. **košara* и **košar*, лексемы с корнем **běl-*). Особо подчеркивается, что наряду с балканизмами «существуют специфически карпатоукраинские пастушеские термины, возникшие в результате локальной семантической эволюции исконных и заимствованных лексем» (стр. 245). Ср. *nevarka* 'виды сывороток', *vakeša* 'белая овца с черными пятнами на морде' и др.

Стратификация этой небольшой части карпато-балканской лексики представляет большой интерес для этимологии. И хотя исследование строится на уровне ближней этимологии, попутно затрагиваются вопросы, связанные с выявлением исходного этимона в праславянском и индоевропейском. Пастушеская терминология по большей части относится к этимологически трудной части словаря. Автор, критически оценивая известные этимологии, в ряде случаев предлагает в осторожной форме собственные суждения. Отдельные этимологические выводы автора требуют некоторых замечаний. Так, в статье на **syrvatka* автор принимает предположение И. Г. Добродомова о том, что это булгаризм (стр. 145). Но с таким подходом трудно согласиться, так как общеслав. **syrovatъka* имеет все признаки славянского слова, связанного родством с основой **surъ* (ср. русск. *суровый*), и морфологический состав его (**syr-ov-at-ъka*) не противоречит законам славянского словообразования (ср. русск. *суровый*, *красный — красноватый* и т. д.). Различие же в фонетическом облике (русск. *сыворотка*, серб. *сурутка* и др.) легко объясняются процессами ассимиляции, метатезы на славянском уровне.

В статье, посвященной слав. **obora*, автор осторожно предлагает этимологически различать слав. **obora* < **ob-vora* 'место, где складывают навоз' и укр., польск. *obora* 'навоз, куча навоза', для последнего предполагается слав. **berǫ*, **bьrati*/**bor-* (стр. 187). Но сам материал и развитие семантики, тщательно анализируемые автором, свидетельствуют, напротив, об этимологическом тождестве этих образований и об исходной основе **ob-vora*.

Автор объединяет исторически тождественные слова карпато-балканской зоны под так называемой наддиалектной формой, которая в одних случаях соответствует праславянской реконструкции (ср. **pьrv-*), а в других аналогичных случаях приводится с обобщенным обозначением гласного в корне (ср. **p(v)rč(k)-*). Эту непоследовательность легко устранить, если применительно к славянскому материалу использовать формы в праславянской реконструкции. Обращение к праславянской форме как исходному началу всех последующих славянских реализаций поможет снять неточности и разнобой в принимаемых обозначениях. Нам представляется также, что нет необходимости вводить в наддиалектные формы расцепленные аффрикаты, ср. **tsap*, **tsar*.

В целом работа Г. П. Клепиковой «Славянская пастушеская терминология» представляет тщательно выполненное исследование, оснащенное исчерпывающей по данной теме библиографией. Исследование такого рода, подчиненное решению узловых вопросов карпато-балканской проблематики, отражает насущную потребность славистики.

Л. В. Куркина

Э. В. Севортян.
Этимологический словарь тюркских языков.
(Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М., 1974, 767 стр.

Выход в свет первого тома «Этимологического словаря тюркских языков», составленного Э. В. Севортяном, и планируемое на ближайшие годы завершение работы над другими томами, — выдающееся событие в тюркологии, которое непременно окажет воздействие на последующий ход лексикографических исследований.

По глубине освещения истории слов рецензируемый словарь не имеет равных себе среди тюркских словарей [1], а по объему содержащихся в нем материалов занимает место в одном ряду с фундаментальными словарями В. В. Радлова, Э. К. Пекарского и К. К. Юдахина. Он охватывает почти всю доступную лексику, составлен с учетом достижений современной лингвистической науки и содержит обширные и разнообразные сведения о каждом этимологизируемом слове.

В истории советской тюркологии последние два-три десятилетия были периодом непрерывного накопления фактов и упорных поисков их осмысления. Обилие материалов, являющееся следствием длительного существования письменной традиции и наличия множества диалектов, и щедрый поток идей, питаемый постоянно растущим интересом к лингвистической теории, создали благодатную почву для больших обобщений как в области грамматики, так и в области лексикологии. Составление этимологического словаря не было, таким образом, случайным предприятием, и то, что за эту работу взялся тюрколог, уже имевший многолетний опыт исследования разных тюркских языков, явилось своего рода гарантией от излишней поспешности и нереалистической постановки задач этимологизации тюркской лексики.

Являясь крупным тюркологом-теоретиком, Э. В. Севортян шел к реализации выдвинутой Н. К. Дмитриевым идее тюркского этимологического словаря с четко намеченной программой последовательного изучения источников и решения теоретических проблем. Этот путь был долгим и трудным. Недостаточно высокий уровень тюркской компаративистики, малочисленность работ в области лексикологии, наличие алтайской, урало-алтайской и других гипотез, умножающее трудности фонетических реконструкций, серьезно препятствовали развертыванию этимологических исследований. Пришлось по-новому взглянуть на многие вопросы исторической фонетики и морфологии тюркских языков. В ходе решения поставленной задачи Э. В. Севортян с должным вниманием отнесся к трудам своих предшественников, тщательно проверил все, что было сделано в тюркологии за последние сто лет, и с исчерпывающей полнотой охарактеризовал основные приемы этимологического анализа.

Источники словаря — лексикологические и лексикографические издания, монографии и статьи, публикации старописьменных памятников и диалектных текстов.

В словник вошли «общетюркские и межтюркские односложные и неодносложные структурно-семантически затемненные основы и основы неясного языкового происхождения» (стр. 46).

Каждая словарная статья включает список разновидностей основы, перечень значений, этимологическую разработку и совмещенный с ней, или самостоятельный, библиографический раздел. Форма заглавного слова — туркменская, при отсутствии его в туркменском языке — турецкая.

Достоинства нового этимологического словаря не только в хорошо систематизированной подаче материала, в полноте библиографических сведений, но и в твердо выдержанной объективности и корректности оценок различных точек зрения, в профессиональном умении автора преодолевать многообразие-

---

[1] Подробно о тюркских этимологических словарях см. в статье: А. М. Щ е р б а к. Состояние работы и задачи составления этимологических словарей тюркских языков. «Советская тюркология». Баку, 1975, № 4.

существующих толкований слов путем критического разбора их и сопоставления.

Ниже мы остановимся на теоретических положениях, которые легли в основу рецензируемого словаря и, в известной мере, предопределили его качество. Попутно будут сделаны замечания, скорее дискуссионного, чем критического, характера, продиктованные желанием способствовать успешному продолжению работы над словарем и нисколько не умаляющие достоинств изданного тома.

Важнейшей задачей этимологического словаря тюркских языков, по мнению Э. В. Севортяна, является «выяснение морфо-семантического состава и языковой принадлежности (происхождения) этимологически затемненных, преимущественно неодносложных основ» и «реконструкция более древнего фонетического состояния как самой основы, так, отчасти, и входящих в нее морфем» (стр. 25).

Выяснение морфо-семантического состава производится посредством раскрытия типических словообразовательных и словоизменительных моделей, с применением сравнительного метода и метода внутренней реконструкции, что дает возможность точнее определить господствующие тенденции в развитии тюркского слова. Сделан заметный шаг вперед в направлении уточнения методики морфемного анализа и увеличения степени достоверности результатов ее использования, хотя, естественно, не со всеми заключениями Э. В. Севортяна по поводу первоначального морфологического состава неразложимых основ (resp. слов) можно согласиться.

В порядке возражения автору коснемся, прежде всего, членения слов *асра*[2] 'внизу' и *ічрä* 'внутри', 'внутрь' соответственно на *ас-ра*, *іч-рä* и квалификации *ра*~*рä* как архаического показателя направительного падежа (стр. 196, 390, 475). До сих пор в распоряжении тюркологов нет ни одного убедительного факта, позволяющего реконструировать в праязыке падежную форму на *-ра*~*-рä* или *-ру*~*-рӳ*. Зато налицо прозрачная связь между отдельными образованиями на *ра* ~ *рä*, *ру* ~ *рӳ* и глагольными основами, что побуждает отнестись со всей серьезностью к предположению А. Зайончковского о появлении «направительного суффикса *-ра*, *-ру* вследствие переразложения деепричастий, образованных от каузативных глаголов на *-р*»[3]. Ср. якут. *таһāр-* ~ *таһар-* 'выводить наружу, выносить', *таһāра* ~ *таһарā* 'вне, наружу'; др.-тюрк. *тэгір-* 'заставлять касаться', 'обводить', *тэгрä* 'вокруг'.

Спорным является также предлагаемое Э. В. Севортяном членение образных глаголов типа туркм. *аскïр-* 'чихать' (стр. 194), алт. *ïшкïр-* 'храпеть (о лошади)' (стр. 674) на образные, или звукоподражательные, основы *ас*, *ïш* и аффикс *-кïр*~*кур*. Может быть, при сравнении тур. *пӳф-кӳр-* 'дуть' с азерб. *пӳфлä-* такое членение покажется само собой разумеющимся, однако необходимо иметь в виду, что не исключены разновидности звукоподражательных основ *һор*, *пiң*, *кӳр*, *пӳф*, *пiш*, *кïј* с конечным *к(к)*, ср. в якутском языке: *бал*~*балк* — подражание звуку удара или падения полужидкой или тестообразной массы, *бӳл*~*бӳлк* — подражание приглушенному бульканью, *чал*~*чалк* — подражание звуку падения слизистой массы или капли в жидкость[4]. С другой стороны, нельзя не учитывать распространенность в тюркских языках устойчивых сочетаний образных, или звукоподражательных, слов с глаголами *эт-*, *чэк-*, *тарт-* и, чаще всего, с глаголом *ур-*, ср. др.-тюрк. *ǰам ǰам ур-* 'ударять с грохотом', *ǰарс ǰарс ур-* 'ударять с треском'; ст.-узб. *ǰош ур-* 'бурлить, пениться', *ka ka ур-* 'хохотать'; азерб. *һорт вур-* 'глотать'; казах. *kapk эт-* 'кар-

[2] Здесь и ниже воспроизведены с незначительными изменениями написания, принятые в словаре.

[3] A. Zajączkowski. Sufiksy imienne i czasownikowe w języku zachodnio-karaimskim. — «Prace Komisji Orjentalistycznej», N 15, Kraków, 1932, стр. 166.

[4] См. Л. Н. Харитонов. Типы глагольной основы в якутском языке. М.—Л., 1954, стр. 260, 264.

кать', *тарс тарс ўр-* 'ударять с грохотом'; тур. *шарk эт-* 'ударять, громыхать'; туркм. *ҕарk ур-* 'сильно кашлять', *hор чэк-* 'храпеть,' *hорk hорk ур-* 'хрюкать', *тарп тарп ур-* 'топать'; узб. *эh тэрт-* ~ *эh чэк-* ~ *эh ур-* ~ *эh вэh kіл-* 'охать, горевать, вздыхать', *дўк ур-* 'угрожать', *kарсаk ур-*, *чапаk ур-* 'аплодировать', *акса ур-* (~ *аксір-*) 'чихать'. Сопоставляя глаголы типа *аскїр-*, *їшkїр-* с только что приведенными сочетаниями, можно сделать вывод, что их вторым компонентом является глагол *ур-*, используемый в целях словообразования, подобно глаголам *эт-*, *чэк-* и другим, с которыми он эпизодически вступает в отношения свободного варьирования, ср. узб. *дўк ур-* ~ *дўк эт-* 'глухо стучать'.

Далее, сомнения вызывает попытка видеть в туркменских наречиях *дашарїk* 'вне', *ічэрїк* 'внутрь', *јоkарїk* 'вверх' сочетания падежных форм на *-арї* ~ *-эрі* со словом *їk* 'направление ветра, течения. . .' (стр. 215). Маловероятно, чтобы слово, хорошо сохранившее в современных тюркских языках конкретное значение — 'заветренная сторона', 'сторона, защищенная от ветра' (стр. 651), употреблялось параллельно для обозначения стороны вообще, ср. туркм. и туркм. (диал.) *дўјāк* 'верблюду', *ілэрїк* 'вперед', 'на юг', *ҕајрāk* 'назад', 'на северо-восток', *аңрїk* 'туда', *бāрїк* 'сюда'.

Особое значение Э. В. Севортян придает выяснению фактов глагольно-именной омонимии. Полученные результаты — несколько десятков дополнительно выделенных омоформ — значительный вклад в грамматическую характеристику древнейшей тюркской основы. Что же касается предположения о наличии в далеком прошлом «конверсионного» способа словообразования, следы которого якобы сохранились в характере грамматической квалификации заимствований из арабского и персидского языков (стр. 36, 37), то оно нуждается в тщательной проверке и развернутом обосновании. Случаи отнесения заимствованных слов и к именам и к глаголам в каждом отдельно взятом тюркском языке единичны и обязаны своим появлением разным обстоятельствам. Например, употребление в тюркских комментариях к Корану XII—XIII вв. наряду с существительным *аҕаз* 'начало' глагола *аҕаз-* 'начинать' — следствие параллельного заимствования имени и глагола: перс. آغاز 'начало', ср. آغازيدن 'начинать'. Глагол *тэлмір-* ~ *тэлмўр-* 'уставиться, смотреть с тоской', 'высматривать', встречающийся во многих тюркских языках, оказался в одной омоформной паре с перс. دلپر 'сердитый, раздраженный', по всей видимости, случайно. Так же обстоит дело с включением в одну омоформную пару прилагательного *ашуk* 'влюбленный' и глагола *ашуk-* 'жаждать, стремиться'. Первое слово — заимствование из арабского языка, с начальным 'айн'ом (عاشق), второе — собственно тюркское слово (آشق).

Внешнее совпадение именных и глагольных основ в тюркских языках отражает своеобразие исторического процесса развития частей речи, являясь наследием той эпохи, когда еще не было грамматических классов, как таковых. Оно не может быть поставлено в один ряд с конверсией, так как последняя возможна лишь в условиях четкого разграничения имени и глагола.

Опорой для фонетических реконструкций послужил «непротиворечивый материал», почерпнутый из имеющихся работ (стр. 26), и взгляды на историческую фонетику тюркских языков самого составителя. Если по вопросу о том, как влияют на принятие тех или иных решений взгляды автора, есть определенная ясность, то в отношении роли взглядов других тюркологов трудно сказать что-нибудь определенное. В настоящее время известно несколько точек зрения на природу тюркского вокализма, на структуру слова и особенности его просодической стороны в праязыке, на древнетюркскую систему согласных и т. д. Эти точки зрения, как правило, не совместимы, и извлечь из них что-либо «непротиворечивое» можно только в частностях. Достаточно взять вокализм. Часть тюркологов твердо придерживается мнения, что долгие гласные в тюркских языках — вторичные, образовавшиеся в результате выпадения согласных, и что, следовательно, противопоставле-

ние долгих и кратких гласных не является наследием пратюркской эпохи. Другие считают, что в тюркских языках необходимо различать первичные и вторичные долгие гласные и что оппозиция первичных долгих и кратких гласных восходит к древнейшему состоянию тюркского праязыка. При этом последние не единодушны в вопросе о том, какой была количественная оппозиция гласных — двухчленной (краткие/долгие) или трехчленной (краткие/полудолгие/долгие) [5]. Судя по конкретным замечаниям в словарных статьях, Э. В. Севортян отдает предпочтение двучленной оппозиции, однако предлагаемые им количественные характеристики вокализма реконструированных архетипов не всегда определенные. См. на стр. 450: «Для формы *олдаң/улдаң* в памятниках можно было бы допустить исходный глагол в виде **улда-/олда-*, следовательно, <**ӯл-да-*; для формы *ултаң/олтаң* — в виде **улта-*, следовательно, <**ул-та-*». Здесь приведен лишь один пример, но подобные колебания (ср. **ӯл* ~ **ул* ~ **ол*) встречаются настолько часто, что мы, пожалуй, не погрешим против истины, если назовем их типичными.

В выборе архетипа важную роль играет убеждение, что для наиболее ранних эпох в истории тюркских языков нужно допустить «фонетическое непостоянство корня, его вариативность» (стр. 29), а также «недостаточную устойчивость фонематических признаков» (стр. 31). Действительно, нельзя исключать фонетическую вариативность древнетюркского корня как отклонение от нормы, обусловленное рядом причин, но едва ли есть какие-нибудь веские основания возводить вариативность в принцип. Преувеличение размеров фонетического непостоянства корня чревато опасностью пренебрежительного отношения к закономерностям фонетических соответствий и отчасти лишает смысла трудоемкую и кропотливую работу по восстановлению архетипов.

На практике упомянутый выше принцип реализуется в отнесении тур. диал. *әм* 'способный, проворный, умелый' к словарной статье на *әм* (стр. 270) и к статье на *әп* (стр. 286, 287) или в рассмотрении туркм. диал. *āдаӻ* 'детская коляска, при помощи которой ребенок делает свои первые шаги' как производного от глагола **āд-/ад-* ~ **аj-* 'шагать, ступать' (стр. 88); туркм. *аjак* 'нога' — от глагола **аj-* ~ **ад-* 'шагать' (стр. 103, 106) и, по существу, в сближении *аjак* 'нога' с *āдїм* 'шаг', так как последнее возводится к глаголу **āд* ~ **āт-* ~ **ат-* 'шагать' (стр. 88, 89); туркм. *аjӻїр* 'жеребец' — от **аj-* ~ **аδ-* ~ **ад-* ~ **аз-* 'возбуждаться (похотью)', 'покрывать (о животных)' (стр. 108); туркм. *аjї* 'медведь' — от **аj-* ~ **аδ-* 'быть престарелым' (стр. 113) и т. д. Безусловно, иногда не удается определить однозначно фонетический облик архетипа и обойтись без указания на допустимые варианты, однако число их должно быть предельно ограниченным. Указание на четыре-пять вариантов (ср. **аj-* ~ **āд-* ~ **ад-* ~ **āт-* ~ **ат-* 'шагать, ступать') явно страдает чрезмерной избыточностью.

Этимологический анализ почти в каждой словарной статье завершается авторскими решениями, которые содержат много интересного и полезного, независимо от соотношения в них негативной и позитивной части, и которые лишь в отдельных случаях даны без развернутой аргументации. Ср.: туркм. *āӻ-* 'сваливаться, переваливаться, валиться' <**āң*, или **ї̄ң-* (стр. 69); туркм. *аӻач* 'дерево' <**ї* 'семя', '(по)сев', 'растение'. . . + аффикс *-ӻач* «в увеличительном значении» (стр. 72); туркм. *ак-* 'течь' <**алк-* (стр. 119); туркм. *әшіт-* 'слышать' <**әш-* + аффикс побудительного залога *-іт* (стр. 319) и т. д. Относительно слова *аӻач* заметим, что отражение общетюркских **а* и **ā* в виде *ї* распространенное явление. Возможность же отражения **ї* и **ї̄* в виде *а* в корневой морфеме сомнительна. Иначе говоря, если сопоставляются разновидности *аӻач* и *jїӻач* (*їӻач*), то фонетически доказуемо развитие второй из первой, так же как *jїӻла-* 'плакать' из *аӻла-*, но не наоборот. Ссылка на примеры из словаря В. В. Радлова,

---

[5] Ср. у Г. Дёрфера: G. Doerfer. Khalaj Materials. «Uralic and Altaic Series», 115. Bloomington, 1971, стр. 234, 261, 262.

«подкрепляющая» членение *эшіт-* 'слышать' на *эш-іт-*, не убеждает, что уже отмечалось Г. Дёрфером[6].

Несколько слов о реконструкции семантической стороны. Эта область исследования до сих пор не имеет солидной теоретической основы, и назвать приемы, обеспечивающие точность семантической квалификации архетипов, пока трудно. Многолетний опыт изучения семантики подсказывает, что одна из главнейших линий ее эволюции заключается в постепенном переходе от менее общих к более общим значениям. Из этого следует, что, например, значение 'промежуток во времени и пространстве' у слова *ăра* ~ *ара* (стр. 162—163) относительно пóзднее, развившееся из восприятия какого-то конкретного пространственного образа. Это также дает право утверждать, что др.-тюрк. *öδ* ~ *öj* не вообще 'время', а определенный отрезок времени, и поэтому кажется излишним вопрос о том, как в турк. *öjлэ* из значения 'время' развилось значение 'полдень' (стр. 517). Признавая направленность семантических изменений от конкретного к общему, этимолог не может оставить без ответа вопрос о том, правомерно ли выделять на уровне праязыка несколько совпадающих по содержанию основ, или вопрос о допустимости обозначения одной и той же основой однотипных, но разнохарактерных действий: движения солнца к зениту и подъема человека в гору, переправы через воду и перехода через возвышенность, способа передвижения человека и лошади [ср. кирг. *ajaң* 'шаг (ход лошади)' из **aj-* 'шагать, ступать' и **aj-* с тем же значением (о человеке), стр. 103, 106; ср. также: 'бежать' (о человеке и о лошади)] и т. д.

Заканчивая краткий критический разбор первого тома «Этимологического словаря тюркских языков», необходимо еще раз подчеркнуть дискуссионный характер большинства сделанных замечаний и бесспорность огромных научных достоинств рецензируемого труда. Независимо от того, какие изменения будут внесены впоследствии в толкование отдельных слов, в их морфологический анализ и в установление «предельно достижимого древнего фонетического облика слова», составленный Э. В. Севортяном словарь станет на долгие годы настольной книгой для всех тех, кому приходится иметь дело с тюркской лексикой.

А. М. Щербак

Valtonen, Pertti.
Suomen mustalaiskielen etymologinen sanakirja.
Helsinki, Suomalaisen kirjalisuuden seura, 1972, 138 стр.
(Tietolips 69)

Пертти Вальтонен уже давно изучает жизнь и быт финляндских цыган. О них он опубликовал интересные исследования, которые появились в известном печатном органе «Journal of the Gypsy Lore Society» в Англии. Рецензируемый этимологический словарь цыганского языка в Финляндии еще раз подтверждает, что автор очень хорошо познакомился с проблемами изучения цыганских диалектов в Финляндии.

В «Введении» словаря (стр. 5—9) указывается на интерес ученых к цыганскому языку в Финляндии. Начальные занятия в этой области восходят к XVIII в. В «Введении» встречаются имена таких цыганологов как Артур

---

[6] G. Doerfer. Gedanken zur Gestaltung eines idealen Türkischen Etymologischen Wörterbuchs. — «Orientalistische Literaturzeitung», 66. Jahrgang, № 9/10, Berlin, 1971, стр. 446.

Теслефф, который издал в 1901 г. словарь диалекта финляндских цыган [1], или Пауль Аристе, исследовавший цыганский язык и в этой части Европы [2].

В «Библиографическом указателе» автор ставил себе целью охватить важнейшую литературу по цыганской лексике и этимологии. Здесь есть и указания источников, послуживших для составления словаря (стр. 10—13). В специальной рубрике после указания библиографии даются словообразовательные суффиксы и некоторые флективные окончания, снабженные указанием на их исконное или иностранное происхождение (стр. 16—17). На стр. 17 помещены примеры минимальных различий в фонетике финляндских цыганских диалектов, ср. консонантные пары *x*/*kh* в слове *xabe*/*khabe* (стр. 69).

Лексический материал этого словаря охватывает живой состав цыганской речи. Он включает в себя сведения о домашнем быте и о жизни в семье. Здесь, например, очень интересны названия родства по прямой и боковой линии, ср. в статье *dād* 'отец' (стр. 36). Внимания требуют также названия различных народностей и государств, расположенные по алфавиту в словаре, собственные имена и названия местностей и городов, которые собраны в специальной главе (стр. 134—138).

Все эти лексические единицы показывают любопытные моменты словообразовательного и семантического развития, ср., например, слово *pimnaskiba* 'intoxication' (стр. 95), возникновение которого (<глагола *pjā* 'пить') обязано двум одинаковым суффиксам *-iba*. Здесь нельзя игнорировать также момент калькирования: так, финляндские цыгане называют столицу Хельсинки *Baro fōros* (стр. 134). Это название означает 'Большой город'. И другие цыгане в Европе называют главные города стран, где они живут, большими городами и (с эмоциональной окраской) большими селами, ср. в цыганском языке Болгарии *Baro gav*=София, т. е. 'Большое село' или 'Большая деревня'. Среди географических названий очень часто встречаются примеры калькирования, ср. цыг. *Nēvi khangari*=фин. *Uusikirkko* < цыг. *nēvo*=фин. *uusi*+цыг. *khangari*=фин. *kirkko*, т. е. по-русски 'Новая церковь' (стр. 136).

Жаль, что в словаре мало иллюстративных цыганских предложений, которые можно было бы использовать для изучения иноязычных влияний на морфологию и синтаксис. Вот некоторые примеры этих особых явлений в грамматике цыганского языка в Финляндии: *ābislīn* 'abc-book' (стр. 18)<<фин. *aapis*+цыг. *līn* 'книга' или *ābisiba* (неологизм) < фин. *aapis*+цыг. суфф. *-iba*; ср. также цыг. предложение *tu vālijako tēlal* 'ikkunasi alla/under the window' (пример найден в статье о слове *tu* на стр. 128, где цыг. предлог *tēlal* применен как послелог с генитивным управлением для передачи фин. послелога *alla*).

Рецензируемый словарь является важным источником для установления исконного словарного фонда цыганских диалектов Финляндии. На основе этой лексики возможно изучение фонетических и некоторых морфологических особенностей, характерных для этих диалектов. Примеры фонетических явлений в связи с палатализацией, ассимиляцией и диссимиляцией согласных показывают, что достоверность реконструкции исконных и заимствованных слов цыганского языка Финляндии в некоторых случаях затрудняет этимолога, так как автор не указывает в каждом отдельном слове на общеевропейское цыганское соответствие. Ср. цыг. *džēlo* 'gone'<др.-инд. *gatá-*=общеевроп. цыг. *gelo*; цыг. *tšīran* 'cheese'<др.-инд. *kilāṭa-*= общеевроп. цыг. *kiral*; цыг. *rassako* (=род. п. от *rat* 'night'<др.-инд. *rā́trī-*)=общеевроп. цыг. *ratjako(ro)* — род. п. ед. ч.; цыг. *tšax* 'cabbage'< др.-инд. *śāka-*=общеевроп. цыг. *šax*; цыг. *phannā* 'bind'<др.-инд. *bandhati*=общеевроп. цыг. *phandav* (прич. *phallo* и *fallo* вместо *phanlo*= общеевроп. цыг. *phanglo*, *phanlo*); цыг. *glānuno* 'fore-, pre-'=общеевроп. цыг. *anglaluño*, образованное на основе др. инд. *ágrāt*; цыг. *glīzin* 'key'= общеевроп. цыг. *klidi*< н. греч. κλειδί.

---

[1] A. Thesleff. Wörterbuch des Dialekts der finnländischen Zigeuner. Helsinki, 1901 (=Acta Societatis Fennicae, 29).

[2] P. Ariste. Über die Sprache der finnischen Zigeuner. Õpetatud Eesti Seltsi Aastaraamat, 1938, 2, Tartu, 1940, стр. 206—221.

Среди морфологических особенностей очень интересным является применение исконного суффикса *-(i)ben*, который почти совсем вытеснил функцию суффикса *-(i)pen*, ср. один пример *ahhipa* 'circumstances' в слове *āxxā* 'be' (стр. 19). Такова же судьба и заимствованного суффикса *-imos*, служащего для образования абстрактных существительных от глагольных и именных корней, ср., например, *khunime* 'news' в статье *xunavā* на стр. 72. В цыганских диалектах Финляндии этот суффикс употребляется исключительно редко. Основа косвенных падежей *-mnas*, *-mas* в суффиксе *-iba*, *-ibe(n)* показывает, что фонема *b* только фонетически повлияла на звуковой комплекс *-imos*. Она переменила *m* на *b* в именительном падеже, но не вывела из употребления окончание *-os* в морфеме *-ibos* (ср. *axtibos* на стр. 19), см., например, *džamnaskīro* 'wanderer', которое, собственно говоря, род. падеж от *džaben* 'going' < *džā(vā)* 'go' (стр. 40) и *ranniboskero* 'writer'. 'pen(cil)' в имен. падеже *ranniba* 'writing'), ср. *kālo ranniba* 'ink' на стр. 59 от глагола *rannā* 'write' (стр. 100) [3].

Слова, расположенные в рецензируемом словаре в алфавитном порядке, образуют иногда словарное гнездо, если они являются производными или основой для образования новых производных слов или сочетаний. После финского значения цыганского слова следует английский перевод, который отделяется чертой /. Принадлежность лексических единиц к одной части речи обозначается не прямо, а косвенно. Она видна из приведенного иллюстративного материала. Имена существительные даются в им. п. ед. ч. без указания рода. За ними часто указывается форма род. п., которая служит показателем того, что данное слово — имя существительное определенного рода, см., например, цыг. *rat* 'blood' < др.-инд. *rakta-* (род. п. ед. ч. *rattesko*, следовательно м. р.); цыг. *rat* 'night' (род. п. *rassako* ж. р. и *rattesko* м. р.).

Этимологические пояснения в словаре разработаны с достаточной полнотой. Это естественно, так как они прежде всего базируются на таких основных трудах по цыганской лексикографии и этимологии, как словари Дж. Сэмпсона и Р. Л. Тернера [4]. Как известно, подавляющая часть цыганских слов индийского происхождения уже истолкована правильно. Здесь автору пришлось только высказать свое мнение о принадлежности некоторых слов, которые фонетически и семантически изменились в цыганских диалектах Финляндии. Нельзя не отметить, что он успешно решил эту задачу. Естественно, в отдельных случаях возможны дополнения и другая точка зрения на этимологические связи между отдельными лексическими единицами. Вот некоторые выводы из этих рассуждений, опирающихся на конкретные факты:

džabbā 'sing' (стр. 40). Автор возводит эту форму к др.-инд. глаголу *gāyati* (пракрит *gāvaï*), который здесь без оговорок принят как источник цыг. слова. Но начальную группу *dž* нельзя объяснить как отражение др.-инд. непалатализованного *g*. Цыганский глагол *džabbā* произведен от имени существительного *gili* 'song', как на это указывает Сэмпсон [5]. Еще в цыганских диалектах на Балканах начальное *g* в форме *giljabav(a)* [6] изменилось, так что после контракции глагол стал произноситься *zabā*, *zabava*. В цыганском языке Финляндии вторичное изменение звука *z*>*dž* — вполне обычное явле-

---

[3] Эти примеры пополняют новыми чертами фонетическую характеристику трех суффиксов для образования абстрактных существительных в европейских цыганских диалектах, см. об этом: W. P. Schmid. Zur Bildung der Abstrakta in den Zigeunermundarten Europas. — В кн.: Wortbildung, Syntax und Morphologie. Festschrift zum 60. Geburtstag von H. Marchand. The Hague, 1969, стр. 210—216; P. Ariste. Ein lettisches Ableitungssuffix im Zigeunerischen. «Baltistica» 5, 1967, стр. 179—181.

[4] J. Sampson. The dialect of the Gypsies of Wales. Oxford, 1926 (repr.) 1968; здесь специально IV. Vocabulary, стр. 1—419; R. L. Turner. A comparative dictionary of the Indo-Aryan languages. London, 1966.

[5] J. Sampson. Vocabulary, стр. 105: *giav-*.

[6] A. Paspati. Etudes sur les Tchinghianés ou Bohémiens de l'empire ottoman. Constantinople, 1870, стр. 244.

ние, ср., например, цыг. *džummi* 'soup' (стр. 43)=общеевроп. цыг. *zumi* или цыг. *džor* 'strength' (стр. 42 и 121)=общеевроп. цыг. *zor*.

dissola 'the sun is shining' (стр. 37—38). Автор неправ, если думает, что это слово связывается с др.-инд. глаголом *dṛśyáte* (пракрит *dissaï*; хинди *disnā*). Модель словообразования цыганского глагола *disjola* уже давно позволила Б. Гилльяту-Смиту выделить из этой формы два составных элемента — один именной *dis-*, послуживший корнем, и другой глагольный *-jola*. Составная часть *-jola* в этом случае — диалектная разновидность первичного неконтрагированного суффикса *-jovel(a)*, с помощью которого образуются сложные глаголы от имен существительных и прилагательных. Корень *dis-* является также контрагированной формой существительного *di(v)es* [7] 'день'. Полную структурную параллель отыменному глаголу *disjovela* > *disjola* > *dissola* можно найти в слове *ratjovela* > *ratjola* 'наступает ночь' в цыганских диалектах на Балканах от *rat* 'ночь'+*ovav* 'быть', ср. в рецензируемом словаре суффикс *-uv*, *-juv* (стр. 129).

xudri 'chaff' (стр. 71). Вальтонен сомневается, что это субстантивированное прилагательное связано с цыг. прилагательным *xudro* 'small'. Здесь нет никакой трудности при объяснении семантического перехода 'мелкая' → 'плева'. Достаточно вспомнить, что в болгарском языке *плева* означает и 'мелкая солома'. Это — почти синонимическое название плевы; оно по-цыгански будет в диалектах Болгарии *xurdi phus*. Оно действительно так и называется. Здесь прилагательное *xurdi* отличается только метатезой консонантной группы *-rd-* от слова *xudri* в цыганском языке Финляндии. В элизии существительного *phus*, которое подразумевается в названии *xudri*, нет ничего особенного.

Этот пример важен как доказательство того, что калькирование, как показано выше, требует особого внимания. Известно, что сложность выяснения калькирования для отдаленного прошлого очень велика. Никто из цыган в Финляндии, например, не может представить себе, что выражение *pjā thyöli* 'smoke' (стр. 95), которое употребляется и в цыганских диалектах на Балканах, ср. *piav thuvali* в Болгарии, является калькой турецкого *sigara içmek* 'курить', т. е. 'пить сигареты'. Но финляндские цыгане знают, что седьмой месяц календарного года по-цыгански называется *khassesko tšōn* точно так же, как и по-фински *heinākuu*, потому что цыг. *khass* 'сено'=фин. *heinä*, а цыг. *tšōn* 'месяц'=фин. *kuu* (стр. 62 и 126). Рассмотренными примерами не исчерпываются все вопросы калькирования в цыганской лексике рецензируемого словаря. Один случай очень любопытен и поучителен в этом отношении. Он касается двух глаголов и их производных, значение которых появилось в результате семантического развития поля 'слушать'. Уже Паспати заметил, что некоторые оседлые цыгане на Балканах знают глагол *kandízava*, который составлен из существительного *kan* 'ухо'+глагол *dāv(ā)* 'дать' [8]. Как видно, сочетание этих двух лексических единиц в одном слове одинаково с аналогичными выражениями, которые встречаются и в других балканских языках, ср., например, болг. *давам ухо* или тур. *kulak vermek*. Прямой смысл цыг. *kandízava* у Паспати — 'entendre', но этот глагол означает и 'être obeissant', что напоминает семантическую параллель с болг. *слушам* 'быть послушным'. В этой связи в языке финляндских цыган заслуживают не меньшего внимания глаголы *kannā* (стр. 60) и *xun-*, *xunnā* (стр. 72). Значение цыг. *kannā* 'be obedient' представляет собой синоним выше проанализированного глагола *kandízava* у балканских цыган. В свете этих данных следует указать на производные прилагательные *kanligo*, *kannigo*, *kanvalo* (от *kannā*) и на *xunvalo*, *xunvano*, *xunnavitiko* (от *xunnā*), которые толкуются как 'obedient'. Здесь можно было бы учесть не только значения болг. *послушен*, с.-хорв. *послушан*, но и их семантическое соответствие в русском языке *послушный*. В словаре приводятся еще два слова, связанные с противоположным значением прилагательного *kannigo*. Они образованы с помощью приставок *bi-* и *ū-*:*bikannigo* (стр. 28) и *ūganniko* (стр. 128) 'непослушный'.

---

[7] A. Paspati. Указ. соч., стр. 210; J. Sampson. Указ. соч., стр. 86.
[8] A. Paspati. Указ. соч., стр. 265.

Трудно для понимания этимологическое толкование цыг. *kaxuno* в том виде, как его дал автор в своем словаре (стр. 59 и 71). Ясно, однако, что *kaxuno* не может не иметь отношения к форме *kašuko*, которая зафиксирована в цыганских говорах не только на Балканах, но и в Западной Европе. Вальтонен указал на эту возможность, но не обосновал ее. Мы думаем, что правильным является следующее толкование: если признать *kašuko* сложным словом, которое образовано из двух корней *kan* 'ухо'+*šuko* 'сухой', т. е. 'недействующий', то мы можем привести словообразовательные и семантические параллели, которые убедительно говорят о способе составления цыг. *kašuko*, ср. *pirnango* 'босой' < цыг. *piro* 'нога'+цыг. *nango* 'голый'. Об образном происхождении значения сложного слова *kaxuno* 'глухой' свидетельствует также и существующее в диалекте английских цыган выражение *šuko kanéŋgero* 'с сухими ушами', т. е. 'глухой' [9]. Но в этом случае нелегко устранить фонетические трудности. Непонятно, как изменился последний слог *-ko*>*no* в слове *kašuko*. Можно допустить, что это случилось по морфологическим причинам.

Есть и другие случаи, когда семантические сопоставления вполне возможны. Но при этом мы наталкиваемся на трудности, связанные с наличием фонетических расхождений, которые препятствуют убедительному объяснению первичного этимологического состояния слова. Приведем пример: цыг. *komedīni* 'box on the ear' (стр. 64) нельзя не сопоставить с цыг. словом *koredini*, распространенным на Балканах. Вальтонен думает, что *komedīni* заимствовано из новогреческого языка. *Komedīni* — сложное слово; оно состоит из двух частей, вторую из которых можно легко отделить, так как она ясна в этимологическом отношении. Эта часть *dīni*; она является причастием от глагола *dā*(*vā*) 'дать' и часто образует с помощью других лексических единиц сложные существительные. Для понимания словообразовательной структуры цыг. *komedīni* надо привести сходное с ним слово *tšammedīni*, которое образовано от существительного *tšam* 'cheek'+причастная форма *dīni* и означает то же, что и *komedīni*, т. е. 'box on the ear' (стр. 122). Отсюда следует, что первая составная часть *kome-* в слове *komedīni*, вероятно, означает определенную часть головы человека. С этой точки зрения нужно сравнить *komedīni* в языке финляндских цыган с балканским цыг. словом *koredini*, потому что лексический элемент *kore* связан с цыг. словом *kor* 'шея', которое в словарь цыганского языка Финляндии не включено. Слово *koredini* мне знакомо из цыганских диалектов Болгарии, где оно значит 'пощечина'. Паспати указывает на выражение *dava kori* в словарной статье *dava* и переводит его в иллюстративном материале как 'couper le cou', ср., например, *den mi kori* 'coupez mon cou' [10]. Очевидно, и это значение цыг. фразеологизма *dav(a) kori* или *kora* развилось на основе его главного семантического содержания 'дать по шее, ударить по шее'.

В рецензируемом словаре можно найти и случаи, где морфологическая структура производного слова ясна, но звенья, связывающие его значение со значением исходного корня, разорваны. К числу этих непонятных слов можно отнести, например, существительное *axtibos* 'wedding' (стр. 19), которое образовано от причастия *āxto* 'been' с помощью суффикса *-ibos*. Но сам факт отнесения отглагольного прилагательного *āxto* к глаголу *āxxā* 'be' не в состоянии выяснить переход от значения 'been' к значению 'wedding', хотя на основе цыг. *āxxā* появилось и производное слово *āhhipa* 'circumstances', которое является бесспорным доказательством возможности расширения семантики глагола *āxxā*.— Еще один пример: цыг. *džariba* 'eagerness' (стр. 41), вероятно, надо рассматривать как производное от какого-н. глагола, незасвидетельствованного в лексических материалах рецензируемого словаря. Корень *džar-* наводит на мысль о балканском цыг. глаголе (*u*)*džarav*(*a*), который знаком мне из диалектов Болгарии. Цыг. (*u*)*džarav*(*a*) имеет не только черты фонетической близости с глаголом *udžakerava* в словаре Александра

---

[9] J. Sampson. Указ. соч., стр. 135.
[10] A. Paspati. Указ. соч., стр. 203.

Паспати[11], но одно и то же значение 'ждать'. Глагол *udžakerava* — сложное слово с ненадежной этимологией первой составной части лексемы. Сближение финляндского цыг. существительного *džariba* с соответствующим цыг. словом (*u*)*džaribe* на Балканах следовало бы тогда отнести к группе тех случаев, которые трудно поддаются семантическому обоснованию и еще ждут убедительных выяснений своего значения.

tšer(j)avā 'cook, boil' (стр. 124). Нам кажется, что Сэмпсон правильно видел в этом глаголе каузативное образование, которое возникло с помощью суффикса *-av*(*a*) от глагола *kerav*(*a*) 'to make' < др.-инд. *karốti*. Но Вальтонен не обратил внимания на убедительное толкование у Сэмпсона[12] и привлек только этимологические данные, приведенные у Тернера: <др.-инд. *kvắthati* (пракрит *kadhaï*). Эта этимология неосновательна: цыг. *keravav*(*a*) — новое производное в языке, его корень не соответствует удлиненному гласному звуку [*ā*] в др.-инд. каузативном глаголе *kāraya-*, потому что *ker-av-av*(*a*) непосредственно связано с формой *kar-ốti* (цыг. *e* < др.-инд. краткого *a*). В эту статью Вальтонен включает и отыменный глагол *tšerjuvā* 'boil', который произошел от причастия *tšerdo* (в общеевроп. цыг. языке *kerdo* 'готовый= сготовленный')+уже вышеупомянутый суффикс *-(j)uv*. Форма *tšerjuvā* убедительно свидетельствует о том, что др.-инд. глагол *kvắthati* здесь ни в коем случае не обуславливает появление цыг. *tšer(j)avā*.

В словаре особого внимания заслуживают те цыганские лексические единицы, которые заимствованы из других языков. Здесь вполне уместно затронуть вопрос о заимствованиях из балканских и славянских языков. Надо сказать, что автор успешно истолковал происхождение иностранных слов цыганской лексики и правильно установил большинство их первоначальных источников. Но есть и случаи, где он не смог согласовать представленного этимона с соответствующим обликом заимствованного слова в цыганском языке. Мы бы хотели предложить здесь некоторые поправки к проэтимологизированным автором цыганским словам иностранного происхождения. Причины допущенных неточностей и неясностей прежде всего фонетического характера.

dželtavā 'make yellow' (стр. 41) все-таки ближе всего связывается с болг. диал. *желтя* или русск. *желтить*; тут трудно было бы исходить из с.-хорв. *жутити* и т. д.

grexxos 'sin' (стр. 50). Очевидна близость этого слова к славянской форме *грех*, как она встречается в болг., с.-хорв. и русск. языках.

grōsno 'rough' (стр. 50—51) нельзя сопоставить с с.-хорв. *осорно* или лит. *grubùs*. Слово происходит от слав. прилагательного *грозно*, ср. в болг. или сербохорв. языках, где оно имеет значение 'плохой, некрасивый'.

prettavā 'threaten' (стр. 97) надо дать иное фонетическое обоснование. Соответствие можно найти в с.-хорв. слове *претити*, но не в его варианте *prijetiti*.

sēlo 'whole' (стр. 106). Автор правильно рассматривает как источник этого слова с.-хорв. и болг. прилагательное *цело*, но ошибается в ст.-слав. форме: «*selo*», вместо правильного цѣло.

stanja 'stable' (стр. 111). Происхождение этой лексической единицы ясно. Но Вальтонен ссылается только на польскую форму *stajnia* и не указывает, что в северослав. языках вариант *stanja* также распространен[13].

starrā 'try' (стр. 112) объясняется из с.-хорв. *изтражити*. Автор признает, что предлагаемое сближение не совсем убедительно. Этимологическую связь цыг. глагола следовало бы в этом случае отнести к болг. *старая се* или русск. *стараться* или с.-хорв. *старати се*.

trōmavā 'make lazy' (стр. 200) не объяснено в словаре. Оно является отыменным образованием от болг. или с.-хорв. прилагательного *тром*, *тромо*.

---

[11] Там же, стр. 558.

[12] J. Sampson. Указ. соч., стр. 145.

[13] Ср.: Г. П. Клепикова. Славянская пастушеская терминология. М., 1974, стр. 167—169.

Вальтонен поставил вопросительный знак после некоторых этимологических толкований, считая, вероятно, что они неудовлетворительно выясняют происхождение соответствующих цыганских слов. Здесь нельзя не указать на такие как *faxa* 'swaddle, wrapping' (стр. 44), *sippa* 'skin, leather' (стр. 107) или *ploxko* 'very; big', *plosko* 'regular, decent' (стр. 96), которые имеют как черты фонетической близости, так и близкую семантику с румын. *fașă*, н.-греч. τσίπα и русск. *плоско*. Слова *faša* и *cipa* употребляются, например, в цыганских диалектах Болгарии в упомянутых уже значениях.

Как показано выше, в словаре есть и сближения со славянскими словами, которые нельзя считать убедительными. В этом отношении интересен один пример: *bari sīla* 'leek' (стр. 25). Автор заметил, что первым элементом этого словосочетания является цыганское прилагательное *baro*, но не считает второе слово *sīla* заимствованным из слав. *сила* (ср. в словаре на стр. 107), а старается найти его этимологию — видимо, только по значению — в с.-хорв. названии *празилук* 'лук-порей', сравнивая с румын. *ceapă* и персид. *sīr*. Едва ли тут уместно говорить о заимствовании. Цыг. *bari sīla* (собственно говоря, оно значит 'большая сила') можно скорее считать экспрессивным названием, которое употребляется, вероятно, только в пределах какой-нибудь социальной группы финляндских цыган. Мы думаем, что сходными примерами узкого употребления цыганских слов с эмоциональной окраской являются в словаре также следующие: *juklo* 'policeman' (стр. 57; < цыг. *džuklo* [14] 'собака'), *kardīni* 'gun' (стр. 60; < цыг. *kar* 'колючка'+цыг. прич. *dīni* от глагола *dāvā* 'дать') и *pudra* 'gunpowder' (стр. 98; < цыг. *pudra* происходит от н.-греч. πούδρα, ср. болг. *пудра*, румын. *pudră* или русск. *пудра*).

Наш разбор имел целью показать, что настоящий этимологический словарь цыганского языка Финляндии, составленный П. Вальтоненом, является бесспорным доказательством того, что не только цыганологи, но и другие языковеды могут получить несомненную пользу от чтения этого лексического материала. Сделанные выше замечания никак не могут поколебать общего мнения о ценности этого словаря. Именно в этом и следует видеть большую заслугу автора настоящего издания.

К. Костов

---

[14] В болгарских социальных жаргонах очень любопытен следующий пример параллельного развития метафоры цыг. слова *džukel*. В деревне Смолско обвинили двух цыган в краже. Следствие, вероятно, было строгим, а цыгане, кажется, были невиновными. Тогда один из цыган сказал другому, что сельский староста (и его помощник) *džukel*. Должностные лица услышали их разговор и спросили, что значит слово *džukel*. См. И. К ъ н ч е в. Таен зидарски говор в с. Смолско, Пирдопско. «Известия на Института за български език», IV, 1956, стр. 392.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Абаев	В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка, I—II. М.—Л., 1958, 1973.
Архангельские былины	А. Д. Григорьев. Архангельские былины и исторические песни, т. 1, ч. 1—2. М., 1904.
Ашмарин	Н. Ашмарин. Словарь чувашского языка, I—XVII. Казань—Чебоксары, 1928—1950.
Байкоў—Некрашэвіч	М. Байкоў и С. Некрашэвіч. Беларуска-расійскі слоўнік. Менск, 1925.
БАС	Словарь современного русского литературного языка, 1—17. М.—Л., 1950—1965.
БД	Българска диалектология, I—VII. София, 1962—1974.
БЕР	Български етимологичен речник. Съставили Вл. Георгиев, Ив. Гълъбов, И. Заимов, Ст. Илчев. Св. I—VIII —, София, 1962—1971.
Богораз	В. Г. Богораз. Областной словарь колымского русского наречия. Сб. ОРЯС, 68, № 4, 1901.
БТР	Л. Андрейчин, Л. Георгиев, Ст. Илчев и др. Български тълковен речник. София, 1955.
Бялькевіч	І. К. Бялькевіч. Краёвы слоўнік усходняй Магілёўшчыны. Минск, 1970.
Варшавский словарь	J. Karłowicz, A. Kryński, W. Niedźwiedzki. Słownik języka polskiego, I—VIII. Warszawa, 1904—1927 (1952—1953).
Васнецов	Н. М. Васнецов. Материалы для объяснительного словаря вятского говора. Вятка, 1907.
Герасимов	М. К. Герасимов. Словарь уездного Череповецкого говора. СПб., 1910.
Геров	Н. Геров. Рѣчник на блъгарский языкъ, I—V. Пловдивъ, 1895—1904.
Говоры Прибалтики	В. Н. Немченко, А. И. Синица, Т. Ф. Мурникова. Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики. Рига, 1963.
Гринченко	Б. Д. Гринченко. Словарь украинского языка, I—IV. Киев, 1907—1909.
Даль²	В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, I—IV. Изд. 2. М., 1880—1882 (1955).
Даль³	В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, I—IV. Изд. 3. М., 1903—1909.
Данилевский	Н. Я. Данилевский. Дополнение к «Опыту областного великорусского словаря». Сб. ОРЯС, т. 7, № 3, 1869 г.
Деулинский словарь	Словарь современного русского народного говора (д. Деулино). Под ред. И. А. Оссовецкого. М., 1969.
Добровольский	В. Н. Добровольский. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914.

Дополнение к Опыту	Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. СПб., 1858.
Иванова. Подмоск.	А. Ф. Иванова. Словарь говоров Подмосковья. М., 1969.
И-С	Д. Толовски, В. М. Иллич-Свитыч. Македонско-русский словарь. М., 1963.
Караџић	Вук Стеф. Караџић. Српски рјечник истумачен њемачкијем и латинскијем ријечима. Треће (државно) издање. Биоград, 1898.
Картотека ДРС	Картотека словаря русского языка XI—XVII вв. (Институт русского языка АН СССР)
Картотека Словаря XVIII в.	Картотека Словаря русского языка XVIII в. (Ленинградское отделение Института русского языка АН СССР)
Касьяровіч	М. І. Касьпяровіч. Віцебскі краёвы слоўнік (матар'ялы). Віцебск, 1927.
Конески	Б. Конески. Речник на македонскиот јазик со српскохрватски толкувања, I—III. Скопје, 1961, 1965, 1966.
Куликовский	Г. Куликовский. Словарь областного олонецкого наречия. СПб., 1898.
Лексика Полесья	Лексика Полесья. М., 1968.
Мельниченко	Г. Г. Мельниченко. Краткий ярославский областной словарь. Ярославль, 1961.
Младенов	С. Младенов. Етимологически и правописен речник на българския книжовен език. София, 1941.
Носович	И. И. Носович. Словарь белорусского наречия. СПб., 1870.
Онежские былины	А. Ф. Гильфердинг. Онежские былины. Изд. 2-е, т. 1—3. СПб., 1894—1900.
Опыт	Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852.
Подвысоцкий	А. Подвысоцкий. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.
Полесье	Полесье. М., 1968.
Преображенский	А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка, I—II. М., 1910—1914. Окончание — «Труды ИРЯ», I, М., 1949.
Ровинский Черног.	П. Ровинский. Черногория в ее прошлом и настоящем. СПб., 1905 (Сб. ОРЯС, т. LXXX, № 2).
РСА	Речник српскохрватског књижевног и народног езика. Београд, I—VIII, 1959—1973.
САР[1]	Словарь Академии Российской, I—VI. СПб., 1789—1794.
Словарь Калининской области	Т. В. Кириллова, Н. С. Бондарчук, В. П. Куликова, А. А. Белова. Опыт словаря говоров Калининской области. Калинин, 1972.
Словарь Оби	Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби, I—III. Томск, 1964, 1965, 1967. Дополнение. 1 часть, 1975.
Соликам. словарь	О. П. Беляева. Словарь говоров Соликамского района Пермской области. Пермь, 1973.
Сцяшковіч	Т. Ф. Сцяшковіч. Матэрыялы да слоўніка Гродзенскай вобласці. Мінск, 1972.
Тимченко	Е. Тимченко. Історичний словник українського язика. Харків—Київ, 1930.
Толстой[1]	И. И. Толстой. Сербско-хорватско-русский словарь. М., 1957.
Толстой[3]	И. И. Толстой. Сербско-хорватско-русский словарь. Изд. 3. М., 1970.

Ушаков	Толковый словарь русского языка. Под ред. Д. Н. Ушакова, 1—4. М., 1935—1940.
Фасмер	М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева. I—IV. М., 1964—1973.
Филин	Словарь русских народных говоров. Под редакцией Ф. П. Филина, I—X. Л., 1966—1974.
Хостник	М. Хостник. Словинско-русский словарь. Горица, 1901.
Bartoš	F. Bartoš. Dialektický slovník moravský (=Archiv pro lexikografii a dialektologii, číslo 6). Praha, 1906.
Berneker	E. Berneker. Slavisches etymologisches Wörterbuch. *A — morъ*. Heidelberg, 1908—1913.
Brückner	A. Brückner. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1957.
Gebauer	J. Gebauer. Slovník staročeský, I—II. Praha, 1903—1916 (переиздание — 1970).
Fraenkel	E. Fraenkel. Litauisches etymologisches Wörterbuch, 1—18. Heidelberg—Göttingen, 1955 и сл.
Frisk	Hj. Frisk. Griechisches etymologisches Wörterbuch, 1—22. Heidelberg, 1954—1970.
Iveković—Broz	F. Iveković, J. Broz. Rječnik hrvatskoga jezika, I—II. Zagreb, 1901.
Kálal	M. Kálal. Slovenský slovník z literatúry aj nárečí. Banská Bystrica, 1924.
Karłowicz	I. Karłowicz. Slownik gwar polskich, I—VI. Kraków, 1900—1911.
Kott	F. Št. Kott. Česko-německý slovník, I—VII. Praha, 1878—1893.
Lorentz	Fr. Lorentz. Slovinzisches Wörterbuch, I—II. St. Petersburg, 1908, 1912.
Machek[2]	V. Machek. Etymologický slovník jazyka českého. Druhé opravené a doplněné vydání. Praha, 1968; Praha, 1971.
Miklosich	F. Miklosich. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886.
Mühlenbach — Endzelin	K. Mühlenbach. Latviešu valodas vārdnīca, red. J. Endzelīns. Rīgā, 1923 и след.
Muka	E. Muka. Słownik dolnoserbskeje rěcy. I—II. Петроград, 1921, 1928.
Sławski	F. Sławski. Słownik etymologiczny języka polskiego, 1—20—.Kraków, 1953—1974—.
SSJ	Slovník slovenského jazyka. Vyd. Slovenskej Akademie Vied, ved. redaktor dr. Š. Peciar. I—VI. Bratislava, 1959—1968.
Sychta	B. Sychta. Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej, I—VI. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1967—1973.
Trautmann	R. Trautmann. Baltisch—slavisches Wörterbuch. Göttingen, 1923.
ВЯ	Вопросы языкознания
ЖСт	Живая Старина
Изв. ОРЯС	Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук
КСИС	Краткие сообщения Института славяноведения и балканистики АН СССР

MJ	Македонски јазик
РФВ	Русский Филологический Вестник
СбНУ	Сборник за народни умотворения, наука и книжнина
Сб. ОРЯС	Сборник статей, читанных в Отделении русского языка и словесности Императорской Академии наук
AfslPh	Archiv für slavische Philologie
BSOAS	Bulletin of the School of Oriental and African Studies
ČMS	Časopis Matice Slovenske
JSFOu	Journal de la Société Finno-Ougrienne
KZ	Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen
LMS	Letopis Matice Slovenske
MSL	Mémoires de la Société de linguistique de Paris
SOc	Slavia Occidentalis
UAJb	Ural-Altaisches Jahrbuch
ZfSl	Zeitschrift für Slawistik

авест.	авестийский
азерб.	азербайджанский
аккад.	аккадский
алт.	алтайский
англ.	английский
англосакс.	англосаксонский
арийск.	арийский
арм.	армянский
афг.	афганский
бад.	бадахшанский
бактр.	бактрийский
балкар.	балкарский
балт.	балтийский
барт.	бартангский
башк.	башкирский
белудж.	белуджийский
блр.	белорусский
болг.	болгарский
ботевград.	ботевградский
брет.	бретонский
булг.	булгарский
бурят.	бурятский
вахан.	ваханский
венг.	венгерский
вепс.	вепсский
витеб.	витебский
влад.	владимирский
в.-луж.	верхнелужицкий
волог.	вологодский
вост.-осет.	восточно-осетинский
вят.	вятский
галльск.	галльский
гомер.	гомеровский
гот.	готский
греч.	греческий
гродн.	гродненский
груз.	грузинский
дат.	датский
диг(ор).	дигорский
др.-англ.	древнеанглийский
др.-болг.	древнеболгарский
др.-в.-нем.	древневерхненемецкий
др.-герм.	древнегерманский
др.-гутн.	древнегутнийский
др.-инд.	древнеиндийский
др.-иран.	древнеиранский
др.-ирл.	древнеирландский
др.-исл.	древнеисландский
др.-кимр.	древнекимрский
др.-кит.	древнекитайский
др.-лит.	древнелитовский
др.-прусск.	древнепрусский
др.-русск.	древнерусский
др.-сакс.	древнесаксонский
др.-тибет.	древнетибетский
др.-тюрк.	древнетюркский
др.-фризск.	древнефризский
др.-чуваш.	древнечувашский
егип.	египетский
енис.	енисейский
житом.	житомирский
зап.-осет.	западноосетинский
зеб.	зебаки
и.-е.	индоевропейский
ирл.	ирландский
ирон.	иронский
исл.	исландский
исп.	испанский
ит:	итальянский
итал.	италийский
ихтим.	ихтиманский
ишкашим.	ишкашимский
казах.	казахский
калин.	калининский
карачаев.	карачаевский
картв.	картвельский
кашуб.	кашубский
кетск.	кетский
кимр.	кимрский
кирг.	киргизский
кит.	китайский
куйбыш.	куйбышевский
кул.	кулябский
курайск.	курайский

курд.	курдский
куч.	кучанский
кушит.	кушитский
лат.	латинский
лезг.	лезгинский
лит.	литовский
лтш.	латышский
ляш.	ляшский
макед.	македонский
могил.	могилевский
монг.	монгольский
моск.	московский
нган.	нганасанский
н.-греч.	новогреческий
н.-дат.	новодатский
нем.	немецкий
нж.-нем.	нижненемецкий
нидерл.	нидерландский
нижег.	нижегородский
н.-луж.	нижнелужицкий
н.-норв.	новонорвежский
новг.	новгородский
н(ов).-в.-нем.	нововерхненемецкий
норв.	норвежский
н.-перс.	новоперсидский
н.-швед.	новошведский
общеенис.	общеенисейский
олон.	олонецкий
орош.	орошорский
осет.	осетинский
пам.	памирский
пенз.	пензенский
перм.	пермский
перс.	персидский
петерб.	петербургский
пирдоп.	пирдопский
полесск.	полесский
польск.	польский
помор.	поморский
португ.	португальский
прагерм.	прагерманский
праслав.	праславянский
псков.	псковский
рум.	румынский
русск.	русский
русск.-ц.-слав.	русский церковнославянский
руш.	рушанский
ряз.	рязанский
сагайск.	сагайский
самоков.	самоковский
сангл.	сангличи
сарат.	саратовский
сев.-русск.	севернорусский
семит.	семитский
серб.-ц.-слав.	сербскоцерковнославянский
сиб.	сибирский
слав.	славянский
слвц.	словацкий
словен.	словенский
смол.	смоленский
согд.	согдийский
соф.	софийский
ср.-в.-нем.	средневерхненемецкий
ср.-ирл.	среднеирландский
ср.-кимр.	среднекимрский
ср.-перс.	среднеперсидский
ст.-польск.	старопольский
ст.-слав.	старославянский
ст.-узб.	староузбекский
ст.-укр.	староукраинский
ст.-чеш.	старочешский
с(ербо)хорв.	сербохорватский
сымско-кетск.	сымско-кетский
тадж.	таджикский
тамб.	тамбовский
тамил.	тамильский
татар.	татарский
твер.	тверской
татск.	татский
тибет.	тибетский
тох.	тохарский
тув.	тувинский
тул.	тульский
тур.	турецкий
туркм.	туркменский
турф.	турфанский
тюрк.	тюркский
узб.	узбекский
уйгур.	уйгурский
укр.	украинский
урал.	уральский
фин.	финский
франц.	французский
хакас.	хакасский
хет.	хеттский
ц.-слав.	церковнославянский
цыг.	цыганский
чагат.	чагатайский
череп.	череповецкий
чеш.	чешский
чуваш.	чувашский
швед.	шведский
шорск.	шорский
шток.	штокавский
шугн.	шугнанский
шумер.	шумерский
эвенк.	эвенкийский
эст.	эстонский
эфиоп.	эфиопский
югск.	югский
юж.-русск.	южнорусский
юкагир.	юкагирский
ю.-чеш.	южночешский
язг.	язгулемский
якут.	якутский
яросл.	ярославский

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ